Э.М. ДАЛГАТ

ГОРОД И ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ДАГЕСТАНЕ

во второй половине XIX – начале XX в.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Э.М. Далгат

ГОРОД И ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ДАГЕСТАНЕ

во второй половине XIX – начале XX в.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Лавраевъ

Махачкала, 2015

УДК-94(47)
ББК-63.3(2)5
Д15

institutеofhistory.ru

Рецензенты:
Мансурова А.Г., канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИИАЭ ДНЦ РАН,
Абдулаева М.И., канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИИАЭ ДНЦ РАН.

Издание осуществлено на средства гранта Главы Республики Дагестан.

Далгат Э.М.
Д15 Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. — Махачкала: МавраевЪ, 2015. — 256 с.: ил.

ISBN 978-5-4447-0032-7

Книга посвящена истории трех городов Дагестанской области и городской жизни во второй половине XIX — начале XX в. Город показан как многофункциональный организм, сыгравший важную роль в политическом, экономическом и культурном развитии Дагестана. Рассмотрены вопросы формирования городского населения, экономического развития городов, хозяйственных занятий горожан, а также развития городской культуры и повседневной жизни городских жителей.

Книга основана на широкой источниковой базе, иллюстрирована. Она предназначена для историков и всех, интересующихся историей Дагестана.

Фото на обложке: 1 стр. — Порт в Петровске; 2 стр. — Ермоловские ворота в Дербенте.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-4447-0032-7

© ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2015
© Далгат Э.М., 2015
© ИД «МавраевЪ» (дизайн, верстка), 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

ГЛАВА I
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ 10
§ 1. Дербент 10
§ 2. Петровск 40
§ 3. Темир-Хан-Шура 58

ГЛАВА II
НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ 68
§ 1. Численность, этнический состав 68
§ 2. Эволюция социального облика городского населения. 78

ГЛАВА III
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРОЖАН. 89
§ 1. Зарождение и развитие важнейших промышленных отраслей экономики городов. 89
§ 2. Города как центры торговли 107
§ 3. Хозяйственные занятия горожан 128
а) Ремесла 128
б) Сельскохозяйственные занятия. 129
в) Извозный промысел 135
г) Отходничество. 140

ГЛАВА IV
ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА 143
§ 1. Народное образование. 143
§ 2. Медицинское обслуживание и санитарное состояние городов. 157
§ 3. Водоснабжение городов. 161
§ 4. Благоустройство городов. 166
§ 5. Культурная жизнь в городах 175

ГЛАВА V
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН 197
§ 1. Городские дома 197
§ 2. Одежда 213
§ 3. Пища. 225
§ 4. Социальные аномалии в городах 231

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 239
Словарь терминов 241
Список сокращений 241
Библиография 242

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время усилился интерес ученых к проблеме урбанизации. Возникновение и развитие городов, жизнь и деятельность городского населения изучают историки, экономисты, этнографы, культурологи, социологи, философы и многие другие. Это объясняется тем, что на разных этапах исторического развития города играли важную роль в функционировании общества. Они были центрами торговли, ремесленного и промышленного производства, развития культуры. Города являлись мощными ретрансляторами новых исторических тенденций в развитии общества в сельскую округу, были зоной этноконтактов. Историки активно ведут работу по изучению городов Северного и Южного Кавказа. Этой теме посвящены монографии Л.В. Куприяновой[1], Ю.Д. Анчабадзе и Н.Г. Волковой[2], Э.Б. Мурадалиевой[3], К.Р. Оджаговой[4], З.В. Кануковой[5] и т.д.

Определенная работа по изучению городов ведется и дагестанскими историками.

На Северном Кавказе целый ряд городов возник еще в древности. Но лишь во второй половине XIX в. большое число поселений получило статус городов. Это было связано с градостроительной политикой Российской империи конца XVIII–XIX веков, использовавшей поселения городского типа в качестве основы для своего наступления на Кавказ. Вначале строились военные укрепления, крепости, которые в ходе экономического освоения завоеванных земель становились городами.

В Дагестане города возникли в раннем средневековье. Наиболее крупными были Дербент, Семендер, Варачан, Зирихгеран. В IX–X вв. Дербент

---

1. *Куприянова Л.В.* Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М., 1981.
2. *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX в. М., 1990.
3. *Мурадалиева Э.Б.* Города Азербайджана во второй половине XIX в. Баку, 1991.
4. *Оджагова К.Р.* Городское самоуправление Баку в конце XIX — нач. XX в. Баку, 2003.
5. *Канукова З.В.* Старый Владикавказ. Владикавказ, 2008.

был крупнейшим городом Кавказа. Ал-Истахри писал, что Дербент больше Ардебиля и Тифлиса[1].

Центрами административной, экономической и религиозной жизни, т.е. по сути выполнявшими функции городов в средневековье, были главные селения феодальных владений и союзов сельских общин такие как Кумух, Ахты, Хунзах, Тарки и т.д.

Предметом нашего исследования являются города Дагестанской области, а именно Дербент, имевший многовековую историю, а также официально получившие статус городов во второй половине XIX в. бывшие русские военные укрепления Петровск и Темир-Хан-Шура.

Хронологические рамки работы охватывают вторую половину XIX и начало XX веков, т.е. период, когда Российское государство, присоединив новые территории, начало их экономическое освоение. В 60-е, 70-е годы XIX в. в Дагестане были проведены реформы, способствовавшие вовлечению его народов в экономическое, политическое и культурное пространство Российской империи. Среди мероприятий правительства было и придание статуса городов бывшим военным укреплениям. По мере своего развития города способствовали социально-экономической и культурной модернизации дагестанского общества. Города были островками капитализма в традиционно сельском Дагестане.

П.Г. Рындзюнский писал: «… При многих частных отклонениях город и деревня в социально-экономическом отношении олицетворяли собой две разные ступени капитализма: город — вполне сложившийся буржуазный комплекс, деревня — низшую, неразвитую его ступень»[2].

Город является многофункциональным организмом. В специальных разделах нами показано возникновение и развитие городов, формирование их внешнего облика, даны численность, этнический и социальный состав населения. Нами рассматриваются такие сферы жизнедеятельности города, как экономическое развитие, хозяйственные занятия горожан, развитие городской культуры, повседневная жизнь городского населения. В таком разрезе города Дагестанской области изучаются впервые.

Интерес к истории городов проявляли еще дореволюционные исследователи Дагестана. В первую очередь это работы Е.И. Козубского о Дербенте[3], Темир-Хан-Шуре[4]. Первая работа была написана и издана в 1906 г. к столетию присоединения Дербента к Российской империи. Она очень

---

1. См.: *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIVвв. Махачкала, 1975. С. 27.
2. *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России во второй половине XIX в. М., 1983. С. 265.
3. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
4. Он же: Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904.

информативна, насыщена сведениями по различным аспектам возникновения и развития города на протяжении многих веков. Недостатком работы является отсутствие ссылок на источники. В «Очерке истории Темир-Хан-Шуры» Е.И. Козубского показано становление города, рассматриваются вопросы развития образования, медицинского обслуживания, этнический состав населения и т.д.

В работе Е.И. Козубского о Дагестанском конном полке[1], расквартированном в Темир-Хан-Шуре, имеются сведения о культурной жизни города и т.д. Ценным источником по исследуемой теме являются статьи И.С. Костемеревского о городе Петровске Дагестанской области, опубликованные в газете «Кавказ» в 1850-х годах[2]. Они содержат информацию о становлении города, о развитии морского судоходства и связанной с ним торговле в Петровске.

В советский период истории появился целый ряд работ о городах в Дагестане. Это работа А.Н. Кажлаева о возникновении и экономическом развитии Махачкалы[3], работы историка-краеведа Б.И. Гаджиева о Буйнакске — Темир-Хан-Шуре[4]. Большое внимание уделялось Дербенту в различные периоды истории. Это работы А.А. Кудрявцева[5], С. Хан-Магомедова,[6] М.С. Гаджиева.[7]

В последние десятилетия проблема городов Дагестана получила определенное освещение в работах З.У. Махмудовой,[8] П.И. Тахнаевой.[9]

Различным сторонам истории городов, их экономик, жизни городского населения посвящены работы дагестанских исследователей Г.И. Милованова[10], М.-Р.А. Ибрагимова[11], А.Г. Мансуровой[12], Р.А. Губахановой[13].

---

1. *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909.
2. *Костемеревский И.С.* Петровское // Кавказ, № 72, 73. 1856.
3. *Кажлаев А.Н.* Возникновение и экономическое развитие Махачкалы. Махачкала, 1967.
4. *Гаджиев Б.И.* Ворота в горы Дагестана. Махачкала, 1966; *Он же*: Темир-Хан-Шура. Буйнакск, 1992.
5. *Кудрявцев А.А.* Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982; *Он же*: Дербенту — 5000 лет. М., 1989; *Он же*: Пути развития северокавказского города. Ставрополь, 2003; *Он же*: Дербент древнейший город России. Махачкала, 2015.
6. *Хан-Магомедов С.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.
7. *Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана: опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002.
8. *Махмудова З.У.* Дербент в XIX — начале XX в.: этническая мозаичность города на «вечном перекрестке». М., 2006.
9. *Тахнаева П.И.* Махачкала. История другого города (1722–1921 гг.). Махачкала, 2007.
10. *Милованов Г.И.* Рабочий класс Дагестана. Махачкала, 1991.
11. *Ибрагимов М.-Р.А.* К истории формирования русского населения Дагестана // Советская этнография. № 2. 1978.
12. *Мансурова А.Г.* Промышленность Дагестана во второй пол. XIX — начале XX в. Махачкала, 2006; *Она же*: Городские рынки Дагестанской области во второй пол. XIX — нач. XX в. // Исследования по истории Дагестана. Махачкала, 2004.
13. *Губаханова Р.А.* Из истории становления буржуазии в Дагестане. Махачкала,

В последние годы защищены кандидатские диссертации Т.Т. Велихановой[1] и Л.Б. Салиховой[2], в первой из которых показана роль армян в экономическом и культурном развитии городов Дагестанской области, а вторая посвящена городскому самоуправлению в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в.

В ряде работ Э.М. Далгат рассмотрены вопросы развития городов Дагестанской области, формирования городского населения, хозяйственных занятий горожан, их повседневной жизни и городской культуры и т.д.[3]

Развитию культуры и образования в Дагестане, в том числе в городах области, посвящены работы Г.Ш. Каймаразова[4] и М.Я. Мирзабекова[5].

В сводных трудах по Северному Кавказу и Дагестану, в том числе, имеются сюжеты о городах. В «Истории народов Северного Кавказа» о дагестанских городах сказано совсем немного[6]. Несколько больше внимание городам уделено в первом томе двухтомной истории Дагестана[7]. В разделе о развитии капиталистической промышленности дан небольшой сюжет о городах и окружных центрах Дагестанской области.

Таким образом, в целом ряде научных работ получили освещение некоторые аспекты проблемы городов в Дагестанской области. Вместе с тем, нет работы, в которой были бы комплексно освещены вопросы возникновения городов, формирования их населения, экономического развития, культурной и повседневной жизни городского населения.

Источниковая база исследования достаточно обширна. Это опубликованные материалы — «Кавказские календари», «Обзоры Дагестанской

2003; *Она же*: Предпринимательство в Дагестане (1860–1917). Торговый капитал. Махачкала, 2006; *Она же*: Банки и экономика Дагестана во второй пол. XIX — нач. XX в. Махачкала, 2007.

1. *Велиханова Т.Т.* Вклад армянской общины в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь Дагестана во второй половине XIX — начале XX в. Рук. дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 2011.
2. *Салихова Л.Б.* Городское самоуправление в Дагестане. Махачкала, 2014.
3. *Далгат Э.М.* Формирование внешнего облика Порт-Петровска // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2006; *Она же*: Города Дагестанской области как промышленные и торговые центры второй половины XIX — начала XX в. // Материалы международной научно-практической конференции «Провинциальный город в XVIII—XXI в. (история, экономика, культура)». Кизляр, 2008; *Она же*: Повседневная жизнь городов Дагестанской области // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2010; *Она же*: Город в Дагестане во второй пол. XIX — нач. XX в. // Вестник ДНЦ № 38, 2010 и т.д.
4. *Каймаразов Г.Ш.* Очерки культуры народов Дагестана от времени присоединения к России до наших дней. М., 1971; *Он же*: Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX — 30-е годы XX в.). Махачкала, 2008.
5. *Мирзабеков М.Я.* Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX — 30-е годы XX в.) Махачкала, 2010.
6. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.
7. История Дагестана. Т. 1. М., 2004.

области» за разные годы, «Дагестанские сборники»[1], сборник документов[2], периодическая печать, фотоматериалы и т.д.

Большую ценность представляют архивные документы, выявленные нами в архивохранилищах нашей страны и за рубежом.

В первую очередь это Центральный государственный архив Республики Дагестан, фонды начальника Дагестанской области (ф. 126) , военного губернатора Дагестанской области (ф. 2), фонды общественных управлений городов области: ф. 14 городское общественное управление Дербента, ф. 23 — управление Петровска, ф. 69 — управление Темир-Хан-Шуры и ф. 6 — областное по городским делам присутствие.

Ценный материал по городам Дагестанской области, еще в бытность их русскими военными укреплениями, содержится в Российском государственном военно-историческом архиве, а именно в ф. 349 — Главное инженерное управление, ф. 846 — Военно-ученый архив, ф. 970 — Военно-походная канцелярия е.и.в. при императорской главной квартире и т. д.

Ценнейшим хранилищем документов по истории Дагестана, в том числе истории его городов, является национальный исторический архив Грузии. Нами использованы документы следующих фондов: ф. 5 — Канцелярия начальника главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, ф. 7 — Департамент Главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, ф. 12 — Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, ф. 13 — Канцелярия наместника на Кавказе и ф. 229 — Канцелярия наместника на Кавказе по военно-народному управлению.

Богатый материал по развитию экономики городов, по торгово-промышленным заведениям, расположенным в городах области, о социальном облике городов содержится в ф. 43 — Бакинская казенная палата Центрального государственного исторического архива Азербайджанской республики. Это Журналы генеральных проверок торговых и промышленных заведений в городах области, документы «О переменах податных сословий в городах Дагестанской области» и т.д.

Важным источником по городам Дагестанской области является периодическая печать исследуемого времени. Это газеты «Дагестанские областные ведомости», издававшиеся с 1909 г., кавказские газеты «Кавказ», «Каспий», «Баку», «Терские ведомости», «Голос Кавказа», «Весь Кавказ» и т.д. Они содержат ценный материал по повседневной и куль-

1. Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902; Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904.
2. Махачкала. 1844–1999. Сб. документов. Махачкала, 1999.

турной жизни городского населения, по другим аспектам развития городов.

В качестве ценного исторического источника, дающего представление об исследуемом времени: облике городов, одежде разных слоев городского населения, его занятиях, выступает фотография. Нами использованы фотографии, любезно предоставленные нам Музеем истории Махачкалы, фотографии из Государственного архива кино-фото-фонодокументов Грузии, Дагестанского государственного объединенного исторического и архитектурного музея, краеведческих музеев городов Дербента, Буйнакска и т.д.

Итак, источники по исследуемой теме разнохарактерны, многочисленны и позволяют показать разные стороны развития городов, осветить жизнь горожан в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в.

ГЛАВА I
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

§ 1. Дербент

Самым старшим из городов Дагестанской области является Дербент. История его возникновения уходит в глубину веков. Город возник в месте, где горы ближе всего подходят к Каспийскому морю, образуя узкий проход. Географическое положение предопределило особую роль Дербента в истории народов Дагестана, кочевых народов Предкавказья и народов стран Ближнего и Среднего Востока.

Кочевые народы Предкавказья, Северного Прикаспия в поисках добычи устремлялись через Дербентский проход в богатые земледельческие страны Ближнего и Среднего Востока, грабили их и возвращались обратно. Это вынуждало правителей этих стран совершать против кочевников походы, которые были малорезультативными. Поэтому было решено в самом узком месте построить мощный оборонительный комплекс. Это произошло в VI в. н.э.

Существовало более 20 названий Дербентского прохода, и везде присутствует слово «ворота». У греко-римских историков Дербентский проход был известен под названием Албанских, Каспийских или Аланских ворот; у албанских и армянских историков — под названием Чога, Чора, Джора; у грузинских — Дагвис-Кари (морские ворота) и Дарубанд; у византийских — Пур; у арабских — Баб-ал-абваб (главные ворота), Баб-ал-Хадид (железные ворота); тюрки тоже называли Дербент Железными воротами — Темир-Капы и т.д. Ученые-археологи спорят о том, с какого времени начинать отсчет истории Дербента. Одни считают, что городу 5 тыс. лет, другие ограничивают историю города 2-мя тыс. лет.

Древнее поселение, обнаруженное на Дербентском холме археологической экспедицией А.А. Кудрявцева, отнесено им к рубежу IV—III тысячелетий[1].

Таким образом, на территории Дербента люди уже жили в эпоху ранней бронзы. С этого времени поколения сменялись одно другим. Археологами обнаружены остатки каменных и турлучных жилищ, относящихся к рубежу II—I тысячелетий.

В культурных напластованиях города, относящихся к рубежу VIII—VII веков до нашей эры, ученые обнаружили следы пожаров и разрушений, бронзовые наконечники скифских стрел. Именно в это время через Дербентский проход из степей Предкавказья и Причерноморья шли в поход на Ближний Восток племена кочевников скифов.

В начале III века до нашей эры в Иране приходит к власти династия Сасанидов. Они начинают упорную борьбу за овладение Восточным Кавказом, в том числе и Прикаспийским проходом в районе Дербента. В I веке до нашей эры Дербент входил в состав государства Кавказская Албания, возникшего на территории Азербайджана и Южного Дагестана. Это было богатое государство, объединившее 26 племён. Центрами ремесел и торговли были 29 городов, из которых выделялся Дербент.

Недалеко от Дербента ученые-археологи нашли клады античных монет, изделия, изготовленные в странах Ближнего Востока. Это свидетельствует о том, что через Дербент шла международная торговля. Этот путь был гораздо выгоднее второго пути через Кавказ, проходящего через Дарьяльское ущелье, которое становилось непроходимым зимой.

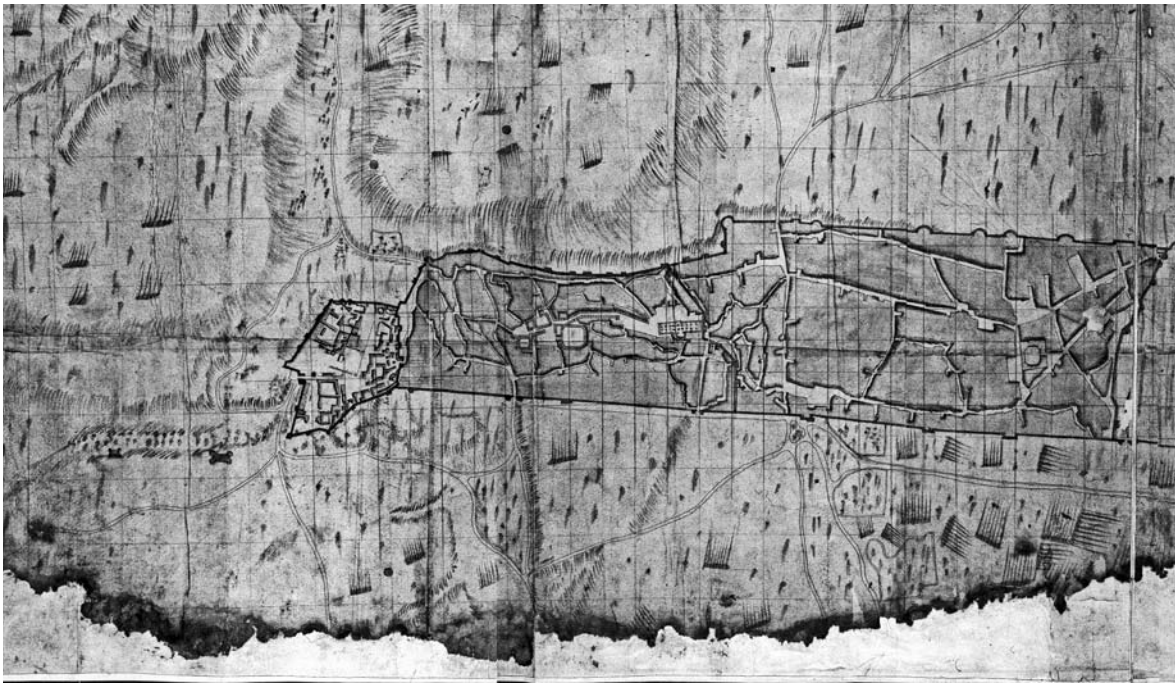
На рубеже двух эр несколько походов в Албанию совершили римские полководцы Помпей, Красс, император Нерон. Целью походов было установить контроль над кавказскими проходами, особенно Дербентским, как более удобным.

Первые века нашей эры характеризуются подъемом торговли, освоением дербентскими мастерами новых приемов строительства и т.д.

С III в. н.э. в степях Северного Прикаспия вновь активизируются кочевники и правители Ирана организовывают походы против них через Дербентский проход. Во время этих походов городу наносился большой ущерб, было разрушено и сгорело много зданий.

В результате набегов кочевников-гуннов с севера, походов сасанидских правителей Ирана с юга в V в. н.э. Кавказская Албания прекратила существование как самостоятельное государство. Она была включена в состав Ирана в качестве наместничества. Таким образом, Дербент оказался в составе Ирана. Иранские цари сразу начали возводить фортификационные

1. *Кудрявцев А.А.* Дербенту 5000 лет. Махачкала, 1989. С. 10.



*План Дербента (конец XVIII в.)**

сооружения. Строительство этих сооружений делится на два этапа. Первый — относится к середине V века, когда по приказу царя Ездигерда II в Дербенте была построена цитадель и стена из сырцового кирпича, которая тянулась от цитадели к морю, перекрывая проход.

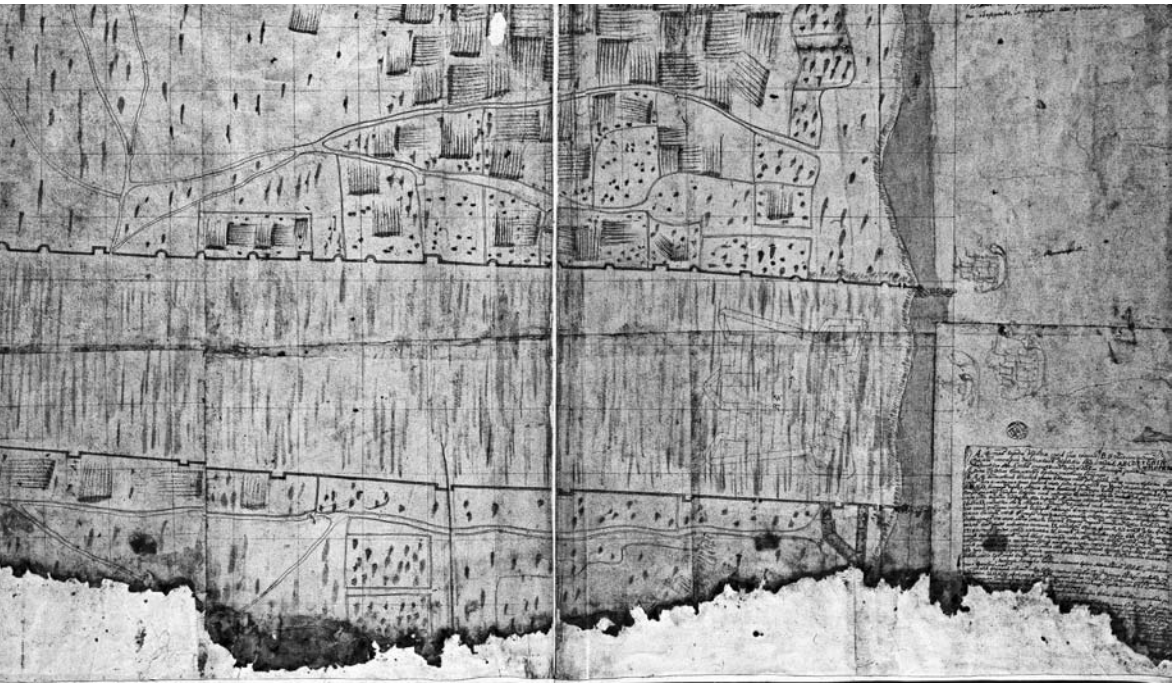
Второй этап относится к VI в.н.э. Иранские цари Кавад I и его сын Хосров I Ануширван вместо сырцовых укреплений построили в Дербенте мощный каменный оборонительный комплекс. В него входили: цитадель, северная, южная и поперечная стены и, наконец, Горная стена, протянувшаяся в горы Табасарана на 40 км.

В строительстве Дербентской оборонительной системы принимали участие многие народы Кавказа: дагестанцы, азербайджанцы, армяне и другие. Так, например, албанский историк X века Моисей Калакантуйский (Каганкатваци) пишет о «дивных стенах, для построения которых цари персидские изнуряли страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным»[1].

Одним из наиболее авторитетных арабских авторов, сообщавших о строительстве дербентской оборонительной системы, можно считать Ба-

1. См.: *Гурлёв И., Хан-Магомедов С., Малкин Г.* Дербент. Махачкала, 1976. С. 33.

* РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 21888. Л. 1.



ладзори (вторая половина IX в.). Он не только пользовался источниками, не дошедшими до нас, но и сам много путешествовал, сравнивая различные версии и оставляя наиболее вероятные.

В «Книге завоевания стран» Баладзори пишет, что царь Персии Кавад «построил преграду из нежженой глины (кирпича) между областью Ширваном и воротами Алан, а вдоль глиняной стены он построил триста шестьдесят городов, пришедших в разрушения после постройки ал-Баб-у—ал-Абуаба (Дербента. — *Э.Д.*). Когда после Кавада на престол сел его сын, Кесра Абнширван... он построил... город ал-Баб-у-ал-абуаба, который был назван Абуаб (воротами) потому, что он был построен вдоль дороги на горе...» Далее Баладзори пишет, что стена в районе Дербента была выстроена из камня, что она укрепляла границу Персии против хазар и «была проведена до вершин гор... И приказал он (Ануширван. — *Э.Д.*) возить на кораблях камни и бросать их в море, а когда они оказались над водой, он построил на них стену, продолжив её в море на три мили. Окончив постройку стены, Ануширван повесил у входа её железные ворота, поручив охрану их ста всадникам, тогда как раньше для охраны этого места требовалось пятьдесят тысяч солдат»[1].

В.В. Бартольд отмечает, что арабы говорили о том, что стены, уходившие в море, были построены из камня и свинца. По словам Макдиси,

1. *Баладзори*. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 7.

свинец служил вместо цемента[1]. Более поздние стены были возведены из плит тесаного камня, сложенных без всякого цемента и держащихся только своей тяжестью[2].

Представляет интерес следующее сообщение В.В. Бартольда. Он пишет, что «в первой половине X века обрушился мол, вдающийся в море. Стоимость восстановления была определена в 60 000 динаров»[3]. И в это время на берегу были найдены зарытые в песок еще в VI веке по приказу Хосрова I Ануширвана материалы: «тесаные камни, в каждом 2 отверстия по железной палке, облитой свинцом»[4]. Из этих материалов мол был восстановлен. Пришлось только заплатить рабочим. Из сказанного видно, как серьезно Сасаниды относились к строительству Дербентского оборонительного комплекса.

Неослабевающий поток кочевых племен, объединившихся в мощные союзы, заставлял правителей Востока не жалеть ни денег, ни военных ресурсов для укрепления Дербента. Сюда вкладывали огромные средства не только Сасанидский Иран, но нередко и соперничавшая с ним Византия. На многие века Дербент становится северной границей крупнейших государств Ближнего и Среднего Востока.

После падения государства Кавказская Албания земли севернее Дербента отошли кочевникам-гуннам. Государство гуннов позже вошло в состав Хазарского каганата.

Начиная с VII в. Дербентский проход становится объектом внимания арабов. Сасанидская империя в середине VII в. пала и арабам за обладание Дербентом пришлось более полувека сражаться с хазарами.

В состав халифата Дербент удалось включить в первой четверти VIII века после успешных походов арабского полководца Масламы Бен Аба-ал-Мелика.

С именем Масламы связаны большие строительные работы в Дербенте. В «Дербенд-наме» сказано: «Абу Муслим[5], придя в Дербенд, сначала восстановил и привел его в порядок, установил железные ворота и затем ушел. Абу Муслим прибыл во второй раз, разрушил постройку, известную под названием Сехрендис[6], которая была сделана раньше Ануширваном, и реставрировал башни Дербенда. Для хранения казны и оружия он восстановил один огромный ружейный склад (джеббахане) под названием Кайд и благоустроил его. Стену Кайда продолжили внутрь моря на сто пять-

1. *Бартольд В.В.* К истории Дербента. Сочинения в 9-ти томах. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 787.
2. Там же.
3. Там же. С. 788.
4. Там же.
5. В «Дербенд-наме» Масламу называют Абу Муслимом.
6. *Мухаммед Аваби Акташи*. Дербенд-наме. Махачкала, 1992. С. 64.

*Вид г. Дербента при Каспийском море. Гравюра Осипова. 1796 г.**

десят локтей. Дал указание ремонтировать разрушенные места города и крепости»[1].

Он построил в Дербенте здания для хранения зерна, собранного в вилайатах Дагестана. Затем Маслама обустроил город Дербент, разделил его на семь махала (кварталов) и в каждом построил мечеть. Он построил также в городе большую Джума-мечеть для пятничной молитвы. Маслама построил несколько ворот: Ворота мухаджиров, Ворота джихада, Малые ворота, Скрытые ворота, Ворота крепости. «И у них, – сказано в «Дербенд-наме», – возник обычай посылать человека для переговоров через эти ворота»[2].

За обширную строительную деятельность Масламу называли «вторым отцом Дербента», первым был Ануширван. Население Дербента было обращено в мусульманство. Город и крепости вдоль Горной стены были заселены арабскими переселенцами.

Халиф назначал в город своих наместников, здесь стоял большой арабский гарнизон. Арабы использовали Дербент как плацдарм для дальнейшей исламизации Дагестана.

---

1. Там же. 149, 15.
2. Там же.

* НА Грузии. FPA. PA 2. P. № 59.

*Вид на Дербент с севера. Фото Д. Ермакова.**

Уже в VII–VIII вв. на Кавказе Дербент занимал второе место после города Бердаа. Третье место принадлежало Тифлису[1]. Своего наибольшего расцвета Дербент достиг при арабах в VIII–X вв. На этот период приходится широкое развитие различных ремёсел. В Дербенте занимались металлообработкой, выдували стекло, здесь были хорошие резчики по камню, гончары, обрабатывали кожи. Дербент был значительным центром ткацкого производства. Среди всех кавказских городов только Дербент специализировался на производстве полотняных одежд. «Из Баб ал-абваба вывозятся полотняные одежды и нет нигде таких одежд, кроме как здесь — ни в Арране, ни в Армении, ни в Азербайджане. Там произрастает также шафран», — писал ал-Истахри о Дербенте[2]. Изготовлением полотна и одежд из него занимались жители Дербента и окружающих селений.

1. *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Сочинение в 9-ти томах. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 681.

2. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. С. 11.

* НА Грузии. FPA. PA 2. P. № 43.

Слово «катан», которое употребляют арабские авторы, когда пишут о производстве полотна в Дербенте, означает по-арабски лён и льняное полотно[1], из чего следует, что здесь выращивали лён.

Другой автор — Балами писал о Дербенте, что в этом городе производят ткани, называемые махсури, которые вывозятся в Азербайджан, Ирак, Фарс, Керман, Табаристан и Хорасан[2].

Велико было значение Дербента как центра международной, транзитной торговли. Сюда привозились товары из северных стран – Древней Руси, Волжской Булгарии, из мусульманских стран — Ирана, Сирии, Средней Азии, Египта, из Закавказья. Арабские авторы дают описание торговой трассы Бердаа — Баб-ал-абваб: от Бардаа до Берзенджа — 18 фарсахов, от Берзенджа через переход по Куре до Шемахиййи — 14 фарсахов, от Шемахиййи до Ширвана 3 дня пути, от Ширвана до Абхаза — 2 дня пути, от Абхаза до Джасар Самура — 12 фарсахов, от Джасар Самура до Баб-ал-абваба 20 фарсахов[3]. А.Р.Шихсаидов пишет, что «точная фиксация переходов — показатель существования регулярно действующей трассы. Баб-ал-абваб не был конечным пунктом этой трассы, ибо путь шел далее, на Семендер и Итиль»[4].

Большое значение имела морская торговля. «Дербент был единственным укрепленным городом на Каспийском море», – отмечает В.В. Бартольд. И далее он пишет: «Из всех городов на Каспийском море только Дербент обладал гаванью»[5]. Она была расположена «в середине» города, причем между морем и пристанью построено две стены, и это сузило проход для судов и сделало его извилистым. У входа была протянута цепь. Эти слова принадлежат ал-Истахри, а Ибн Хаукал добавляет, что суда, желающие попасть в гавань, должны пройти ворота, что закрыты на замок и как бы висят над водой, а далее, в самом начале входа, по которому корабли попадают в фарватер, протянута цепь. Цепь была закрыта на замок, находящийся в ведении того, кто наблюдал за состоянием моря, причем судно входит (в гавань) только с разрешения владельца замка[6].

Персидский текст ал-Истахри вносит иной оттенок: судно может войти в гавань и выйти из неё только по распоряжению жителей города[7].

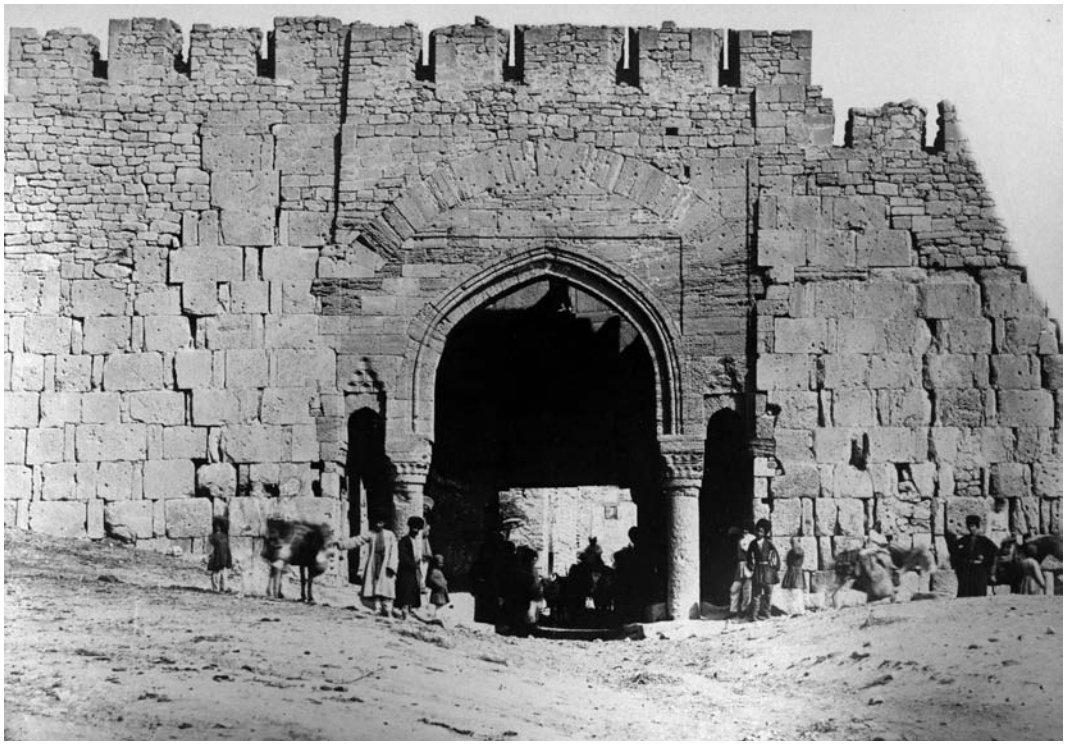
Дербент был крупным центром работорговли. Сюда привозились рабы из всех немусульманских стран[8]. Кроме того, В.В. Бартольд пишет о том,

---

1. *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 22, 23.
2. Там же. С. 23.
3. Там же. С. 24, 25.
4. Там же. С. 25.
5. *Бартольд В.В.* К истории Дербента. Сочинения в 9-ти томах. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 787.
6. *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 25.
7. Там же.
8. *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 787.

*Ворота Дербента. Фото Д. Ермакова.**

* НА Грузии. FPA. PA 2. P. №№ 44, 45.



*Ворота Дербента. Фото Д. Ермакова. **

* НА Грузии. ГРА. РА 2. Р. №№ 46, 47.

что «на дороге в Дербент, тоже был мост на реке Самуре. Здесь поддерживались торговые отношения с византийцами и с хазарами на Каспийском море. Как говорит персидский автор, географ конца X в., эти области были самыми богатыми в мусульманском мире»[1].

В X веке после того, как распался Арабский халифат, Дербент потерял свою роль пограничной крепости крупного государства и стал центром небольшого феодального владения. В это время больше внимания уделялось укреплению и украшению самого города, а не поддержанию системы оборонительных сооружений.

В XI в. Дербент захватили турки-сельджуки, в XII в. город подпадает под власть азербайджанской династии Пехлеванидов[2].

В начале XIII в. в степях Центральной Азии образовалось монгольское государство во главе с Чингисханом. Монголы начали завоевательные войны. В 1219 году ими была завоевана Средняя Азия. Затем они захватили Иран и появились в Закавказье. Огнем и мечом они прошли по земле Грузии, Армении и Азербайджана. В 1222 году монголы появились под стенами Дербента. Увидев мощные оборонительные сооружения, монгольские полководцы Джебе и Субудай приняли решение не брать город, а обойти его стороной. Их главной целью было выйти к границам русских земель, чтобы выяснить, насколько сильны русские, можно ли завоевать русские княжества.

Монголы выманили из Дербента посольство из 10 вельмож (акабир), и, как пишет арабский автор, «одного из них монголы убили, а другим сказали: «Если вы не покажете нам путь через Дербент (в обход), мы вас тоже убьем!». Они из страха за свою жизнь указали путь, и те прошли[3].

Второй поход на Кавказ монголы совершили в 1231 г. Как и в первом походе они разрушили много городов, истребляли население. К Дербенту монголы подошли в 1239 г. и взяли его. Разрушать его, как другие города в Закавказье, они не стали, чтобы использовать его для сохранения своего господства в этом регионе.

Монгольское нашествие тяжело отразилось на экономике города. Упало ремесленное производство, нарушились торговые связи со странами Ближнего и Среднего Востока.

В середине XIII века (в 1253 году) Дербент посетил посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мангу монах Вильгельм Рубрук. Он оставил довольно подробное описание города: «Это — город, восточная оконечность которого находится на берегу моря и между морем и горами

1. *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 681.
2. *Гурлев И., Хан-Магомедов С., Малкин Г.* Дербент. Махачкала, 1976. С. 35.
3. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т.1. Кн. 2. С. 229.

Деталь интерьера дербентских ворот. Фото Г. Исмаилова

имеется небольшая равнина, по которой тянется самый город вплоть до вершины горы, прилегающей к ней с запада; таким образом, выше нет никакой дороги из-за непроходимости гор, а ниже нельзя пройти по причине моря, и дорога лежит единственно прямо по середине города поперек, где находятся Железные ворота, от которых назван город. Он имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня. Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравняв башни со стеною»[1].

Таким образом, монголы разрушили только башни, а сам город остался цел.

В конце XIV в. Дербент попадает под власть шахов Ширвана. При них восстанавливаются городские укрепления и строятся новые мечети. Но ширваншахи не имели возможности содержать в порядке сооружения дербентской гавани, она разрушается, поэтому город теряет свое значение в морской торговле. Центр морской торговли перемещается в резиденцию ширваншахов город Баку.

В конце XIV века при ширваншахе Ибрагиме Дербенди Дагестан стал ареной схваток хана Золотой Орды Тохтамыша и Тамерлана. В 1386 году

1. *Иоанн де Плано Карпини*. История монголов // Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 170.

Крепость Нарын-кала в Дербенте. Фото Г. Исмаилова

*Вид Дербента с северо-запада. Фото Д. Ермакова. **

* НА Грузии. ГРА. РА 2. Р. № 48.

Вид внутри крепости Нарын-кала. Фото Г. Исмаилова

Гравюра А. Олеария. Дербент. Общий вид города в 1638 г.

Тохтамыш с 90-тысячной армией прошел Дагестан («послал войско со стороны Дербента до Самура»), Ширван, разрушил Нахичевань, Тебриз, Марагу. В ответ на это Тимур выступил против Тохтамыша, ворвался в Азербайджан, овладел Тебризом[1].

В этой сложной внешнеполитической обстановке судьба Ширвана и Дербента зависела от позиции его правителя – ширваншаха новой династии Ибрагима Дербенди. Он сумел использовать сложившуюся обстановку, воспользоваться противоречиями грозных соперников, выступил на стороне Тимура и сумел тем самым сохранить самостоятельность Ширвана, уберечь Ширван и Дербент от разорения…[2]

В конце XIV века войска Тимура и Тохтамыша сталкивались неоднократно. Особенно ожесточенный характер их борьба приняла в 1395–96 годах. Весной 1395 года Тимур прошел через Дербент, и, истребляя тех, кто выступал против него, дошел до реки Терек. Здесь произошло сражение, в котором Тимур одержал победу над Тохтамышем. Разорив Северный Кавказ, опустошив многие дагестанские села, Тимур в 1396 году вернулся в Дербент. Он приказал произвести восстановительные работы в Дербентской крепости, а охрану поручил Ибрагиму Дербенди[3]. Благодаря усилиям

1. *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV века. Махачкала, 1996. С. 304.
2. Там же.
3. Там же. С. 308.

Ибрагима Дербенди город был в значительной мере отстроен, оживилась его экономическая жизнь.

В XVI–XVII веках Дербент стал ареной ожесточенных войн между Турцией и сефевидским Ираном. В начале XVI века Дербент был присоединен к Персии. В 1578 г. городом овладевает Турция. В 1606 г. персидский шах Аббас I, разбив турок, вновь овладел Дербентом и Ширваном.

При Аббасе I в Дербенте велись большие строительные работы. Были восстановлены крепостные стены, возведены две поперечные стены, сооружен водопровод, сеть фонтанов и резервуар для воды. Из Персии в Дербент было переселено 400 семейств.

В 1638 г. Дербент посетил Адам Олеарий. В своей книге «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно»[1] А. Олеарий дает описание Дербента. Ко второму изданию книги автор дал рисунок города. Судя по рисунку, Дербент делился на четыре части: 1) цитадель с плотной застройкой, над которой возвышается минарет; 2) примыкающая к цитадели верхняя населенная часть города, ограниченная с востока каменной стеной; здесь выделяются крупные постройки: караван-сарай и Джума-мечеть; 3) начинающая застраиваться средняя часть города, также отделенная с востока каменной стеной; 4) совершенно недостроенная нижняя часть города, отделенная от моря деревянной стеной с надвратной башней в центре. В правом верхнем углу рисунка за цитаделью видна одна

1. *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Колонный павильон над хижиной Петра Первого на берегу Каспийского моря в Дербенте. ДГОИАМ

из башен горной стены. Рисунок А. Олеария очень выразителен и дает хорошее представление о Дербенте первой половины XVII века.

Примерно в то же время Дербент посетил московский купец Федот Котов. Он дал свое описание города: «Дербент — укрепленный белокаменный город, только малонаселенный. Один конец города уходит в горы, другой доходит до моря. Длина города больше трех верст, а ширина саженей триста; город перегорожен поперек каменными стенами в двух местах, так что получается три города. Рассказывают, что тридцать башен этого города затопило море и теперь еще одна крепкая башня стоит в воде. От Дербента через горы к Черному морю, в Турецкую землю, когда-то была выстроена каменная стена. Все посады находятся в крепости, а за ней — отводные каменные башни»[1].

В XVII веке возрастает интерес русского правительства к Дербенту как важному пункту международной торговли. Дербент являлся «окном» России на Восток, открывавшим ей доступ на восточные рынки. Здесь интересы России столкнулись с интересами Персии и Турции.

В начале XVIII века Турция решила воспользоваться тем, что в Персии начались междоусобные войны и она была ослаблена, для того чтобы захватить каспийские области Кавказа. Петр I решил не допустить этого.

1. *Гурлев И., Хан-Магомедов С., Малкин Г.* Дербент. Махачкала, 1976. С. 38, 39.

Еще шла Северная война, а в России велась подготовка к Персидскому походу. В 1721 г. был подписан мирный договор со Швецией, а в следующем 1722 г. Петр I начал из Астрахани свой поход на Восток. 23 августа войска императора вступили в Дербент. Его жители встретили его доброжелательно. Петру I были преподнесены ключи от города и рукопись книги «Дербенд-наме».

Часть войск разместилась в цитадели, остальные недалеко от города. Император жил в цитадели. В силу ряда причин (нехватка продовольствия, солдаты болели малярией) Петр I решил вернуться в Россию. В Дербенте был оставлен сильный русский гарнизон, который оставался там до 1735 г.

Во время пребывания русских войск в Дербенте были составлены его планы. Судя по этим планам, в верхней, наиболее плотно застроенной части города, расположенной ближе к цитадели, находился торговый центр Дербента. Здесь вокруг площади было много караван-сараев, где могли останавливаться торговые караваны, проходившие через город. От площади к Джума-мечети вела главная улица, с двух сторон которой располагались лавки.

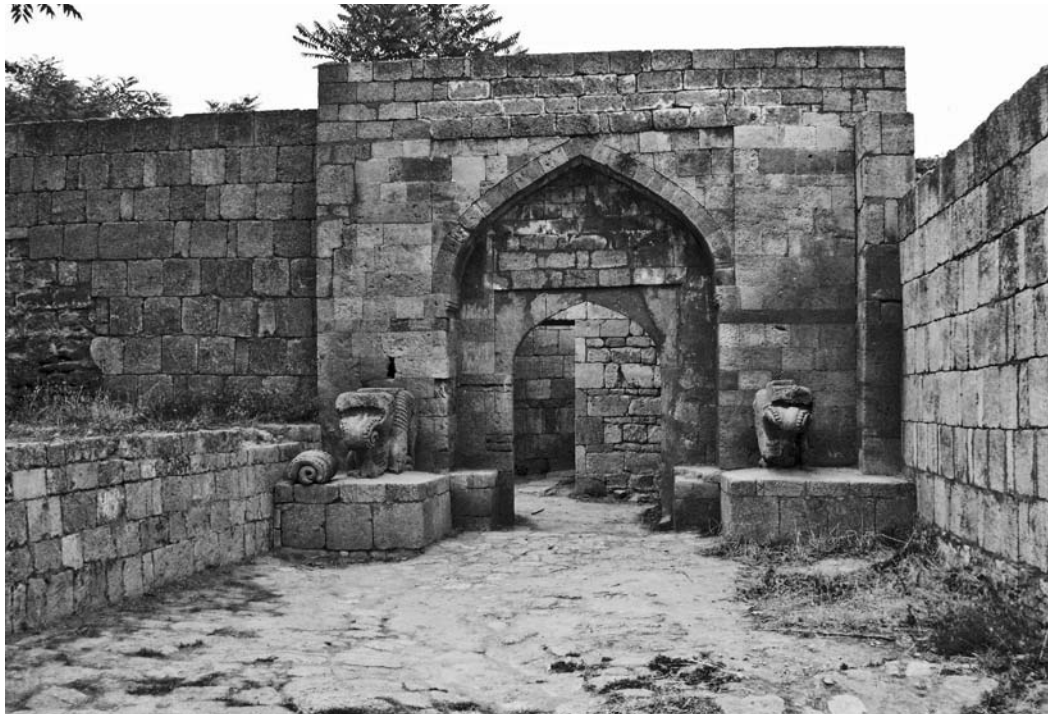
Понимая значение Дербента как плацдарма для наступления на Восток, Петр I собирался построить здесь гавань. Но в силу ряда обстоятельств осуществить проект не удалось. Был построен лишь мол.

В 30-е годы XVIII века внешнеполитическая ситуация изменилась. В результате заговора трон в Иране захватил Надир, главнокомандующий иранской армии, туркмен по национальности. Он стал вести активную внешнюю политику и поставил целью отвоевать у Турции кавказские земли. Начиная с 1735 года, он предпринял несколько походов на Кавказ, в том числе в Дагестан. На время походов в Дагестан он сделал своей резиденцией Дербент. По приказу Надир-шаха около гавани для него был построен дворец, не сохранившийся до наших дней. Пребывание Надир-шаха в Дербенте сопровождалось жестоким обращением с его жителями. Согласно легенде, после взятия Дербента он приказал вырвать по одному глазу у его защитников и закопать их под каменным столбом во дворе Джума-мечети[1].

Жестокая политика, проводимая персами в Дербенте, была причиной антииранского восстания в 1736 году. Его безжалостно подавили, а в наказание и в целях предупреждения новых волнений из Дербента 100 семейств насильственно переселили в глубь империи Надир-шаха – в Хамадан. Ходили слухи о намерении шаха выслать в Иран всех дербентцев, а в Дербент пригнать население из глубинных областей Ирана[2].

---

1. *Кудрявцев А.А.* Дербенту 5000 лет. М., 1969. С. 32.
2. *Магомедов Н.А.* Дербент и Дербентское владение в XVII — пер. пол. XIX в. Махачкала, 1998. С. 62.



Уголок крепости Нарын-кала. Фото Г. Исмаилова

Непосильные налоги, насильственная мобилизация в армию вызвали восстание против режима Надир-шаха не только в Дербенте, но и во всем Дагестане. Для покорения Дагестана Надир-шах начал строить укрепления и сторожевые башни. Стремясь создать базу для накопления новых сил и оградить оставшиеся войска от постоянных нападений горцев, Надир-шах возвел недалеко от Дербента в кадиевском владении укрепленный лагерь, получивший позже название «Иран хараб» (гибель, разорение Ирана)[1].

Освободительная борьба дагестанцев усиливалась, а положение иранской армии ухудшалось. Особенно тяжелое положение сложилось в Дербенте и его окрестностях, в том числе в лагере «Иран хараб». Русский резидент И. Калушкин доносил в Петербург, что в Дербенте много людей умерло от голода. Мертвыми телами была устлана дорога из Дербента в Шемаху.

Дагестанская кампания Надир-шаха окончилась провалом, и он был вынужден уйти в Иран. После смерти шаха в 1747 году созданное им государство распалось на целый ряд ханств, в том числе Дербентское и Кубинское ханства.

1. *Сотавов Н.А.* Крах «грозы вселенной». Махачкала, 2000. С. 169.

Будучи одним из сильнейших феодалов Восточного Кавказа, Фатали-хан Кубинский в 1759 году присоединил Дербентское ханство к своему. Для укрепления своего влияния он женился на сестре кайтагского уцмия Тату-Бике и сделал её правительницей Дербента. Летом Фатали-хан жил в Кубе, а зимой в Дербенте, где выстроил себе обширный дворец в цитадели.

В своей внешней политике кубинский хан ориентировался на союз с Россией, добивался своего принятия под её покровительство[1]. Россия поддерживала Дербентское ханство, развивало с ним торгово-экономические отношения. Вместе с тем Екатерина II опасалась, что на Кавказе образуется сильное государство на основе объединения раздробленных земель. Поэтому Государственный Совет 22 июня 1775 года, обсудив секретный рапорт генерала де-Медема о просьбе Фатали-хана принять его в подданство России, дал отрицательный ответ.

Не желая осложнений в отношениях с Ираном и Турцией, с которой только что был заключен мир, Екатерина II вернула Фатали-хану присланные им ключи от Дербента, сообщив о невозможности принятия Кубинского ханства в подданство России[2]. Несмотря на это, до смерти Фатали-хана в 1789 году, Кубинское ханство продолжало последовательно ориентироваться на Россию. После смерти Фатали-хана Кубинским и Дербентским ханствами управлял его сын Ахмед-хан, а затем Шейх-Али-хан. Они не сумели сохранить былого могущества ханства.

В 1795 году над Закавказьем нависла грозная опасность быть завоеванным иранским шахом Ага Муххамед-ханом Каджаром, войска которого вторглись в Карабах, Грузию. В таких условиях российское правительство стало действовать на Кавказе более решительно. В апреле 1796 года русские войска численностью до тридцати тысяч человек под командованием генерала В. А. Зубова подошли к Дербенту[3]. На требование покорности Шейх-Али-хан ответил отказом.

1 мая 1796 г. русские войска стали атаковать город с севера и юга, обстреливая Дербент со всех сторон. Горожане послали в русский лагерь депутацию с изъявлением покорности. Содействие русским оказала дочь Фатали-хана Периджахан-ханум. 10 мая 1796 г. Дербент был взят русскими войсками, Шейх-Али-хан был пленен, а Периджахан-ханум была назначена правительницей города. Вскоре весь край от Дербента до Шемахи и Ганджи оказался под контролем русских войск[4].

---

1. *Магомедов Н.А.* Указ. соч. С. 75.
2. История Азербайджана. Т.1. Баку, 1958. С. 347.
3. Там же. С. 377.
4. *Магомедов Н.А.* Указ. соч. С. 97.

Двор Джума-мечети. Фото Г. Исмаилова

Но вскоре умирает Екатерина II, а ее сын Павел I приказал своим войскам покинуть пределы Азербайджана, Дербента и Дербентского ханства, что, безусловно, пошатнуло авторитет России на Кавказе.

Ко времени похода В. А. Зубова на Кавказ относится несколько планов Дербента и рисунков, изображающих его общий вид. Участники похода оставили ряд интересных описаний города. В частности, есть сообщение о том, что в городе насчитывалось 1700 домов[1]. На планах Дербента 1796 года видно, что застройка города мало изменилась по сравнению с первой половиной XVIII века. Наибольшие изменения произошли в планировке цитадели, где на месте множества мелких построек появился большой ханский дворец[2].

С воцарением на российском престоле Александра I политика России на Кавказе активизировалась. В 1804 г. началась русско-иранская война,

1. *Гурлев И., Хан-Магомедов С., Малкин Г.* Указ. соч. С. 4.
2. Там же. С. 42.

успешная для России. 21 июля 1806 г. русские войска вступили в Дербент. И с этого времени он стал частью Российской империи. До этого жители Дербента послали к русскому командованию своих аманатов, предавая себя в совершенное подданство России. Еще раньше из Дербента бежал Шейх-Али-хан. 23 августа 1806 г. Дербентское ханство было передано в управление тарковскому шамхалу Мехти[1].

Война с Ираном закончилась победой России и подписанием в 1813 г. Гюлистанского мирного договора, согласно которому Иран юридически признал вхождение Дербента в состав Российской империи.

В феврале 1812 г. были образованы Дербентская и Кубинская провинции, во главе которых стояли военно-окружные начальники, осуществлявшие и высшие административные функции.

В 1840 году провинции были преобразованы в уезды, управление которыми осуществлялось по тому же принципу, что и во внутренних губерниях России, т.е. без учета местных национальных условий. Начался новый этап истории древнего государства в составе Российской империи.

По свидетельствам путешественников, побывавших в Дербенте в разное время, больших изменений в топографии города до XIX в. не происходило. В периоды расцвета город расширялся, выходил за пределы поперечной стены, застраивалась средняя часть. Благодаря торговому судоходству на Каспии оживлялась территория, примыкавшая к порту.

В периоды нашествия завоевателей город приходил в упадок и заселенной оказывалась только территория в пределах старого города — от цитадели до первой поперечной стены. Но на протяжении всей своей истории до XIX в. город развивался в междустенном пространстве. На протяжении всех веков своего существования вплоть до XIX в. Дербент оставался типичным восточным городом. После того, как в 1806 г. Дербент вошел в состав Российской империи, он попал в сферу влияния европейской градостроительной культуры. Русские власти хотели модернизировать город, перепланировать и расширить его. Существовало три основных варианта осуществления этого. По первому плану предлагалось сохранить старый город, а в Дубарах (нижней приморской части города) построить новый район. По второму плану предполагалось построить новый район за пределами крепостных стен, в то время как раньше за пределы крепостных стен никогда не выходили. И, наконец, по третьему плану предлагалось коренным образом перепланировать старый город.

Сторонником развития Дербента по первому плану был военный инженер Карпов. В 1811 г. он создал генеральный план развития города, по которому предполагалось полностью сохранить старую часть города,

1. *Магомедов Н.А.* Указ. соч. С. 98-99.

Ермоловские ворота в Дербенте. МИМ

а в Дубарах создать новый район с регулярной планировкой: три продольные улицы (и еще две вдоль крепостных стен) и шесть поперечных (самая западная криволинейная в плане, так как она шла вдоль сохраняемой поперечной стены). В верхней части Дубаров создавалась обширная квадратная в плане главная площадь, а на берегу моря — укрепление для гарнизона, с востока от которого выделялось незастроенное пространство (видимо, для удобства обстрела)[1]. Это был удачный проект, так как сохранялась историческая старинная часть города, а новые кварталы должны были появиться к востоку от него, как это было и раньше в средневековье. Но в 1816 г. командующим Кавказским корпусом был назначен А.П. Ермолов, который, побывав в Дербенте, приостановил действия по внедрению плана развития Дербента, предложенного Карповым. Генерал не заботился о сохранении старого города, для него было важно контролировать положение в кварталах этого города. А это было сложно из-за обилия извилистых улиц, тупиковых переулков. А.П. Ермолов предложил расширить улицы и создать площади. Посетив Дербент в начале 1824 г., он писал: «Город приказал я по возможности улучшить расширением улиц и, не допуская исправлять починкою ветхие строе-

1. *Хан-Магомедов С.* Дербентская крепость и Даг-Бары. М., 2002. С. 117.

ния, сделать площади»[1]. По его приказанию была сломана поперечная стена, отделявшая город от Дубаров, и на этом месте образована главная площадь — Церковная. Таким образом, город получил возможность расширяться к морю, и с этого времени безлюдные Дубары стали заселяться и застраиваться. В предписании А.П. Ермолова генералу Краббе от 5 марта 1824 года содержатся указания по устройству Дербента. «При расчистке улиц и площадей не делать жителям утеснения, не разрушать строений значительных, но отнюдь не допускать к исправлению тех, кои клонятся к падению, а по усмотрению из таковых более ветхих или негодных по малости своей тотчас разламывать»[2].

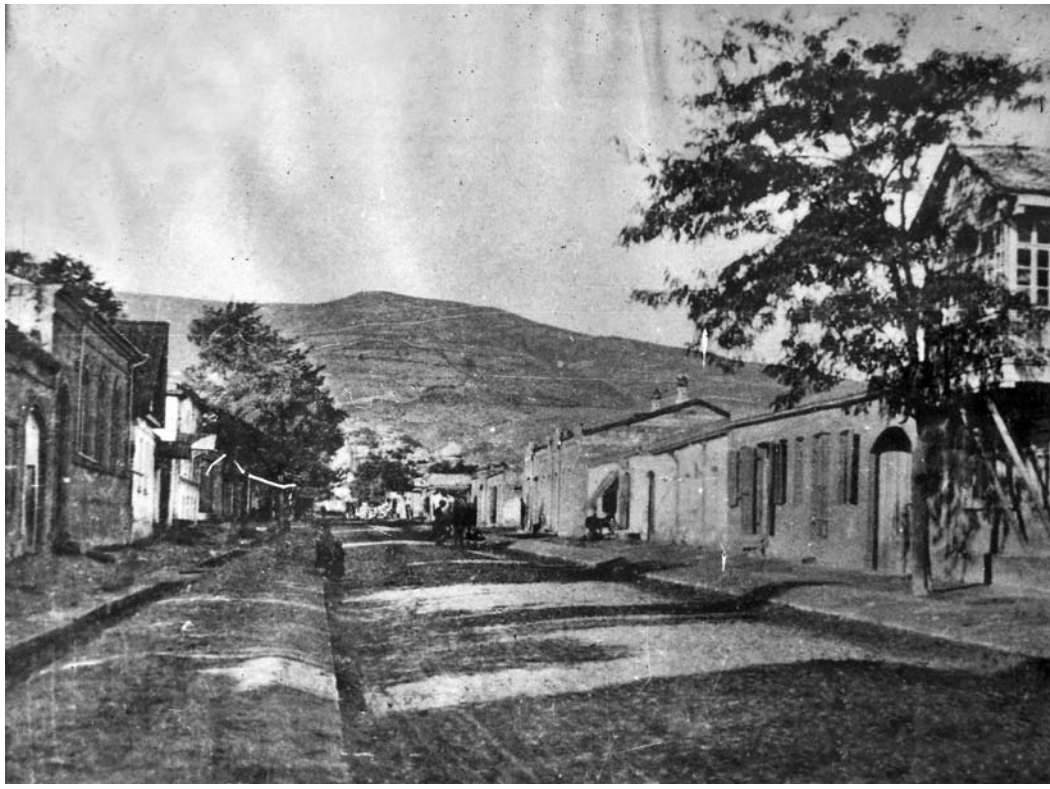
При А.П. Ермолове были проведены большие работы. С одной стороны, к востоку от снесенной поперечной стены строились новые европейские кварталы, с другой стороны, проводилась реконструкция восточного магального города, но радикальных изменений в этой части города не произошло. Была расширена старая поперечная улица (Базарная) и закончена пробивка в старом городе центральной продольной улицы (Ермоловской) от главной площади до этой поперечной улицы.

Новая Ермоловская улица имела большое значение, поскольку позволяла в случае необходимости быстро ввести войска в старый город, что в условиях продолжавшейся Кавказской войны было важно.

В 1846 г. Дербент получил статус губернского города и стал благоустраиваться. В 1849 г. в европейской части города начали строить православный собор. Раньше в Дербенте была небольшая церковь при линейном батальоне. Когда помимо войск город стал заселяться гражданским православным населением, церковь стала тесной. Наместник Кавказа М.С. Воронцов поддержал идею о строительстве храма. Деньги на строительство храма собирали по подписке по всей России, было собрано 11 000 руб.[3] Проект церкви в византийском стиле подготовил известный художник Г.Г. Гагарин. При рытье фундамента для церкви было обнаружено много глиняных труб и остатки бассейна. В одном месте нашли остатки храма со сводом из жженного кирпича, с остатками колонн и полом, вымощенным плитами. Существуют разные мнения о том, что это было за строение. Е.И. Козубский считал, что это строение было баней[4]. Исследователь Н.К. Касумов пишет, что это мог быть албанский христианский храм IV в. «Так строили в IV–V вв., — пишет он, — в христианских храмах баптистерий — здание с бассейном, где крестили»[5].

---

1. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 165.
2. *Там же*. С. 168.
3. *Там же*. С. 211.
4. Там же.
5. Город, переживший века. Дербенту 5000 лет / Автор-составитель Н.К. Касумов. Махачкала, 2003. С. 71.



Церковная улица в Дербенте. МИМ

Пол в новой церкви был из орехового дерева, очень красивый и «устранявший гул»[1]. Позже он был заменен на чугунный. Колокол был доставлен пароходом из Астрахани. Башенные часы для собора были привезены из Одессы. В 1853 г. в соборе начались службы. Собор вмещал 500 человек. В начале собор относился к военному ведомству, но по мере того, как из Дербента выводились военные части, гражданское православное население стало преобладать, и собор отдали в ведение епархиального ведомства[2]. Собор был огорожен чугунной оградой, сделанной на пожертвования состоятельных горожан. Судя по фотографиям, сделанным в XIX в., ограда была красивой, ажурной, но прочной.

Позже, в 1871 г. в Дербенте была построена армянская церковь, конусообразный купол которой был виден издалека. Это было третье культовое сооружение в Дербенте, которое наряду с Джума-мечетью и православным собором придавало своеобразие облику города. Джума-мечеть доминировала над азиатской магальной частью Дербента. Ниже — в евро-

1. Город, переживший века. Дербенту 5000 лет / Автор-составитель Н.К. Касумов. Махачкала, 2003. С. 71.
2. *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 212.

*Городское общественное управление Дербента. 1903 г.**

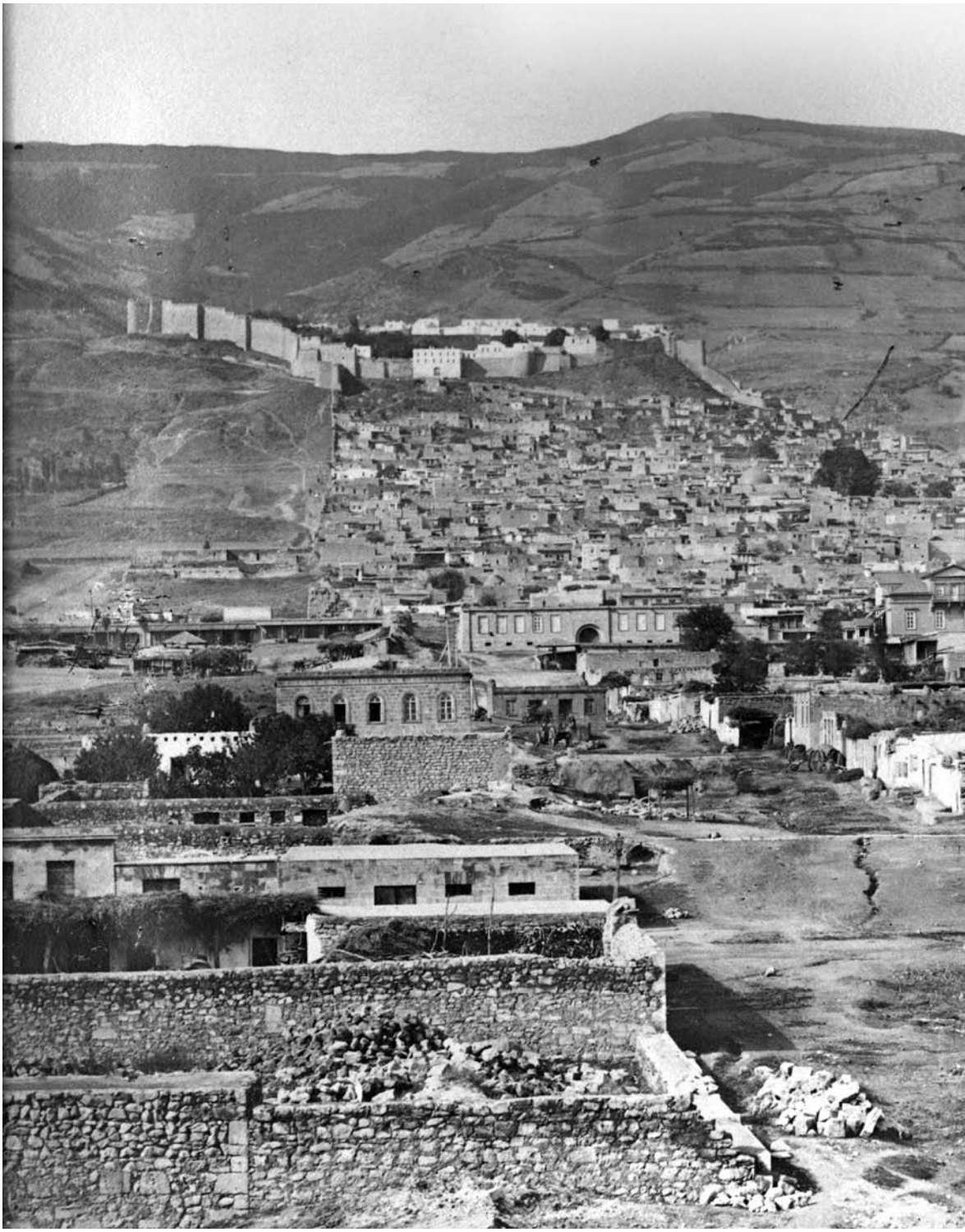
пейской части города возвышалась армянская церковь, а еще ниже находился православный собор. Синагоги располагались в одноэтажных домах и поэтому не выделялись.

Знаменитый французский писатель А.Дюма, побывавший в Дербенте в конце 50-х годов XIX в., увидел его таким: «Это был поистине пограничный город, выстроенный между Европой и Азией, одновременно полуевропейский и полуазиатский. В верхней его части находятся мечети, базары, дома с плоскими кровлями, крутые лестницы, ведущие в крепость. Внизу же, располагались дома с земельными кровлями, казармы, дрожки, телеги. Толпа на улице представляла смесь персидских, татарских, черкесских, армянских, грузинских костюмов»[1].

Город разрастался и переставал вмещаться в межстенное пространство. В архиве отложилась переписка между главноначальствующим гражданской частью на Кавказе и военным губернатором Дагестанской

1. *Дюма А.* Кавказ. Тбилиси, 1988. С. 97.

* См.: *Козубский Е.И.* История города Дербента, Темир-Хан-Шура, 1906.



*Вид г. Дербента. 1870-1890 гг. Фото Д. Ермакова. **

* НА Грузии. ГРА. РА 2. Р. № 49.

области по вопросу сноса северной и южной крепостных стен. К военному губернатору в 1897 г. по просьбе уполномоченных дербентского городского собрания обратился городской староста Козляковский, который сообщал, что для удобства провоза громоздких грузов (имелись в виду брусья. — *Э.Д.*) от моря до 2-й Комендантской улицы, где располагалась контора общества «Кавказ и Меркурий», и обратно необходимо разобрать южную и северную крепостные стены в их нижней части, где они ближе подходят к морю[1]. После обсуждения этого вопроса с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, военный губернатор Барятинский принял решение позволить сделать пролом в крепостной стене по обе стороны Кубинских ворот, выше последних на 69 саж. и ниже их на 62 саж[2].

Но разрушить крепостные стены военный губернатор не позволил. «О сносе не может быть и речи, – заявил князь Барятинский, – они останутся как исторический памятник»[3].

Вопрос о сносе крепостных стен неоднократно поднимался и в прежние годы, городу необходимо было пространство для развития. А по мере застройки нижней части города надо было связать ее со старым городом. Для этого нужна была прокладка улиц, чему мешали стены. Первый пролом в южной стене был сделан в 1859 г. Предполагалось сделать еще несколько проломов, но наместник Кавказа строго следил за тем, «чтобы дербентские стены сохранены были в настоящем положении и отнюдь не были нигде разбираемы или пробиваемы для новых ворот впредь до особого о том распоряжения его сиятельства»[4].

Но побывав в 1868 г. в Дербенте, наместник убедился в том, что старый город перенаселен, и «разрешил, не ломая всей стены, из уважения к ее древности, разобрать в ней участки против улиц, где окажется в том необходимость»[5].

В начале XX в. Дербентское общественное управление хотело разобрать уцелевшую часть южной стены с целью приобретения места для городских построек и строительного материала — камня. На это главноначальствующий гражданской частью князь Голицын наложил резолюцию: «Оставить старинную стену неприкосновенною и строго соблюдать за ее сохранностью»[6].

Помимо заботы о сохранении стен, как исторического памятника, кавказская военная администрация видела в крепостных стенах города «над-

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 199. Л. 4, 2, 3.
2. Там же. Л. 5.
3. Там же.
4. *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 263.
5. Там же.
6. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

ежный оплот для крепости во время народных волнений, как это имело место во время войны 1877–1878 гг.»[1]. Таким образом, сохранение стен имело военно-стратегическое значение.

Несмотря на разрушительное воздействие времени, на воздействие разраставшегося города, жителям которого было тесно в межстенном пространстве, фрагменты южной и северной крепостных стен в Дербенте можно увидеть и сейчас.

1. Там же.

§ 2. Петровск

Петровск, нынешняя Махачкала, расположен на стыке четырех различных географических и климатических условий: Каспийского моря, Кавказских гор, степных просторов и песчаной пустыни. Это редкое сочетание природных условий наложило на город своеобразный отпечаток.

Существуют разные точки зрения относительно времени образования Петровска. Одни считают точкой отсчета возникновение укрепления Петровское во время Каспийского похода в 1722 г.

Сторонники другой точки зрения считают, что «историю города нельзя отделить от истории тех человеческих поселений, которые здесь существовали с глубокой древности»[1]. «Об этом говорит, – по мнению Р.М. Магомедова, хотя бы неолитическая стоянка Тарнаир в шести километрах к западу от Махачкалы и памятники эпохи бронзы у селений Альбурикент, Кяхулай и Тарки»[2].

Исследователь М.Г. Магомедов тоже считает, что «для того, чтобы составить целостное представление об истории города Махачкала, надо воссоздать все предшествующие этапы обживания этого благодатного региона, тем более что древний город сформировался здесь не на пустом месте, а вобрал в себя достижения многих предшествующих поколений местных народов, нашедших отражение в ряде археологических памятников, выявленных в Тарки и Махачкале»[3].

Нам представляется верной вторая точка зрения. На территории Дагестана появлению городов предшествовали другие типы поселений. Объективными закономерностями, способствующими превращению этих поселений в города, были в основном их общественно-политическое, экономическое и культурное развитие и необходимость обороны от внешних врагов.

Территория Петровска, селения Тарки была заселена с древнейших времен. Это объяснялось благоприятными природно-климатическими условиями, а также тем, что через эту территорию проходила «одна из древнейших коммуникаций, связывавшая Юго-Восточную Европу, Закавказье и страны Востока, широко использовавшаяся с древнейших времен и сыгравшая огромную роль в судьбах восточно-кавказских народов»[4].

Древнейших людей привлекали плодородные почвы в районе, где позже возник Петровск, ягоды и дикие фрукты в лесах, покрывавших горы, возможность ловить рыбу в Каспийском море.

---

1. *Магомедов Р.М.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 178.
2. Там же. С. 179.
3. *Магомедов М.Г.* Махачкала. История города. Махачкала, 2000 С. 7.
4. Там же.

Материалы археологических раскопок свидетельствуют, что в шести километрах к западу от Махачкалы имелась стоянка древних людей, известная под названием Тарнаирская. Ее возраст, по мнению археологов, около семи тысяч лет, т. е. это место стало заселяться древними людьми в эпоху неолита.

В эпоху бронзы древние племена плотно заселили территорию между горами и морем. В 1947–1949 гг. экспедиции под руководством Е.И. Крупного и К.Ф. Смирного, а позже В.И. Марковина и М.И. Пикуль выявили около двадцати курганов эпохи бронзы. Они протянулись от южных окраин Махачкалы до поселка Тарки, были также и на северной окраине Махачкалы. Наличие таких курганов говорит о прочной оседлости населения.

В I тысячелетии до нашей эры, а именно в VI–VII вв. до н.э., через приморскую территорию вдоль Каспийского моря прошли многочисленные племена кочевников. В основном это были скифы из Северного Причерноморья, которые шли грабить Закавказье и ближневосточные страны.

В последующие века скифы были вытеснены кочевыми племенами савроматской конфедерации Волго-Донского междуречья.

Выделившиеся из них сарматские племена под натиском савроматского союза продвинулись в III в. до н.э. в Северно-Западный Прикаспий и в Предкавказье. Натиск сарматов испытали на себе и местные народы, в том числе и обитатели Таркинского поселения[1].

В I в. до н.э. на юго-восточном Кавказе возникло государство Кавказская Албания с 29 городами. В города постепенно превращались поселения, расположенные вдоль Прискапийского пути, особенно в местах, благоприятных для развития ремесла и торговли. Один из таких городов возник на склонах горы Тарки-Тау, мимо которой проходил важный международный торговый путь из Европы в Закавказье и Переднюю Азию.

В IV в. н.э. на территорию Прикаспия вторглись племена кочевников гуннов. Затем они двинулись на юг в страны Передней Азии. Под натиском персов они были вынуждены покинуть Переднюю Азию и ушли на территорию севернее Дербента, которая вошла в состав «Царства гуннов». Оказавшись в Приморском Дагестане, гунны вступают в контакты с местным оседло-земледельческим населением и сами постепенно переходят к оседлому образу жизни. Письменные источники говорят о наличии в «Стране гуннов» городов, таких как Варачан, Чунгарс, М-с-н-др, Таргу, безымянный «город гуннов».

М.Г. Магомедов считает, что М-с-н-др – это неправильное написание названия города Семендера «или Самандара», засвидетельствованного и арабскими авторами[2]. Под названием Таргу, в котором точно отражено

1. *Магомедов М.Г.* Указ. соч. С. 18.
2. Там же. С. 24.

и правильное кумыкское название селения Тарки (Таргъу), оно впервые упоминается в VIII в. у армянского историка Гевонда, который рассказывал, что при вторжении арабов в Дагестан предводитель последних Маслама в 716–717 годах, пройдя через Дербент на север, «расположился лагерем при гуннском городе Таргу» и начал его осаду[1].

Автор исторической хроники «Дербенд-наме» пишет следующее: «В двадцати агачах от Дербента находится Семендер, это место имеет теперь название Тарху. Построил его Нуширван. Целью же построения этого города была защита Дербента от кафиров»[2]. Из сказанного видно, что автор отождествляет Семендер с Таргу.

В V–VI вв. правители сасанидского Ирана с целью защитить свою страну от орд кочевников, которые постоянно угрожали с севера, решили построить целый комплекс оборонительных сооружений. Одни сооружения были построены в районе Дербента, а другие в районе города Семендера-Таргу. «Существует предание о том, – пишет Б. Малачиханов, – что территория Таргу с прилегающей низиной также защищалась в далекие времена двумя стенами, тянувшимися от горы к морю. Одна из них, считают, шла примерно от села Кяхулай, а другая протягивалась параллельно ей у Таргу»[3]. И далее, «стены могли быть сложены из камня местных пород твердых известняков. Что, по всей вероятности, и было причиной их недолговечности и разрушения»[4].

Восточные авторы отмечают, что Семендер был богатым городом, там было много садов и виноградников, были рынки и торговые люди. Ал-Истахри подчеркивает многолюдность города: «В Хазарии я не знаю более густонаселенного места, чем Семендер»[5].

Семендер, как и Дербент, был расположен на трассе международного значения, соединявшей Закавказье и Ближний Восток через западное побережье Каспийского моря с Северным Кавказом, Нижним Поволжьем и Юго-Восточной Европой в целом. Оба города активно участвовали в международной торговле.

Расцвет Семендера происходил на общем фоне расцвета хазарских городов и каспийской торговли. Семендер был непосредственно связан с сельским хозяйством, имел свою земледельческую округу. Виноградники Семендера простирались до пределов Серира[6].

На низменной части между крепостными стенами, протянувшимися от основания Тарки-Тау до берега моря, располагались, как сообщают

1. *Магомедов М.Г.* Указ. соч. С. 25.
2. *Мухаммед Аваби Акташи. Дербенд-наме.* Махачкала, 1992. С. 44.
3. *Малачиханов Б.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Уч. зап. ИИЯЛ. Т.XIV Серия историческая. Махачкала, 1965. С. 177.
4. Там же.
5. См.: *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 29.
6. Там же. С. 31.

источники, караван-сараи и знаменитые сады Семендера, а у берега моря — портовые сооружения[1].

Семендер был городом веротерпимым: здесь были мечети, христианские храмы, синагоги. Это являлось показателем высокой культуры и цивилизованности горожан.

Со второй половины XIII века Приморский Дагестан стал ареной почти столетней ожесточенной борьбы между ханами Золотой Орды и государством Хулагуидов.

В результате завоевательных походов, которые в XIII–XIV вв. следовали один за другим, больше всего страдал Приморский Дагестан. Некогда процветавший край в районе горы Тарки-Тау пришел в упадок.

С конца XV в. положение на Востоке несколько стабилизировалось. К этому времени Тарки был летней резиденцией одного из крупнейших и влиятельных феодальных владетелей Дагестана — шамхала Казикумухского.

Его резиденцией в горах был Кумух, расположенный на важном торговом пути через внутренний Дагестан. Поскольку шамхальство было полиэтническим государством, в него входили земли, расположенные и в горах и на равнине. Для лучшего контроля за плоскостной частью владения шамхал сделал своей резиденцией Тарки, расположенное к тому же на международном торговом пути.

С 1640 года в результате заговора оппозиции шамхал был вынужден покинуть Кумух и навсегда переселиться в Тарки. С этого времени Тарки стало центром шамхальства Тарковского, одного из крупных и влиятельных феодальных владений Дагестана.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби оставил описание Тарков XVII в. Вот как он описывал Тарки: «Этот город расположен на равнине и является прекрасным сооружением, но в нем нет таких красивых домов и других зданий, как в городах Сирии... Однако здесь имеются неплохие здания. Их насчитывается около 7000 (явное преувеличение. – *Э.Д.*). Они построены из камней на каменном основании. Здесь имеются такие прекрасные здания, как дворец шамхал-шаха Вифи, ханский дворец, дворец Хурхур-бека, дворец Улу-бека, дворец Косум-бая, дворец Алиб-бая. Дворец султана Махмуда (т.е. шамхала. – *Э.Д.*) не похож на дворцы других падишахов потому, что он не является большим и красивым зданием»[2].

В самом начале XVIII в. в Амстердаме вышел труд голландского географа Витсена. Он написал его на основании различных сочинений и устных рассказов путешественников. Есть в книге и сюжет, посвященный Таркам

---

1. *Магомедов М.Г.* Указ. соч. С. 30.
2. См.: *Лавров: В.И.* Тарки до XVIII в. // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. IV. Махачкала, 1958. С. 23.

конца XVII века. Вот что пишет Витсен: «Шавкал... имеет у себя в Тарку около 500 человек телохранителей, оставшихся после чумы 1694 года, так как тогда там... умерли многие тысячи людей... Город Тарку самый большой в Дагестанском крае и это его главный город. Он лежит между скал ракушняковых гор... Кроме этих гор там в окрестностях имеются красивые луга ... Тарковские татары ... злые и гордые. Но их женщины приятны, привлекательны и общительны; ходят они с открытыми лицами и не робкие.

Дома их плоские и четырехугольные, построенные из камня, глины и извести; некоторые из них сложенные из природного камня, другие из кирпича, глины и жердей ... Замок в Тарку очень большой. Говорят, что в нем столько окон и дверей, сколько дней в году. Его значение определяется местоположением, так как он построен высоко на скале. В остальном же он является отдельным домом или несколькими домами, соединенными вместе и расположенные в своих собственных стенах, без какого бы то ни было укрепления. Дороги, которыми к нему пробираются, настолько круты и узки, что один пеший человек может отражать толпу людей. Размеры его приблизительно равны рынку в Амстердаме, что перед ратушей. У входа в этот замок, снаружи поставлены пушки для защиты. Охраняют его несколько сот конных и пеших солдат, вооруженных мушкетами, турецкими ружьями и луками... В море около Тарку ловят рыбу называемую севрюгой... Тарковские татары имеют могильники, подобные персидским... Женщины в Тарку — это самые лучшие хозяйки в этих краях. Они хранят ключи и пользуются властью над семьей[1]».

Большой интерес к восточному побережью Каспия проявлял Петр I. Еще не закончилась Северная война со Швецией, которую Петр I вел за выход России к балтийскому побережью, а он уже стал вести активную политику на Кавказе. Его целью было предотвратить захват Османской империей Закавказья и Прикаспия. Присоединение новых земель должно было обеспечить сырьем бурно развивавшуюся мануфактурную промышленность России, и она должна была стать посредницей в торговле между Востоком и Европой. Эти задачи должен был решить Персидский поход, который Петр хотел начать сразу после подписания мира со Швецией.

Походу предшествовала большая подготовительная работа. Петр I принял в подданство России владетелей Северного Кавказа и Дагестана; в частности, шамхала Тарковского Адиль-Гирея. Учитывая стратегически важное расположение Тарков и шамхальства, были предприняты большие усилия для привлечения Адиль-Гирея на сторону России.

Летом 1722 г. Петр I совершил свой Персидский поход. 12–16 августа он стоял укрепленным лагерем недалеко от Тарков. В дневниковых записях

1. См.: *Магомедов М.Г.* Махачкала. История города. Махачкала, 2000. С. 49.

Петра I сохранилась следующая: «12 августа. Пришли в Тарки, от которых верст за пять встречал шевкал. Не доходя Тарков версты за три, знать фундамент великого города, от гор даже до моря»[1], т.е. Петр I отметил существование остатков города более древнего, чем Тарки. По приказанию Петра все участники похода положили по камню на месте, где он предполагал воздвигнуть город[2].

Любопытное описание Тарков в конце XVIII века оставил П.Г. Бутков — участник похода в Дагестан графа В.А. Зубова. Он пишет: «Город Тарки имеет прелестное положение. Составляющие его 1500 домов разбросаны по косогору на три версты. Главную часть сего города занимает почти полный циркуль горы, крутые вершины коея покрыты диким камнем. Западная сторона отложе прочих трех и с сей-то одной только и есть свободный проход в город, и к одной примыкает равнина, а к оной Каспийское море. Сей проход может быть защищаем батареею, которую тут сама натура устроила.

Дома сей главной части города расположены все по косогору, так что один дом почти над другим стоит. Построены они из дикого тесаного камня по обыкновенному азиатскому вкусу.

Дом шамхала примыкает к восточному боку горы, расположен лицом к западу. Любопытного ничего не имеет, и все достоинство его состоит в древности. Ворота построены башней готического вкуса и не для всякого отворены. Я был внутри двора и дома. На дворе прекрасный родник. Внутренние комнаты украшаются одними коврами и посудою медною и фарфоровою. Главная зала тем только славна, что в оной Петр Великий с супругою своей имел обеденный стол. Из дома видны почти все дома городские, которые и расположены лицом к дому шамхальскому... Народных строений нет никаких, и караван-сарай так худ, что ни мало не занимает. Улицы по обыкновению азиатскому весьма узки, и воздух, войдя в город только с одной западной стороны, так сперт, что здесь жить было бы очень нездорово, ежели бы не прохлаждали и не освежали воздух множество родников, кои протекают почти через каждый двор. На сих родниках построено много мельниц»[3].

Зубовский поход 1796 года привел к фактическому включению Приморского Дагестана в состав Российской империи.

Грамотой императора Павла I в 1799 г. было подтверждено, что шамхальство Тарковское находится «в подданстве и покровительстве России».

---

1. *Магомедов Р.М.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 180.
2. Там же.
3. *Бутков П.Г.* Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем» 1796. ИГЭД. М., 1958. С. 200.

Поскольку шамхал Тарковский был сторонником России, то в годы Кавказской войны в районе Тарков размещались царские войска. В апреле 1821 года над Тарками на плато Тарки-Тау была заложена крепость Бурная. Ближе к морю заложили её форштадт (хозяйственную базу) — Низовое укрепление. Оно было окружено канавой и обнесено земляным валом.

И крепость Бурная и укрепление Низовое подверглись нападению восставших горцев. В 1831 году Бурную осадил первый имам Гази-Магомед, а в 1843 году укрепление Низовое было осаждено горцами во главе с акушинским кадием. Русский гарнизон принял решение уничтожить склады продовольствия и оставил укрепление.

В июне 1844 года вместо упраздненного укрепления Низового в двух верстах от него, на месте, где по преданию был лагерь Петра I, было заложено укрепление Петровское. Местные жители называли его Анджи-Кала[1].

Главное ядро города представляло собой «обширную и прочную из дикого камня крепость с башнями по углам, амбразурами в высоких стенах и со многими зданиями внутри»[2].

Благодаря своему выгодному положению постепенно Петровское становилось важным военно-экономическим пунктом. Еще шла Кавказская война, и снабжение царских войск продовольствием, материалами шло через укрепление Петровское, в которое все это доставлялось морем из Астрахани. Петровское постепенно разрасталось. Казна купила в 1851 году у шамхала земли вокруг укрепления. На них были разбиты виноградники. В следующем 1852 году на эти земли из Темир-Хан-Шуры были переселены 40 хозяйств, которые должны были их освоить.

Еще в период Кавказской войны, когда в Петровское по морю доставлялись грузы, стала очевидной необходимость сооружения гавани, чтобы сделать судоходство удобным.

За два года до окончания войны, 24 октября 1857 года, император Александр II подписал Указ об учреждении портового города Петровск и утвердил Положение об управлении городом. Гражданское управление поручалось командующему войсками и управляющему гражданской частью в Прикаспийском крае. Непосредственное управление городом осуществлялось комендантом Петровска. Планировалось также создать в городе ратушу — орган городского самоуправления для ведения части судебных и материальных дел, а также ввести должности полицейского чиновника и переводчика.

В истории города наступил новый этап развития.

В 40-е годы XIX в. стал формироваться облик города Петровска. На каменной гряде Анджиарка русскими военными было построено укрепление

1. *Магомедов Р.М.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 55.
2. *Магомедов М.Г.* Указ. соч. С. 55.

*Приморская часть Петровска. Фото Д. Ермакова.**

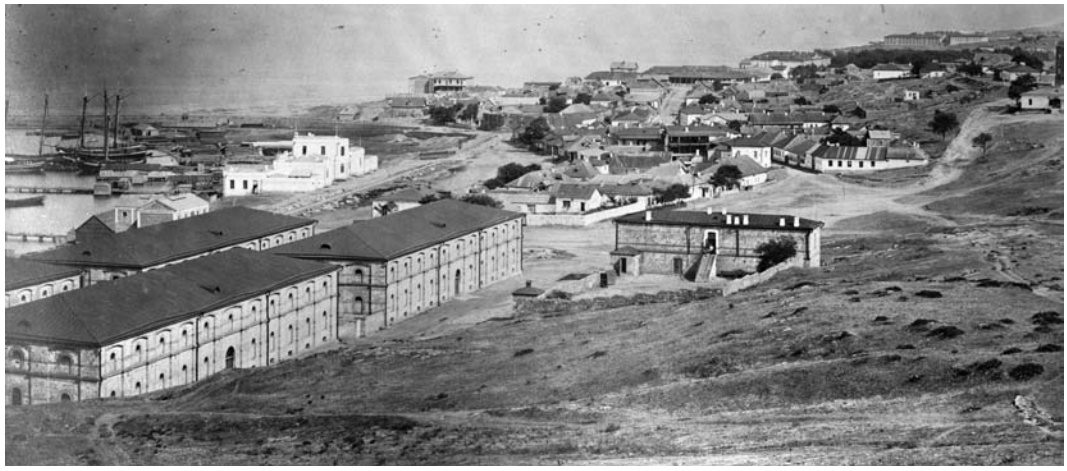
Петровское. Крепость была построена из тесаного камня. За пределами крепости были построены казармы, госпиталь, другие здания. 30 небольших домиков, предназначенных для офицерских семей и нескольких торговцев, положили начало городским кварталам.

Вот как описывал Петровск ко времени его преобразования в город А.Л. Зиссерман: «Укрепление (Петровское. — *Э.Д.*) было возведено вдоль небольшой возвышенности и довольно красиво смотрело на море; у подножья горы был разбросан форштадт, или город, с несколькими лавками и изрядными домиками; на берегу моря лежали наваленные десятки тысяч кулей провианта, развозившегося отсюда на арбах туземцев по всем магазинам Дагестана; рядом покоилось на брусьях несколько чугунных кушек, назначенных на вооружение какого-нибудь укрепления, вдоль отлогого, но каменистого морского берега сновали взад и вперед небольшие лодки, а более крупные «косовыя», на которых люди рисковали переезжать море в Астрахань, стояли поодаль на якорях и кувыркались во все стороны от порывистого северо-восточного ветра. Все вместе показалось мне весьма не приветливым и унылым»[1].

В 1844 г. гарнизон крепости состоял из 11-го Грузинского линейного батальона, а в 1848 г. сюда дополнительно перевели 6-ю легкую артиллерийскую батарею и 20-ю артиллерийскую бригаду. Это повлекло за собой увеличение количества домов для семей артиллеристов. Так появилось пять новых кварталов. В середине 50-х годов население Петровского

1. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2. СПб., 1879. С. 86, 87.

* НА Грузии. ГРА. РА 2. Р. №№ 56, 57.



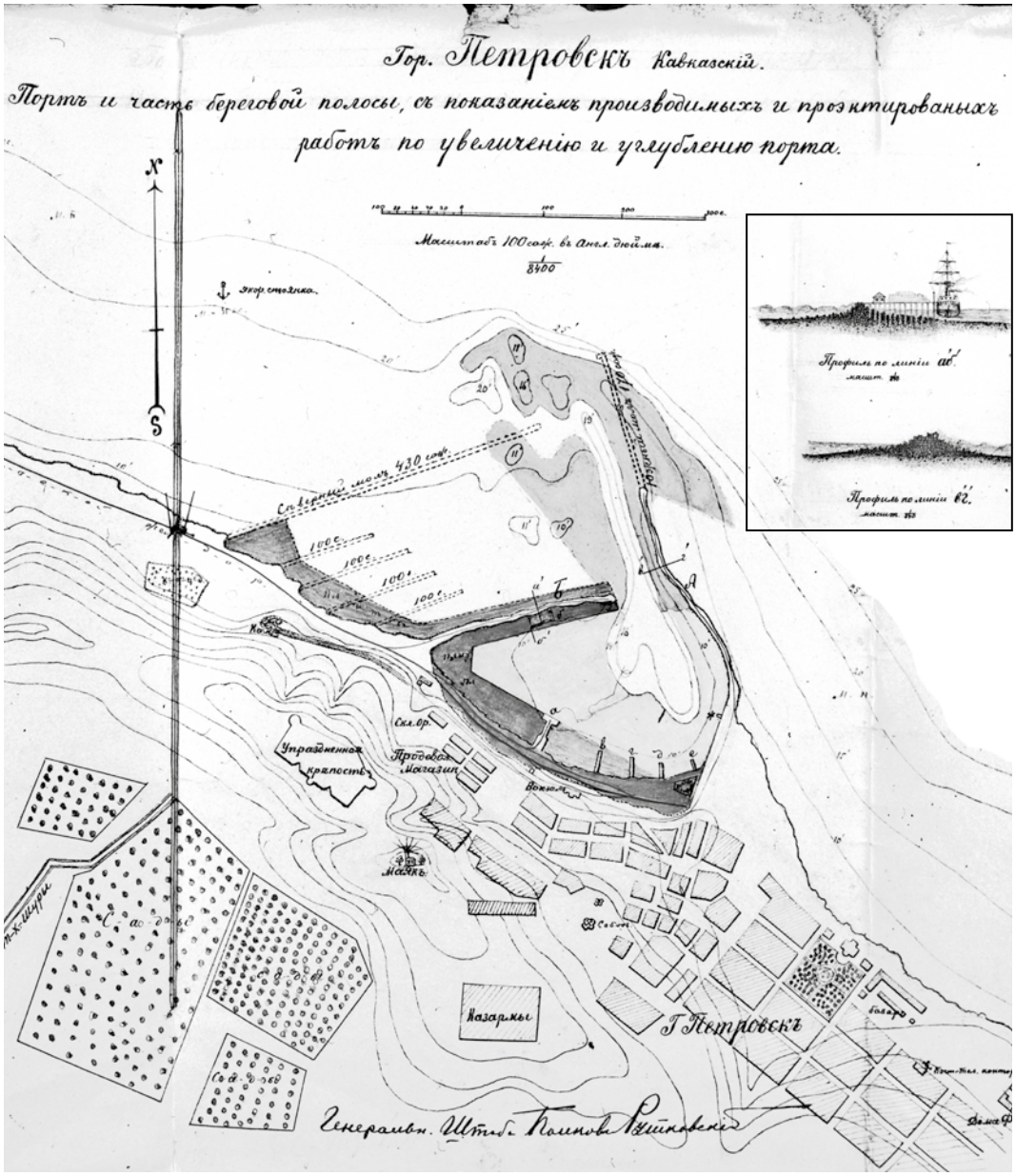
*Приморская часть Петровска. Фото Д. Ермакова.**

увеличилось еще больше за счет 40 семейств, переселенных сюда из Темир-Хан-Шуры. Для них тоже были построены дома, появились новые улицы и переулки, возникла третья площадь. В 1853 г. в Петровске была заложена церковь. Она строилась на пожертвования воинских чинов и частные приношения. Ко времени обретения укреплением Петровским статуса города в 1857 г. на территории, прилегающей к крепости, уже имелось 150 интендантских домов и 33 других казенных дома. Постоянно гражданское население составляло 600 человек.

Со временем, когда военные действия в Дагестане закончились, Петровск утратил свое значение военного укрепления и постепенно стал играть все большую роль в промышленно-экономическом развитии области. Этому способствовало наличие морского порта. При строительстве в 40-е годы укрепления Петровское все необходимое привозили морем из Астрахани. При укреплении было два рейда: один казенный, на котором останавливались суда с грузом, предназначенным для воинских частей, и второй — коммерческий, где бросали якоря суда с купеческой кладью. Те и другие суда в первое время останавливались на расстоянии 300–400 саженей от берега моря, где глубина моря была достаточно большая и грузы на берег перевозились на лодках[1].

С 1 апреля 1852 г. при Петровском укреплении на расстоянии 120 саженей от него «от вечерней зори до утренней» начал действовать маяк, который был нанесен на карту Каспийского моря[2]. Маяк представлял из себя каменную восьмигранную башню высотой около 10 метров, над

1. *Кажлаев А.Н.* Указ. раб. С. 10.
2. АКАК. Т. X. С. 304, 305.
* НА Грузии. FPA. PA 2. P. №№ 56, 57.



*Город Петровск Кавказский. Порт и часть береговой полосы с показанием работ по реконструкции порта. Конец XIX — начало XX в.**

* РГВИА Ф. 400. Оп. 24. Д. 2009. Л. 84.

Вид на Петровск с моря. Конец XIX – начало XX в. ДГОИАМ

поверхностью моря маяк возвышался на 75 метров и был виден кораблям издалека.

По мере развития города становилась очевидной необходимость строительства морского порта. В 1858 г. военный инженер Фалькенгаген составил проект строительство порта, его утвердил наместник Кавказа. Решение об устройстве порта в Петровске по проекту, утвержденному наместником, было принято Кавказским комитетом. Он признавал «существенно полезным и необходимым устроить на Петровском рейде постоянную пристань, особенно теперь, при развитии пароходных сообщений по Каспийскому морю…»[1]. На журнале комитета 23 мая 1958 г. император написал «Исполнить»[2].

Руководить строительством порта было поручено автору проекта военному инженеру подполковнику Фалькенгагену.

Оборудование для строительства: принадлежности вагонов, локомобиль, паровой молот, паровая лесопильная, паровая камнетесная машина,

1. Махачкала 1844–1998. Сборник документов. Махачкала, 1999. С. 36.
2. Там же. С. 37.

сверлильная машина, были закуплены в Англии и привезены в Петровск поздней осенью 1860[1].

На строительство гавани была ассигнована сумма в 400 тыс. руб. серебром. Срок выполнения сооружения был назначен в 4 года со дня открытия работ, т.е. с 6 января 1861 г.[2]. Но порт был построен не к 1865 году, как предполагалось, а к 30 августа 1869 года. Строительство и оборудование обошлись в полтора миллиона рублей[3]. Помимо большой роли, которую строительство порта сыграло в развитии Петровска и области, порт благотворно повлиял на оздоровление городского климата. Дело в том, что с запада и юга Петровск был защищен от ветров, но сильные «северо-восточные ветры с моря разбивали волны о подводные камни, выступавшие у берега, наполняли воздух мелкими брызгами, которые заносились в город в виде густого тумана и таким образом производили сырость с ее последствиями на здоровье народное».[4] Но после того, как были сооружены северный и южный молы, положение улучшилось.

1. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71. Л. 68.
2. Там же. Л. 69.
3. *Кажлаев А.Н.* Указ. соч. С. 12.
4. Журнал Министерства внутренних дел. № 47. Март, 1861. С. 17.

По мере развития порта, увеличения его грузооборота стал ощущаться недостаток портовой территории. Всего порту принадлежало 14061 кв. саж., из них 8600 кв. саж. находилось в пользовании Владикавказской железной дороги. Территория Петровского порта принадлежала казне и согласно закону от 6 мая 1875 г. арендовалась пароходными компаниями бессрочно за годовую плату 10 коп. за 1 кв. саж., участки, занятые железной дорогой, были даны последней в бессрочное и бесплатное пользование[1]. Из-за нехватки свободных мест для складывания товаров на портовой территории, грузы зачастую нагромождались по краям дорог, а также между железнодорожными путями.

Для складывания товаров в порту к 1913 г. имелись следующие устройства:

На голове северного мола 3 резервуара для нефтяных продуктов, общей емкостью 250 тыс. пудов.

На северном моле и железнодорожной набережной 4 деревянных амбара Владикавказской железной дороги и 4 открытых навеса, представленных в пользование народным компаниям.

От казенной пристани до казенной набережной расположены амбары пароходных компаний и два небольших амбара рыбопромышленника Воробьева[2].

В районе порта строились помещения под различные конторы и агентства. Например, в 1894 г. здесь открылось агентство пароходного общества «Кавказ и Меркурий»[3]. Были также конторы пароходных обществ «Русь»[4], «Самолет»[5], «Восточного общества товарных складов».[6]

В 90-е годы XIX в. рядом с портом была проложена ветка железной дороги, что наложило отпечаток на эту часть города. Вначале предполагалось, что железная дорога пройдет далеко от моря, вдоль горы Тарки-тау. Но на стадии обсуждения проекта в это дело активно вмешались рыбопромышленники. Им было выгодно, чтобы железная дорога подходила близко к морю, к порту, чтобы не нести дополнительные расходы, перевозя рыбу от моря к железной дороге. В итоге железная дорога была проведена вдоль морского побережья. Это отрицательно сказалось на внешнем облике приморской части города. Для эксплуатации железной дороги надо было построить депо, мастерские. В самом городе, рядом с железной дорогой, места для этого не было потому, что дорога прокладывалась по узкому проходу между морем и горой Анджи-арка. В 3-4 км

1. Махачкала 1844–1998. Сб. документов. Махачкала, 1999. С. 67.
2. Там же. С. 67.
3. ЦГА РД. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
4. Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
5. Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 1. Л. 3
6. Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Железнодорожный вокзал в Петровске. МИМ

северо-западнее Петровска было найдено подходящее место, и общество Владикавказской железной дороги построило здесь вагонное депо, мастерские. Позже здесь образовался поселок Петровск-Кавказский (ныне Махачкала I) .

Здание железнодорожного вокзала, открытое в 1894 г., просуществовало до конца 60-х годов XX в., когда вместо него было построено более вместительное здание. Рядом со зданием вокзала были построены обслуживающие железную дорогу службы — водокачка, склады для прибывавших грузов и т.д.

Этот район Петровска, где постоянно раздавались протяжные гудки паровозов и пароходов, круглосуточно шла погрузка и разгрузка товаров, жил своей жизнью, не похожей на жизнь в других частях Дагестана. Здесь был другой ритм жизни, не привычный для горцев. Новые звуки для Дагестана, больше привыкшему к скрипу колес арбы, стуку молотков кузнецов, постукиванию молоточков ремесленников. Здесь же круглые сутки кипела жизнь, слышалась русская и персидская речь, поскольку железнодорожные рабочие в подавляющем большинстве были русскими, а портовские грузчики — амбалы были персидскоподданными. Вначале

Улица в Петровске. МИМ

в порту также работали русские рабочие, но постепенно их вытеснили персы, поскольку они соглашались работать за более низкую плату.

Этот район Петровска олицетворял собой то новое, что появилось в горном крае под влиянием России. Это был уголок капитализма в аграрном, сельскохозяйственном Дагестане. Здесь, как нигде больше в области, ощущалось дыхание капиталистической России.

В конце XIX — начале XX в. морской порт и железная дорога стали определяющими в формировании облика старой приморской части города.

В 1900 г. городское общественное управление предложило управлению Владикавказской железной дороги построить виадук (путепровод, мост) через рельсовые пути, а также дорогу к южному молу. Для этого строительства город выделил 1200 кв. саж. земли. Управление железной дороги ответило уклончиво[1].

Петровское городское общественное управление обратилось за содействием к военному губернатору. В «Рапорте» городские уполномоченные писали, что путепровод через рельсовые пути необходим, так как за железной дорогой на песчаном берегу были расположены городские купальни (пляж), а также тоня и рыболовные сооружения купца Воробьева, где во время путины скапливалось много рыбы[2].

1. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 117.
2. Там же.

Под давлением властей и общественности управление железной дороги было вынуждено построить путепровод (мост) через рельсы, что сделало более безопасным для горожан посещение пляжа, а для рабочих рыбопромышленника Воробьева работу на рыбных промыслах, расположенных за железной дорогой, на побережье.

Облик города стал особенно интенсивно меняться в конце XIX — начале XX в., когда стали появляться промышленные предприятия. Они возникали на городских окраинах. В самом конце XIX в. — в 1899 г. в нескольких верстах к юго-западу от города была построена текстильная фабрика «Каспийская мануфактура». В начале XX в. в Петровске появились бондарный завод и завод для искусственного охлаждения рыбы «Заморозка», построенные купцом Воробьевым[1]. По данным «Обзора Дагестанской области», к 1913 г. в Петровске имелось уже 15 предприятий фабрично-заводской промышленности.

Самым крупным предприятием, безусловно, была «Каспийская мануфактура». Ее хозяевами Решетниковым и Петрококино были построены капитальные производственные помещения, жилые здания для рабочих, больница и т. д.

В марте 1900 г. «Общество Каспийской мануфактуры» просило городские власти «разрешить ему проложить дорогу от Еврейского молитвенного дома, на Инженерной площади, к фабрике»,[2] которая, как мы говорили, находилась в нескольких верстах от города. Так появилась улица Бурная (ныне улица М. Ярагского).

Свое название она получила от крепости Бурная, что располагалась ранее возле поселка Тарки. Кроме того, владельцы «Каспийской мануфактуры» просили городские власти о разрешении брать камень из горы около маяка… за установленную плату»[3].

Так, благодаря текстильной фабрике появилась новая улица, связавшая центр города с промышленной окраиной.

Благодаря другому промышленному предприятию — пивоваренному заводу на окраине города появился парк. Завод по производству пива был одним из старейших производственных предприятий Петровска. Он был построен Фельшау в 1876 г. на базе существовавших квасоварен. В 1909 г. пивоваренный завод был куплен у Фельшау Вейнером, владельцем «Товарищества Вейнеровских пивоваренных заводов в г. Астрахани». С именем нового владельца пивзавода и было связано появление большого нового парка на территории, примыкающей к заводу. Старожилы города этот парк до сих пор называют «Вейнеровским».

---

1. *Козубский Е.И.* Дагестанский сборник. 1904. Вып. 2. С. 53.
2. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 9.
3. Там же.

Улица Барятинская в Петровске. МИМ

Старый городской парк располагался в начале улицы Барятинской (ныне Буйнакского), рядом с морем и был любимым местом прогулок горожан.

В 1901 г. собрание уполномоченных Петровска обратилось с просьбой к военному губернатору отвести бесплатно место на Новобазарной площади (в ее восточной части) под постройку православного храма. Площадь участка земли составляла 1600 кв. саженей[1]. Осмотреть место, выбранное под постройку собора, приехал священник, специально посланный для этого из Владикавказской епархии[2]. Новобазарная площадь к этому времени была центром города и священник одобрил это место. Началось строительство собора с колокольней. Собор строился на высоком основании, на которое с 4-х сторон вели ступени[3]. Расположенный на возвышенном месте, храм хорошо просматривался с разных точек города и был виден с моря. Вокруг него находились торговые ряды, шла бойкая торговля.

Православный собор просуществовал до 50-х годов XIX в. и был разрушен, сейчас на этом месте находится здание Народного собрания. Тогда же городской рынок был перенесен на другое место, где находится и по сей день.

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 205. Л. 104.
2. Там же.
3. Полевой материал, собранный автором.

Помимо собора на Новобазарной площади, на Инженерной улице была еще православная церковь. Это видно из журнала уполномоченных городского собрания. В ноябре 1900 г. в нем была зафиксирована просьба уполномоченных от проживающих в Петровске казанских татар в количестве 14 человек об отводе безвозмездно участка городской земли размером 400 кв. саж. на Инженерной улице напротив православной церкви для постройки мечети и школы при ней[1].

В просьбе было отказано. Татарам посоветовали вначале получить у военного губернатора разрешение на постройку в Петровске мечети, а затем уже просить участок земли, причем, не напротив православной церкви, а в другом месте города[2].

Из журнала городского общественного управления за тот же 1900 г. видно, что в Петровске была армяно-григорианская церковь[3]. В городе была также синагога.

Если характеризовать Петровск в исследуемый нами период в целом, то это был типичный южнорусский провинциальный город со всеми проблемами, характерными для таких городов. Своеобразие ему придавало наличие морского порта и железной дороги, связывавших Петровск с другими городами империи и с заграницей.

1. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 152.
2. Там же.
3. Там же. Л. 61.

§ 3. Темир-Хан-Шура

Город Темир-Хан-Шура был расположен в живописной котловине, окаймленной с двух сторон речками: с северо-запада Шура-озенем, а с юго-востока Атлан-озенем. Город возник в месте, где скрещиваются дороги, ведущие из равнинной части Дагестана в его горную часть. Это позволило называть Темир-Хан-Шуру «воротами в горы».

Благоприятные природные условия, выгодное географическое положение были причиной того, что люди поселились здесь еще в древности. Это подтверждается наличием наскальных рисунков на скале Кавалер-батарея недалеко от города. На каменной стене, обращенной к речке Шура-озень, обнаружено более 50-ти рисунков[1].

Размеры изображений варьируют от нескольких сантиметров до полуметра. В линию двойным, а в некоторых местах и тройным пунктиром изображены олени с ветвистыми рогами, козы, тур. На скале есть изображение, на котором охотники преследуют диких животных.

В.Н. Марковин относит изображения, обнаруженные на Кавалер-батарее, ко II тысячелетию до нашей эры[2]. Таким образом, место, где позже возник город Темир-Хан-Шура, было заселено человеком около 4 тысяч лет назад.

Еще в конце XIX века около города Темир-Хан-Шуры восточнее Кавалер-батареи по поручению императорского Московского географического общества Е.И. Козубским и О. Афанасьевым были произведены раскопки большого кургана. Им удалось обнаружить 25 могил, каждая из которых представляла собой каменную гробницу, имеющую овальную или прямоугольную форму. Каждая могила была накрыта массивной плитой. В некоторых могилах были найдены останки нескольких человек, многие были захоронены в сидячем положении[3].

В гробницах находились изделия из бронзы. Это наконечники стрел, ножи, височные кольца, поясные пряжки, бронзовые зеркала, стеклянные бусы, а также предметы культового назначения. Все эти предметы относятся к бронзовому веку, т.е. их можно датировать концом III — началом II тысячелетия до нашей эры.

Е.И. Козубский считал, что эти находки свидетельствуют о существовании торговых связей местного населения с греками, жившими на севере Причерноморья, через Северный Кавказ[4].

---

1. *Гаджиев Б.И.* Буйнакск в истории и легендах. Махачкала, 1961. С. 5.
2. *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969. С. 27.
3. *Козубский Е.И.* Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 12.
4. *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 13.

Материалы археологических раскопок говорят о том, что наряду с медью, бронзой и серебром, населению среднебронзового Дагестана было известно и золото. Из него изготовлялись аналогичные бронзовым височные подвески в полтора оборота, находки которых известны в гробницах в районе селения Кафыр-Кумух и города Буйнакска[1].

Рост производства и накопление богатства постепенно приводили к возникновению имущественного и социального неравенства между отдельными семьями. Эти процессы отражают, в частности, материалы ряда могильников, в которых зафиксированы необычные захоронения, сопровождаемые более богатым инвентарем по сравнению с рядовыми могилами. Таким является захоронение, обнаруженное в селении Кафыр-Кумух, расположенном рядом с Буйнакском. В нем находился погребальный инвентарь, включающий ювелирные золотые изделия[2]. Эти явления не случайны, они отражают имущественные различия, существовавшие внутри рода, племени, подчеркивают одновременно неординарный социальный уровень людей, захороненных таким образом.

Некоторые сведения о поселениях, существовавших на территории Буйнакска в раннее средневековье, были собраны во время археологических раскопок. Удалось выяснить, что жилища той эпохи сооружались на каркасной основе из толстых прутьев, обмазанных с обеих сторон глиной[3].

В каждом жилище, имеющем прямоугольную форму, было по нескольку комнат. Одна из них была хозяйственного назначения. На глиняном полу были найдены остатки каменного очага открытого типа и в нем два небольших горшка для приготовления пищи. Рядом — несколько довольно больших сосудов для хранения запасов. В одном из углов комнаты стоял глиняный сосуд высотой 70 см и емкостью 10 ведер. Он был наполовину заполнен обгорелой пшеницей. Здесь же были найдены массивная каменная зернотерка, каменное пряслице для веретена, яма с древесным углем для обжига глины, кости домашних животных и т.д.[4] Находки в районе «Таш баш» в Буйнакске позволяют утверждать, что жившее здесь население занималось земледелием и скотоводством, поддерживало тесные экономические связи с соседями.

Первые сведения о поселении в районе, где расположен нынешний Буйнакск, сохранившиеся в некоторых документах и народной памяти, относятся к концу XIV века, когда в Дагестан вторгся Тамерлан. Разбив на Тереке своего главного врага — хана Золотой Орды Тахтамыша, Тимур

---

1. *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV века. Махачкала, 1996. С. 81.
2. Там же. С. 86.
3. *Гаджиев Б.И.* Указ. соч. С. 9.
4. Там же.

разорил Северный Кавказ и вернулся в Дагестан. Пройдя между Тереком и Сулаком, он покорил кумыков и подошел к горам Салатавии. Некоторое время Тимур стоял лагерем на берегу Сулака, посылая в горы карательные отряды. До сих пор старики дорогу от Чиркея до хребта Анчи-Меэр называют «Аксак-Темир-йолы» — дорога хромого Тимура.

Память о походах Тимура в народной памяти сохранилась до наших дней. Об этом свидетельствуют данные топонимики. Таковы, например, Темир-хан тёбе (холм Тимура) на территории Каякентского района, Темир-кою (колодец Тимура) на территории Кизилюртовского района, Темир-олтургъан (стоянка Тимура) у селения Эндирей-аул Хасавюртовского района[1].

Двигаясь от Салатавии на юг, войска Тамерлана остановились лагерем на возвышенном берегу речки Шура-озень, рядом с озером.

П.К. Услар и Е.И. Козубский считают, что маленькая деревушка, стоящая на берегу озера, получила наименование Темир-Хан-Шуры в связи пребыванием в этих местах Тамерлана.

П.К. Услар считает, что в этих местах в конце XII и начале XIII вв. жили даргинские племена и слово «шура» по-акушински означает озеро, а на кайтагском наречии — скала[2].

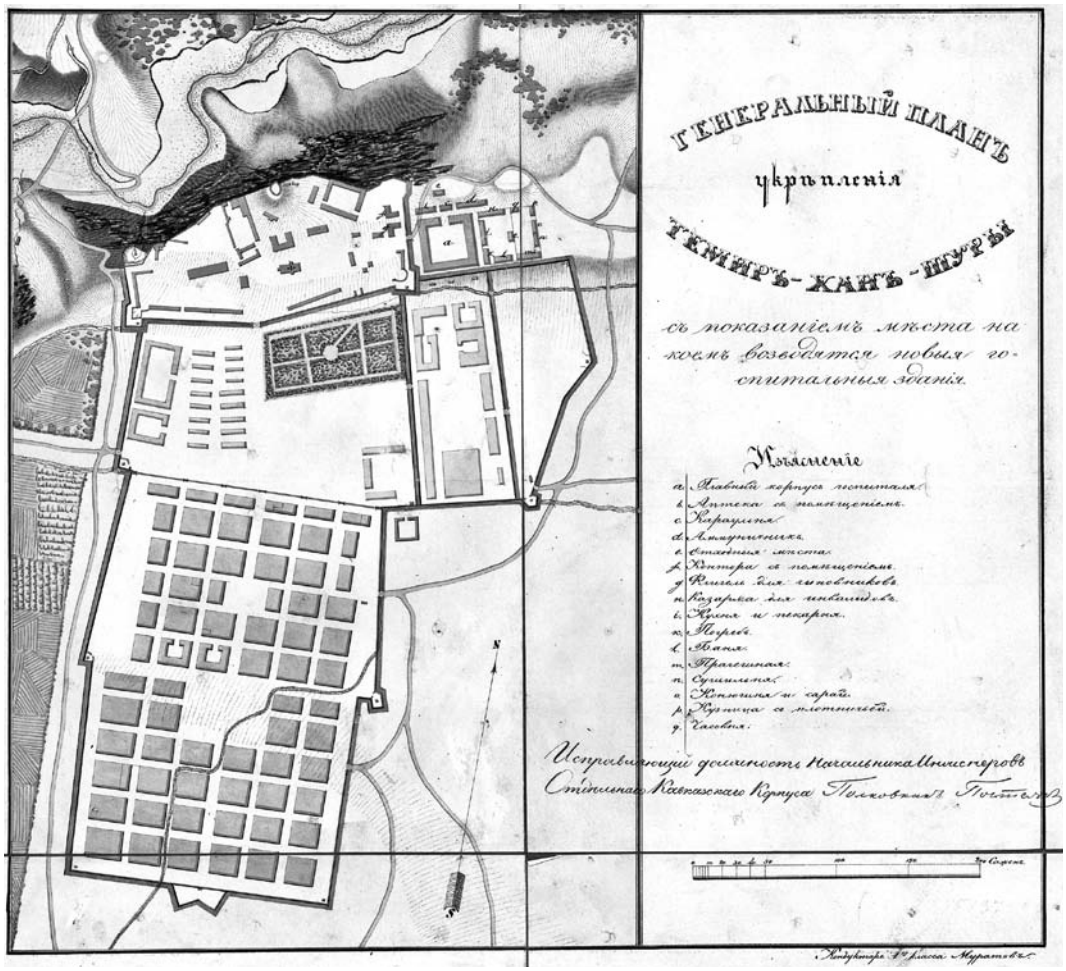
Существуют и другие толкования этого слова. В переводе с тюркского языка Темир-Хан-Шура означает «совет Темир-хана» или «ставка Темир-хана».

Первое письменное упоминание о Темир-Хан-Шуре относится к концу XVI века. Грузинские послы в Москве считали наиболее удобной дорогу через владения аварского хана и казикумухского шамхала.

Сохранилось описание этого пути. В нем говорится, что от Тарков до Кафыр-Кумуха «конному день, пешему два дни», а от Кафыр-Кумуха до Казанища «пешему идти днища». Там же говорится, что Темир-Хан-Шура – это небольшая деревушка и что она гораздо меньше, чем Казанище и Кафыр-Кумух[3].

Известность Темир-Хан-Шура начала приобретать в первой половине XIX века в связи с событиями Кавказской войны. Направляясь в горы, русские войска проходили через это село, иногда останавливались на отдых. Необходимо было возвести здесь военное укрепление. Его строительство началось в 1838 году при генерал-адъютанте Розене[4]. Были начаты работы

1. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М., 1961. С. 32.
2. *Козубский Е.И.* Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1904. Вып. II. С. 136.
3. Там же. С. 36.
4. *Абдулаева М.М., Далгат Э.М., Мансурова А.Г.* Темир-Хан-Шура — от военного укрепления до административного центра Дагестанской области // Вестник ДНЦ РАН. 2013. № 48. С. 56.



*Генеральный план укрепления Темир-Хан-Шуры. 1850 г.**

по возведению крепостных стен и башен, в результате которых аул был опоясан трехкилометровой каменной стеной высотой около двух метров.

Стены прерывались четырьмя массивными воротами: Эрпелинскими, Ишкартинскими, Дербентскими и Аварскими. Входы в крепость обороняли пятью двухэтажными каменными башнями. Диаметр башен — 41 м, толщина стен — 1 м 27 см.[1]

Темир-Хан-Шуринская крепость в годы Кавказской войны подвергалась нападению отрядов Шамиля (в 1843 году) и Хаджи-Мурата (в 1849 году).

Еще шла война, а в Темир-Хан-Шуре обживались мещане, приехавшие из Саратова, Пензы, Кизляра, Астрахани, Тифлиса и т.д.

1. *Гаджиев Б.И.* Ворота в горы Дагестана. М., 1966. С. 15.

* РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 853.

Темир-Хан-Шура. Конец XIX в. ДГОИАМ

На первых улицах и на единственной площади появились жилые дома, лавки, духаны, трактиры. Возник базар, на который жители близлежащих селений привозили сено, дрова, фрукты, виноград, ремесленные изделия.

В 1851 году гражданское население крепости насчитывало уже свыше тысячи человек[1].

29 ноября 1866 г. императором Александром II было утверждено Положение об управлении городом Темир-Хан-Шурою, в первом пункте которого было сказано, что «укрепление Темир-Хан-Шура переименовывается в город с причислением его в порядке общего управления, как состоящего в пределах Дагестанской области, к Закавказскому краю»[2].

Во втором пункте Положения говорилось, что к городу Темир-Хан-Шуре могут приписываться все лица свободного состояния, как купцы, так и мещане, ремесленники или цеховые. Не исключались и евреи из разных мест Российской империи[3].

1. *Гаджиев Б.И.* Ворота в горы Дагестана. М., 1966. С. 26.
2. Собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881): Т. 41(1866): Часть 2: Законы (43603-44077). С. 310.
3. Там же.

*Памятник Аргутинскому-Долгорукому в Темир-Хан-Шуре. Фото Д. Ермакова.**

После возведения в степень города и начался новый этап в истории Темир-Хан-Шуры.

Таким образом, история образования трех дагестанских городов не одинакова. Петровск и Темир-Хан-Шура возникли на месте российских военных укреплений и статус городов обрели во 2-й половине XIX в. Дербент складывался на протяжении многих столетий и ко времени вхождения в состав Российской империи в начале XIX в. был довольно крупным торгово-ремесленным городом.

Внешний облик Темир-Хан-Шуры был близок к облику Петровска. Это был маленький провинциальный южнорусский город, но он имел и свои

* НА Грузии. FPA. PA 2. P. № 53.

особенности, связанные с его ролью административного центра Дагестанской области. Здесь находился военный губернатор, дислоцировался Дагестанский конный полк. Сюда после лишения политической власти переехали жить некоторые бывшие феодальные владетели Дагестана. Так, шамхал Тарковский покинул свою резиденцию в Кафыр-Кумухе и стал жить в Темир-Хан-Шуре. Здесь стал жить бывший присулакский владетель князь Казаналипов и т.д.

Поскольку Темир-Хан-Шура, как и Петровск, была преобразована в город из русского военного укрепления, первыми домами, построенными здесь, были казармы, дома для офицерских семей. Были здесь также лавки с товаром, необходимым для обеспечения нужд гарнизона. Постепенно торговля в Темир-Хан-Шуре развивалась, появлялись новые лавки, склады для товаров, трактиры, духаны. Основными покупателями вначале были солдаты и офицеры. Постепенно в Темир-Хан-Шуре увеличилось гражданское население. Это были чиновники областной администрации, торговцы, ремесленники.

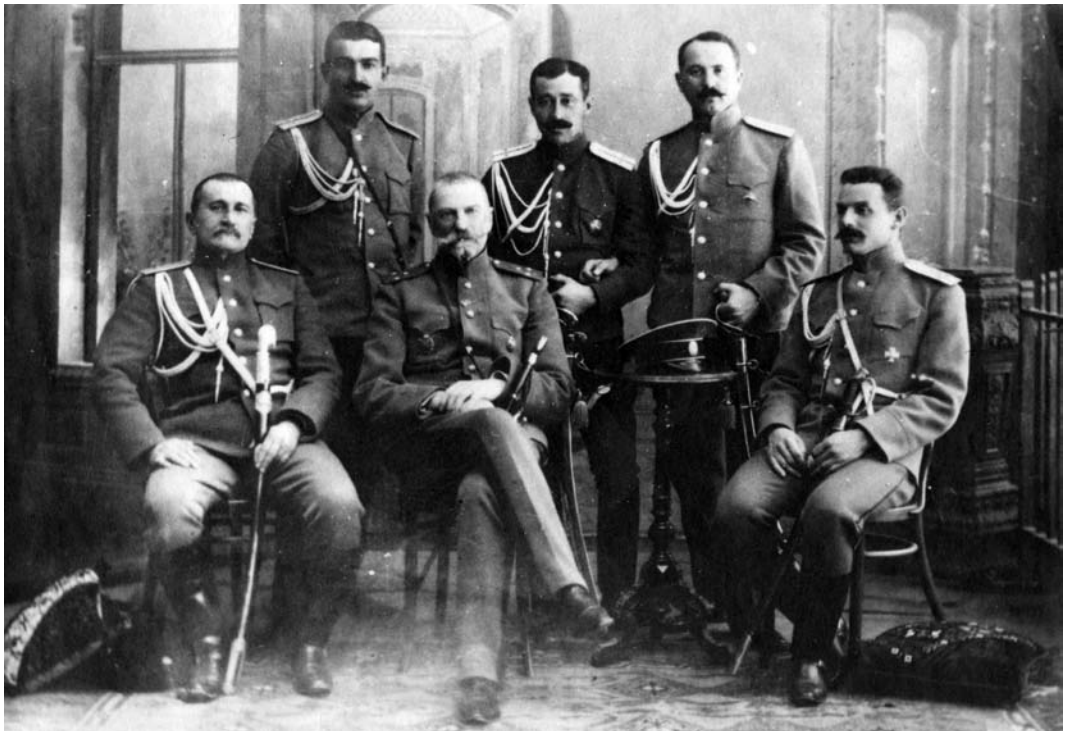
Побывавший в Темир-Хан-Шуре в 50-е годы XIX в. П. Егоров писал: «Некоторые торговцы, приехавшие сюда (в Темир-Хан-Шуру. — *Э.Д.*) в звании приказчиков, или пришедшие с коробками за плечами, в настоящее время владеют десятками тысяч рублей серебром»[1].

Особенностью внешнего облика Темир-Хан-Шуры, его достопримечательностью была громадная каменная глыба, возвышавшаяся на северо-западной окраине города, получившая название Кавалер-батареи. На ней стояла пушка, которая ровно в полдень стреляла холостым снарядом. Позже о наступлении полдня извещали часы на колокольне Андреевского собора. По особым случаям на Кавалер-батарее горели два огромных факела. За тем, чтобы факелы не потухли, следили специально поставленные для этого военные. Главная улица Темир-Хан-Шуры была названа в честь активного участника Кавказской войны, основателя Дагестанского конного полка князя М.З. Аргутинского. Она начиналась от Соборной площади и заканчивалась у Кавалер-батареи. В 1878 г. на этой улице был торжественно открыт памятник М.З. Аргутинскому[2].

В разных местах города стояли сторожевые башни, выразительно напоминая о военных событиях, свидетелями которых недавно были темир-хан-шуринцы. В городе было много солдатских казарм, были также казармы для всадников Дагестанского конного полка, красивое здание штаба конного полка, лазарет, где поправляли здоровье военные.

Город плохо освещался по ночам. Относительно хорошо освещалась

1. *Егоров П.* Дорожные записки о Кавказе и Северном Дагестане 1851 года. // Русский инвалид. 14. VIII. 1857.
2. *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. С. 87.



Военный губернатор Дагестанской области Сигизмунд Викторович Вольский (в центре) с офицерами областного управления. ДГОИАМ

главная Аргутинская улица, на ней было расставлено 40 керосиновых фонарей[1].

Еще до того, как Темир-Хан-Шура стала областным центром, в военном укреплении находилось бессточное озеро Ак-Каль. Оно постепенно заболачивалось и стало опасным для жизни. В камышах на озере гнездились комары, распространявшие лихорадку, от которой погибло много людей. По приказу князя Аргутинского в 1854 г. от озера была прорыта канава, по которой вода из озера ушла в речку Атлан-Озень. Дно бывшего озера предприимчивые горожане использовали под огороды[2].

Позже солдаты несколько в стороне от Ак-Каля создали искусственное озеро с акваторией 150 х 150 метров, с островом посередине, соединяющимся с берегом длинными деревянными мостиками[3].

В начале XX в., в 1909 г. было решено осветить Темир-Хан-Шуру электрическими фонарями. По договору, заключенному с подрядчиком Шаффером, электростанция должна была дать ток в августе 1910 г., но этого

1. *Гаджиев Б.И.* Буйнакск в истории и легендах. Махачкала, 1961. С. 51.
2. Там же. С. 42.
3. Там же.

не произошло. К концу этого срока в Темир-Хан-Шуре поставили 200 кривых и полугнилых столбов. Машины для электростанции валялись в Петровске, и лишь после жалобы 140 горожан на старосту Темир-Хан-Шуры Какаева, разворовавшего деньги, машины были перевезены в город и установлены[1].

В 1911 г. горожане могли ночью ходить по улицам, освещенным электрическими фонарями, но электростанция часто простаивала из-за многочисленных поломок.

Таким образом, в исследуемое нами время Темир-Хан-Шура представляла собой небольшой провинциальный городок, с преобладанием среди горожан русских и дагестанских военных.

Внешний облик дагестанских городов был не одинаков. Весьма своеобразным был внешний облик Дербента, который четко делился на азиатский город-магалы и европейский город — средняя и приморская части города. Если в верхней «азиатской» части были дома с плоскими крышами, узкими кривыми улочками, тупиками, то в «европейской» части города дома были выстроены по специальным проектам, фасады домов должны были утверждаться городскими властями, улицы были прямыми и относительно широкими.

Петровск и Темир-Хан-Шура по внешнему облику напоминали южнорусские захолустные провинциальные городки с преобладанием одноэтажных и редко двухэтажных домов. Выделялись дома богатых горожан, построенные из камня, с более интересными фасадами. Своеобразие внешнему облику Петровска придавало то, что здесь было относительно много торгово-промышленных заведений, особенно в районе морского порта и железной дороги. Это складские помещения, конторы различных пароходств, амбары, резервуары для нефтяных продуктов и т.д.

И в Петровске и в Темир-Хан-Шуре располагались казармы солдат военных гарнизонов, находившихся здесь еще с первой половины XIX в., когда на месте будущих городов были военные укрепления.

Это тоже была характерная деталь внешнего облика этих городов.

Нами не затрагивался вопрос об управлении городами, поскольку он освещен в специальной работе[2]. Скажем лишь, что городовое положение 1870 г. в городах Дагестанской области не распространялось. По утвержденным штатам гражданских управлений Дагестанской области от 22 января 1880 г. Дербент возглавлял градоначальник в чине генерал-майора, портовой город Петровск — военный начальник в чине генерал-майора, а Темир-Хан-Шуру возглавлял полицмейстер. Количество штатов граждан-

1. *Гаджиев Б.И.* Буйнакск в истории и легендах. Махачкала, 1961. С. 46.
2. *Салихова Л.Б.* Городское самоуправление в Дагестане во второй половине XIX — начале XX века. Махачкала, 2014.

ских управлений в каждом городе было различным: в Дербенте — 11, в Петровске — 6, в Темир-Хан-Шуре — 7[1].

Постепенно управление городами дополнилось другими штатными должностями. 10 ноября 1886 г. была учреждена должность полицмейстера в Петровске, должность начальника портового города Петровска упразднялась. Годовой оклад полицмейстеру составлял 1590 руб. и покрывался из средств города[2].

Городовое Положение устанавливало две формы общественного управления: в полном объеме и упрощенном виде. Форма управления зависела от численности населения, состояния городских средств, преимущественного характера занятий горожан, степени развития торговли и промышленности[3].

В соответствии со ст. 22 Городового Положения и Приложением к нему в городских поселениях, где вводилось упрощенное общественное управление, взамен Думы учреждалось собрание городских уполномоченных в количестве от 12 до 15 чел. Уполномоченных избирал сход местных домохозяев из числа лиц, владевших недвижимым имуществом (не ниже 100 руб.). Собрание уполномоченных избирало городского старосту с одним или двумя помощниками, по усмотрению губернатора.

Срок служения уполномоченных, городского старосты и его помощников составлял 4 года[4].

---

1. *Салихова Л.Б.* Городское самоуправление в Дагестане во второй половине XIX — начале XX века. Махачкала, 2014.
2. Там же.
3. Свод законов Российской империи. Т. 2. Свод губернских учреждений. СПб., 1892. С. 286-287.
4. Там же.

ГЛАВА II
НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ

§ 1. Численность, этнический состав

После окончания военных действий и образования Дагестанской области, царские власти стали вплотную заниматься завоеванными землями. Очень важно было определить численность завоеванных народов. Информация о численности дагестанцев собиралась еще в ходе военных действий. Позже сведения о численности селений и городов в Дагестанской области появлялись в разных периодических изданиях в 60–70-е годы[1]. В 1886 году была проведена перепись населения, составлены посемейные списки. В 1897 г. прошла первая Всероссийская перепись населения Российской империи. Сведения о численности населения Дагестанской области публиковались в обзорах, приложениях к ежегодным отчетам военного губернатора. Обзоры начали публиковаться с 90-х годов XIX в. В сельскохозяйственной переписи 1917 г. также содержатся сведения о численности населения Дагестана.

Через два года после образования Дагестанской области в 1862 г. в пятой книжке Записок Кавказского отдела императорского русского

1. *Стебницкий И.И.* Статистическая таблица Кавказского края с обозначением пространства, числа жителей и плотности населения // Записки Кавказского отдела императорского географического общества. Кн. 5. Тифлис, 1862; *Комаров А.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе, издаваемый Кавказским отделом императорского русского географического общества. Т. 1. Тифлис, 1869; Пространство, население и заселенность Кавказского края. (По официальным сведениям 1873–1876 гг.) // Сборник сведений о Кавказе. Т. IV. Тифлис, 1878.

географического общества была опубликована статистическая таблица Кавказского края с обозначением пространства, числа жителей и плотности населения. Автором ее был действительный член Кавказского отдела географического общества И.И. Стебницкий. Это первые сведения о численности населения Дагестана, в том числе городского, после окончания Кавказской войны и создания Дагестанской области.

Вот как выглядели сведения о населении Дагестанской области в 1860 году XIX в.

Таблица 1
Население Дагестанской области

Закавказский край	Пространство		Число жителей	Плотность населения	
	кв. верст	кв. м		на кв. версту	на кв. милю
1) Дагестанская область в 1860 г.					
а) Северный Дагестан					
Округ Даргинский	1535,6	31,74	158069	102,92	4980,12
Шамхальство Тарковское	3329,2	68,81	30885	9,28	448,85
Ханство Мехтулинское	419,0	8,66	15742	37,57	1817,78
Наибство Присулакское	1226,2	25,34	7710	6,29	304,26
Итого	6510,0	134,55	212406	32,63	1578,64
б) Средний Дагестан					
Округ Гунибский	2151,7	44,47	46900	22,30	1054,64
Ханство Аварское	1549,1	32,02	47756	30,83	1491,44
Округ Казикумухск.	1811,2	37,43	40676	22,46	1086,72
	5512,0	113,92	135332	24,55	1187,90
в) Южный Дагестан					
Округ Кайтаго-Табасаранский	2756,4	56,97	51641	18,73	906,46
Ханство Кюринское	2056,8	42,51	26327	12,80	619,31
Округ Самурский	3062,5	63,29	40902	13,36	646,26
	7875,7	162,77	118870	15,09	730,29
г) Верхний Дагестан					
Округ Бежтинский	2412,5	49,86	31500	13,06	631,77
Округ Закатальский	3965,2	81,95	53329	13,45	650,75
	6377,7	131,81	84829	13,30	643,37
д) Дербентское градоначальство[1]					
Город Дербент и Улусский магал	216,0	4,46	15157	-	-
Итого в Дагестанской области	26491,4	547,51	566594	21,39	1034,86

1. Для Дербентского градоначальства не исчислена плотность населения по причине незначительности площади его, а также потому, что большая часть жителей из показанного числа состоит в г. Дербенте.

*Кумыки из Темир-Хан-Шуры. Фотограф Д.И. Ермаков. Конец XIX в.**

Как видно из таблицы, из городов в ней указан только Дербент, поскольку Петровск получил статус города только в 1857 г., т.е. за три года до сбора сведений о населении, а Темир-Хан-Шура статуса города еще не получила.

Население Дербента вместе с Улусским магалом в 1860 г. составляло 15157 человек[1].

В Пояснительной записке к таблице И.И. Стебницкий отмечает, что «площадь территории края и его населенность ... могут быть с точностью известны только в таком случае, когда существует хорошая кадастровая съемка края и правильно сделанная народная перепись ... подобного труда мы не имели не только для кавказского края, но и для большей части европейской России»[2]. Поэтому данные, приведенные в статистической таблице, не могут быть точными, они дают лишь приблизительное представление о численности населения и пространстве Дагестанской области.

Важным источником по населению Дагестанской области в конце 60-х гг. XIX в. является работа А. Комарова «Списки населенных мест Дагестанской области», опубликованная в Сборнике статистических сведений

1. Для Дербентского градоначальства не исчислена плотность населения по причине незначительности площади его, а также потому, что большая часть жителей из показанного числа состоит в г. Дербенте. С. 143.

2. Пояснительная записка к статистической таблице Кавказского края // ЗКОИРГО. Кн. 5. Тифлис, 1862. С. 148.

* Женщины Кавказа. М., 2008.

*Русские в Дербенте. 1915 г.**

о Кавказе, издаваемом Кавказским отделом императорского русского географического общества под редакцией Н.И. Воронова[1].

Позже в VIII книжке «Записок Кавказского отдела императорского русского географического общества» была помещена статья того же автора А.В. Комарова «Народонаселение Дагестанской области» (с этнографической картой)[2]. Это была серьезная попытка привести в порядок все сведения о населении Дагестана.

Список населенных мест автор начинает с портового города Петровска, в котором проживало 2203 человека. «Население состоит, – пишет А. Комаров, – преимущественно из русских — 1899 человек и персиян — 335 человек, остальные — евреи, армяне, грузины и кумыки»[3].

В Темир-Хан-Шуре проживало 2069 человек. «Русских в городе — 855 человек, армян — 303, евреев — 265, персиян — 354, грузин — 94, татар — 224 человека»[4].

---

1. *Комаров А.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1869.
2. *Комаров А.* Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Т. III. Тифлис.
3. *Комаров А.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1869. С. 4.
4. Там же. С. 5.

* Был такой город Дербент. Махачкала, 2015. С. 94.

По Дербенту А. Комаров сообщает следующие сведения: «Дворов в городе 2600, мужчин — 7893, женщин — 5402, т.е. население города составляло 13295 человек»[1].

Комаров приводит интересные сведения об общем составе населения Дагестанской области, в том числе о количестве горожан[2].

Таблица 2
Население Дагестанской области по племенам, вероисповеданиям, по месту жительства

Общий состав населения Дагестанской области	Число душ	%	
1) По племенам:			
русских, грузин, армян и проч.	4846	1,30	
Различных горских племен	362971	80,74	
Тюркских племен	75328	16,76	
Евреев	5389	1,20	
	449534	**100**	
2) По вероисповеданиям:			
христиан	5000	1,11	
магометан: суннитов	427615	95,12	97,69
шиитов	11550	2,57	
иудеев	5389	1,20	
	449534	**100**	
3) по месту жительства:			
горожан	17940	4,00	
поселян	431594	96,00	
	449534	**100**	

Как видим, А. Комаров проделал большую работу по сбору сведений о численности населения Дагестанской области. Это были по существу первые достоверные сведения, на которые опирались последующие исследователи этой проблемы. По его сведениям, в середине 60-х годов XIX в. горожане составляли 4% населения Дагестанской области.

Сведения о численности населения Дагестанской области в 70-е годы XIX в. были опубликованы в четвертом томе Сборника сведений о Кавказе, изданном Кавказским статистическим комитетом[3]. В Пояснительной записке его главный редактор Н. Зейдлиц писал: «Цифры населения частей края» относятся в большинстве случаев к 1973–1874 гг. Они заимствованы

1. *Комаров А.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1869. С. 5.
2. Состав населения Дагестанской области // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VIII. Тифлис, 1875. С. 11.
3. Список населенным местам Кавказского края, имеющим более 1000 душ обоего пола жителей // Сборник сведений о Кавказе. Т. IV. Тифлис, 1878.

*Армянские купцы Макар и Тарас Сарухановы с семьями. Дербент.**

нами из камерального описания. Мы отдали этим цифрам предпочтение перед цифрами населения, сообщенными полицейскими властями»[1]. В работе приведены и сведения о населении городов.

Таблица 3
Население и пространство Дагестанской области в 70-е годы XIX в.[2]

Округа и города	Пространство	Население			На 1 кв. версту приходится жителей
		муж.	жен.	обоего пола	
Город Дербент Загородная часть	241,5	8053 1452	5722 1325	13775 2777	68,5
Округа:					
Темир-Хан-Шуринский	5358	32700	30316	68110	12,7
Город Темир-Хан-Шура		3744	1350		
Гунибский	3258	23725	24191	47916	14,7
Казикумухский	1820	17289	18767	36056	19,8
Андийский (1873-1874 гг.)	3053	20247	21221	41468	13,6
Аварский (1875 г.)	1335	18966	19944	38910	29,1

1. Там же. Пояснительная записка к таблицам.
2. Там же.

* Был такой город Дербент. Махачкала, 2015. С. 145.

Житель Петровска
Тимофей Болоткин.
Из личного фонда Э.М. Далгат

Кайтаго-Табасаранский	2569	21770	21198	42968	16,7
Даргинский	1447	33709	31741	65450	45,4
Кюринский	2813	30972	29510	60482	21,5
Самурский (1873 г.)	3224	31913	27906	59819	186
Портовый город Петровск	-	2076	1817	3893	-
Итого:	25122				19,2
Города		15252	10214	25466	
Округа		231291	224794	456085	
Всего				**481551**	

Согласно таблице, в середине 70-х годов XIX в. городское население составило 25466 человек, или более 5 % от населения области, т.е. несколько выросло по сравнению с 60-ми годами. Самым большим по количеству населения оставался Дербент. В нем проживало 13775 человек.

Для того чтобы иметь представление о величине населения городов Дагестанской области в 70-е годы XIX в., сопоставим их с населением других городов Северного Кавказа в этот период[1].

Дербент — 13775 чел.

Темир-Хан-Шура — 5094 чел.

1. Список населенным местам Кавказского края, имеющим более 1000 душ обоего пола жителей // Сборник сведений о Кавказе. Т. 4. Тифлис, 1878. С. I — XII.

Русские жительницы Петровска. Из личного фонда Э.М. Далгат.

*Еврейская семья Мусахановых из Дербента.**

Петровск — 3893 чел.
Владикавказ — 20057 чел.
Ставрополь — 29617 чел.
Грозный — 8452 чел.
Пятигорск — 13665 чел.
Екатеринодар — 32530 чел.
Майкоп — 22537 чел.
Баку — 14577 чел.
Тифлис — 104750 чел.
Эривань — 12505 чел.

Как видим, в 70-е годы XIX в. по количеству населения Дербент был сопоставим с населением Баку — 14577 человек и Эривани — 12505 человек.

Два других города — Темир-Хан-Шура и Петровск – в этот период были маленькими провинциальными городами, население которых было незначительным.

Самым крупным городом на Кавказе был Тифлис — столица Кавказского наместничества — 104750 человек.

---

* Был такой город Дербент. Махачкала, 2015. С. 228.

*Ахунд-заде. Дербент, 1910-е годы.**

Городские дагестанцы. МИМ

Более точная информация о населении Дагестанской области, в том числе городском, появилась после переписи 1886 года.

По ее данным, в трех городах — Дербенте, Петровске и Темир-Хан-Шуре, а также в слободах Чирюрта и Ишкарты проживало 20599 человек, из них мужчин — 11692, или 56,7%, и женщин — 8907 человек, или 43,3%.

По городам население распределялось следующим образом:

Темир-Хан-Шура — 2579 чел.

Дербент — 15265 чел.

Петровск — 2285 чел.

Итого: 20129 чел.

Перепись 1886 г. дает возможность показать *этнический и конфессиональный* состав городского населения Дагестана.

---

* Был такой город Дербент. Махачкала, 2015. С. 116.

Таблица 4
Этнический состав городского населения Дагестанской области по переписи 1886 г.

Города	Число жителей	По народностям							
		русские	поляки	немцы	персы	армяне	евреи	груз.	татары и аварцы
Темир-Хан-Шура	2579	1426	41	14	-	108	911	13	68
Дербент	15265	1561	29	13	8994	875	2568	56	1169
Петровск	2285	1932	48	11	30	49	172	6	40
Чир-Юрт, слобода	390	295	9	1	-	19	29	17	20
Ишкарты, слобода	80	13	9	-	-	-	-	-	58
Всего:	**20599**	**5227**	**136**	**39**	**9024**	**1049**	**3680**	**92**	**1355**

Из таблицы об этническом составе горожан области видно, что в Петровске и Темир-Хан-Шуре преобладали русские. В них было много евреев и армян. В Дербенте больше половины горожан, согласно переписи 1886 г., составляли персы[1], на втором месте находились евреи и лишь затем шли русские, а за ними армяне.

Таблица 5
Конфессиональный состав горожан Дагестанской области по переписи 1886 г.

Города	По вероисповеданию						
	правос.	армяно-григор.	магометане		католики	лютеране	иудеи
			сунниты	шииты			
Темир-Хан-Шура	1439	106	68	-	41	14	911
Дербент	1617	875	1746	8994	29	13	1991
Петровск	1938	49	40	30	28	8	172
Чир-Юрт, слобода	312	19	20	-	9	1	29
Ишкарты, слобода	27	-	52	-	-	1	-
Всего:	5333	1049	1926	9024	127	37	3103

Городское население было многоконфессиональным. В Дербенте преобладали мусульмане: шииты и сунниты, были представители иудейской религии и православные. В Петровске и Темир-Хан-Шуре преобладали жители, исповедовавшие православие, после них шли иудеи.

1. Горожане Дербента, названные в посемейных списках «персами», в других источниках идут под названием «закавказские татары» или «закавказские тюрки».

§ 2. Эволюция социального облика городского населения

Представляет интерес *сословный состав* городского населения по переписи 1886 г.

Таблица 6

Сословный состав горожан Дагестанской области по переписи 1886 г.

Города	дворяне	беки	духовен. правосл.	почетные граждане	купцы	мещане	запасные чины	уздени
Темир-Хан-Шура	2	-	-	-	133	2385	59	-
Дербент	150	491	3	300	22	14244	52	-
Петровск	172	-	6	20	134	1956	-	-
Чир-Юрт, слобода	34	-	-	-	10	129	217	-
Ишкарты, слобода	-	-	-	-	-	4	18	58
Всего:	358	491	9	320	299	18718	346	58

Как следует из этой таблицы, в 1886 г. подавляющее большинство горожан принадлежали к городскому сословию мещан, горожан также представляли почетные граждане. Поскольку города области были преобразованы из военных укреплений, здесь поселились военные запасные чины. В городах области проживали дворяне. Беки предпочитали жить в Дербенте, в других городах области перепись 1886 г. их не зафиксировала.

Через десять лет после переписи 1886 г. (в 1897 г.) в Российской империи была проведена первая всеобщая перепись населения. Данные по Дагестанской области были опубликованы в 1905 г.[1] Рассмотрим численность населения городов Дагестана по материалам переписи 1897 г.

Таблица 7

Население городов Дагестанской области по переписи 1897 г.

Города	**Наличное население**	**В числе наличного населения было**		**% грамотного населения**
		Временно пребывавшие в места переписи	**Иностранные подданные**	
Темир-Хан-Шура	9214	114	594	44,8
Петровск	9753	560	807	42
Дербент	14649	30	214	11,2
Всего в городах:	33616	704	1615	100

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 62. Дагестанская область. СПб., 1905.

Как и по предыдущим переписям, самым крупным городом оставался Дербент, но по темпам роста Петровск и Темир-Хан-Шура его опережали. Их население выросло в несколько раз, в то время как население Дербента увеличилось незначительно.

Перепись 1897 г. дает ценную информацию о грамотности городского населения. Как и следовало предполагать, горожан, владеющих русской грамотой, было больше в Петровске и Темир-Хан-Шуре, население которых в подавляющем большинстве составляли русские. Самый высокий процент грамотного населения был в областном центре – городе чиновничества Темир-Хан-Шуре, в то время как Петровск был преимущественно городом промышленным с мастеровым людом. Самым низким процент владеющих русской грамотой был в Дербенте, так как подавляющее большинство в нем составляло тюркоязычное население.

Таблица 8[1]
Соотношение населения области и городов

Население	1860 г.		1886 г.		1895 г.		1906 г.		1913 г.	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Население области	513265	100	590356	100	611880	100	659952	100	707950	100
Население городов	15157	2,9	17583	3	34899	5,7	58430	8,8	78427	11

Таблица свидетельствует, что городское население медленно, но неуклонно росло. Причем темпы роста городского населения были выше, чем темпы роста населения области в целом. Так, если с 1860 по 1913 гг. население области выросло в 1,4 раза, то городское население за этот же период увеличилось в 3,8 раза.

Таблица также свидетельствует, что в начале исследуемого периода темпы роста городского населения были незначительными. Так, в 1860 г. население городов составляло 15157 человек, а через 16 лет, в 1886 г. оно увеличилось немногим более чем на 2 тысячи человек. Начиная с 90-х годов темпы роста городского населения усилились. Так, с 1895 г. по 1913 г. оно увеличилось в 2,2 раза.

К концу XIX в. Дагестан все активнее втягивался в русло экономического развития России. В городах развиваются промышленность, ремесла, обслуживающие потребности горожан. Города становятся притягательными

1. Таблица составлена нами (*Э.Д.*) по следующим источникам: Памятная книжка Дагестанской области / Составитель Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895 г.; Дагестанская область: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1890; Обзоры Дагестанской области за 1906 и 1913 гг. Темир-Хан-Шура, 1907 и 1915 гг.

для крестьянства как места, где можно найти работу. В города постепенно переселяются крестьяне из близлежащих селений области, но основной контингент переселявшихся в города – это выходцы из различных губерний России и Кавказа. Важную роль в этом сыграло строительство железной дороги, которая в 90-х годах прошла через территорию области, связав ее с губерниями России и Кавказа.

Рассмотрим, какова была динамика развития населения каждого из трех городов области.

Таблица 9[1]
Население городов (1860-1913 гг.)

Город	1860 г.		1886 г.		1897 г.		1906 г.		1913 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Дербент	15157	100	11535	100	14649	127	29777	258	33554	290
Т.-Х.-Шура	-		2579	100	9214	357	10685	914	20836	808
Петровск	-		3469	100	9753	281	17968	572	24037	693

Цифры за 1860 г. даны по Дербентскому градоначальству, включавшему население Дербента, пригородных деревень и Улусский магал. Данные источников о населении Дербента разноречивы. Так, «Памятная книжка Дагестанской области» (Темир-Хан-Шура, 1895 г.) дает на 1895 г. цифру 15594 души, а перепись населения Российской империи 1897 г. приводит другую цифру — 14649 человек. Видимо, это объясняется разными подходами к подсчету населения. В «Памятной книжке Дагестанской области» даются данные по коренному населению Дербента — 12293 души, временно проживающему населению — 2315 душ, войскам с семействами — 1086 душ, итого — 15594 души. В переписи населения 1897 г., видимо, даны сведения только по коренному населению Дербента, без военных и временно проживающих.

Обзоры Дагестанской области, из которых взяты данные за 1906 и 1913 гг., дают сведения о населении Дербента, включая «войска», а также тех, кто проходит по графе «неизвестно», которые составляли значительную часть городского населения.

Но, несмотря на разные подходы к подсчету населения Дербента, очевидно, что оно росло и с 1860 по 1913 г. выросло более чем в два раза.

---

1. Таблица составлена нами (*Э.Д.*) по следующим источникам: Памятная книжка Дагестанской области / Составитель Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895; Дагестанская область: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1890; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область. Вып. 62.; Обзоры Дагестанской области за 1906 — 1913 гг. Темир-Хан-Шура, 1907, 1915.

Таблица свидетельствует, что в молодых городах — Петровске и Темир-Хан-Шуре городское население развивалось динамичнее, чем в древнем Дербенте. Если в последнем с 1886 по 1913 годы население выросло более чем в два раза, то в Петровске — в семь, а в Темир-Хан-Шуре — в восемь раз. Особенно впечатляет рост населения Темир-Хан-Шуры с 10685 человек в 1906 г. до 20836 человек в 1913 году, это почти вдвое больше за семь лет, что, видимо, объяснялось его положением как административного центра области.

Мировой посредник Абдусалам Далгат с супругой Аймисей Кажлаевой. Из личного фонда Э.М. Далгат

За счет выходцев из каких губерний России или других государств пополнялось городское население Дагестанской области? Подробную информацию по этому вопросу дают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года.

Для большей наглядности сведем данные о том, за счет уроженцев каких мест пополнялось городское население Дагестанской области, в таблицу.

Таблица 10[1]
Места выхода населения, пополнявшего города Дагестанской области

	Темир-Хан-Шура		Петровск		Дербент	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
I Губернии Европейской России	1899	45	3818	59	900	40,3
II Привислинские губерн.	362	8,5	402	6	146	6,5
III Кавказ	1697	40	1463	22,7	466	20,8
IV Сибирь	45	1	13	0,2	2	
V Средняя Азия	11	0,2	33	0,5	3	
VI Иностранные госуд. и т.д.	226	5,3	665	10,3	113	5
Всего	4272	100	6437	98,7	2233	72,6

1. Таблица составлена нами (*Э.Д.*) по материалам переписи 1897 г.

5-я батарея в Темир-Хан-Шуре. 1885 г. Командир Скалозубов. ДГОИАМ

Некоторое несоответствие итоговых цифр внизу таблицы сумме показателей по городам объясняется тем, что мы брали данные не по всем местам, откуда приезжали люди в города Дагестанской области, а только наиболее значительные. Поэтому и сумма процентов не всегда составляет сто.

Таким образом, города области росли и развивались не только за счет естественного прироста, но и за счет причисления к городскому населению людей, прибывших из других регионов империи.

Большой интерес представляет вопрос о социальной структуре городского населения Дагестанской области. Она была идентичной структуре городов Российской империи, но имела региональные особенности.

В начале исследуемого периода Петровск и Темир-Хан-Шура имели неразвитую социальную структуру, она находилась в стадии формирования. Основное население молодых городов состояло из военного сословия. Затем появилось купечество, мещанство и другие сословия. В отличие от новых городов Дербент с его многовековой историей к середине XIX в. имел развитию социальную структуру. Посмотрим, каким был сословный состав городов по данным посемейных списков населения 1886 г.

Таблица 11[1]
Сословный состав городского населения в 1886 г.

Наименование сословий	Т.-Х.-Шура		Петровск		Дербент		Всего
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	
Дворяне:							
Потомственные	–	–	86	74	20	23	203
Личные	2	–	6	2	–	–	10
Высшее мусульм. сословие							
Беки, ханы	–	–	27	7	288	241	563
Чанки	–	–	–	–	–	–	
Духовенство:							
Армяно-григор.	–	–	2	2	16	15	35
Мусульманское	–	–	3	–	43	32	78
Еврейское	–	–	–	–	5	3	8
Почетные граждане:							
Потомственные	–	–	16	10	2	5	33
Личные	–	–	1	–			1
Купцы:	80	53	7	13	57	47	257
Мещане	1122	896	1129	775	5860	4557	14339
Отставные нижние чины	30	29	–	–	166	105	330
Крестьяне:							
Государственные	–	–	54	44	–	–	98
Без обозначения сословия	225	142	696	515	–	–	1578
Всего	2579		3465		11535		17579

Как мы видим, во всех городах указаны купцы и мещане. Последнее было самым многочисленным из городских сословий. Потомственные дворяне указаны только в Дербенте и Петровске. Личные дворяне были во всех трех городах. Высшие мусульманские сословия — беки, ханы указаны только в Дербенте и Петровске, хотя после реформ 60-х годов, лишивших феодальных владетелей политической власти, некоторые из них переселились в областной центр Темир-Хан-Шуру. Сведения по духовенству тоже приведены только по Дербенту и Петровску. Потомственных почетных граждан, как свидетельствует таблица, больше было в Петровске. Сведения о крестьянах, проживавших в городах, даны только по Петровску, они составляли всего 98 человек, что вызывает сомнение.

В середине 80-х годов XIX в. в городах Дагестанской области были представлены все сословия Российской империи. Поскольку списки 1886 г. были посемейными, в них указывали постоянное население, военные там не фигурируют.

1. Таблица составлена нами (*Э.Д.*) по Своду статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. Таблица VII.

Самое большое из городских сословий — мещанство имело несколько источников своего пополнения. Документы 1-го стола Камерального отделения Бакинской казенной палаты в качестве одного из них называют так называемых «*солдатских детей*».

Так, в 1877 г. к городу Петровску были причислены солдатские дети Владимир Суворов, Иван Горбунов, Янкель Барабани[1]. К мещанам же Темир-Хан-Шуры были причислены солдатские сыновья Петр Томенко[2], Василий Кузнецов, Иван Соловьев, Василий Нищенко. К тому же сословию города Дербента в 1877 г. был приписан солдатский сын Николай Тучин[3], сын фельдшера «Каспийского экипажа» Василия Штокмана. Вдова унтерофицера Василия Самсонова просила приписать её с детьми к городу Петровску. В том же 1877 г. к мещанам Темир-Хан-Шуры были приписаны 4 отставных нижних чина[4] и состоящий в запасе канонир Порфирий Шплитин[5]. К Темир-Хан-Шуре был причислен временно отпускной рядовой Флегонт Мочалов[6]. Помимо солдатских детей к мещанскому сословию городов приписывались и сами отставные военные[7]. В 1877 г. такое прошение подал отставной казённый денщик Пётр Коробов.[8] В состав темир-хан-шуринских мещан просил причислить уволенный из военного ведомства в отставку рядовой Абрам Гинзбург[9].

Как видно из документа, чаще всего отставные военные и их дети предпочитали жить в Темир-Хан-Шуре, в областном центре, где было много войск и относительно безопасно.

Другим источником пополнения мещанского сословия было *крестьянство*. Так, в 1877 г. с просьбой о причислении к мещанам города Петровска обратились крестьянин Харьковской губернии Митрофан Осадчий и крестьянин Кутаисской губернии Лазарь Глохцов Мегенейшвили[10]. К сословию мещан Темир-Хан-Шуры просили приписать себя крестьяне Пензенской губернии Тарас и Михаил Тарасовы, а также житель Кайтаго-Табасаранского округа Мигир Авраам оглы[11] и житель селения Аксай Хасавюртовского округа Ханука Мушаилов[12].

---

1. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 2. Д. 7268. Л. 4 об.
2. Там же. Л. 18.
3. Там же. Л. 25.
4. Там же.
5. Там же. Л. 8.
6. Там же. Л. 15 об.
7. Отставные нижние чины причислялись к мещанскому обществу на основании Высочайшего повеления от 25 июля 1867 года «Об устройстве быта отставных и бессрочных отпускных нижних чинов».
8. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 2. Д. 7268. Л. 15 об.
9. Там же. Л. 18.
10. Там же. Л. 25.
11. Там же.
12. Там же.

Приведённые нами примеры являются показателем межсословной мобильности, когда представители одного сословия переходили в другое. Например: из крестьян или солдатских детей в сословие мещан. Примером такой мобильности также является переход из сословия купцов в крестьянство, причиной чему была неуплата обязательного гильдейского сбора. Так, петровская 2-й гильдии купчиха Любовь Пирожникова с сыном Иваном за неуплату вышеназванного сбора была причислена к мещанам того же города[1]. В податное сословие был обращён дербентский купец 2-й гильдии Гаджи Али Гасан Орудж оглы «за невзятие им гильдейского свидетельства» на 1877 г.[2]

Были случаи, когда горожане переходили из нижнего сословия в высшее городское сословие — вертикальная мобильность. Житель Дербента Владимир Михайлов был исключён из податного сословия «за производством его в классный чин»[3]. Темир-хан-шуринский мещанин Айзек Мистергартен «был перечислен» в купцы 2-й гильдии города Грозного[4]. Дербентский купец 2-й гильдии Иван Эльдаров был перечислен в купцы 1-й гильдии того же города[5]. В мещане г. Петровска были причислены братья купцы 1-й гильдии Аветис и Пётр Каспаровы[6].

Помимо вертикальной мобильности, городские сословия пополнялись и по горизонтальной линии. Наиболее заметной была горизонтальная мобильность внутри мещанского сословия, т.е. переезд мещан из города в город. «Опись дел 1-го стола Камерального отделения» Бакинской казённой палаты даёт нам достоверные сведения и по горизонтальной мобильности.

В 1877 году к мещанам города Темир-Хан-Шуры были причислены ростовский мещанин Лейба Файвишович, мещанин города Умани Ицко Берлин, одесский мещанин Берко Самойлов Сигаль, Волынской губернии мещанин Зейлик Фрикстман, петровский мещанин Ефим Шурупов, моздокский мещанин Илья Егоров[7]. К мещанам города Петровска были причислены дети петровского мещанина Вуколы Воинова. Из Петровска были исключены мещанин Игнатий Яценко «за перечислением его в мещане Ставропольской губернии»[8] и мещанин Афанасий Заруднев, причисленный в мещане Темир-Хан-Шуры[9]. В документе приведены интересные сведения о причислении к мещанам жителей дагестанских городов такой категории населения, как *выкресты*. В 1877 году к мещанам города Темир-Хан-Шуры

1. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 2. Д. 7268. Л. 25.
2. Там же. Л. 25 об.
3. Там же. Л. 4 об.
4. Там же.
5. Там же. Л. 18.
6. Там же. Л. 25.
7. Там же.
8. Там же. Л. 15 об.
9. Там же. Л. 25.

были приписаны выкрещенный из татар Александр Попов и выкрещенная из евреек Евгения Арсеньева. Документы свидетельствуют, что в городах Дагестанской области вертикальная и горизонтальная мобильность населения приводила к изменению социальной структуры городских сословий.

Обязательным условием для поселявшихся в городах лиц было обзаведение осёдлостью. За несоблюдение этого условия следовало наказание. Так, в «Описи делам 1-го Камерального отделения» говорится «об обложении двух купцов гильдийскими пошлинами и 6-ти мещан податями и земским сбором за необзаведение осёдлостью»[1].

Приписка к мещанам городов Дагестанской области происходила по определению Бакинской казенной палаты.

Рассмотрим, как менялись численность и удельный вес разных сословий по городам в 90-е годы XIX — начале XX в. Такую информацию содержат обзоры Дагестанской области за 1896, 1906 и 1913 годы. Для большей наглядности суммируем данные по группам внутри каждого сословия и дадим цифры по разным сословиям в целом.

Таблица 12
Численность и удельный вес сословий в Темир-Хан-Шуре в 1896—1913 гг.[2]

Наименование сословия	1896 г.		1906 г.		1913 г.	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
I. Дворяне	608	8	847	8	732	3,8
II. Духовенство	40	0,5	52	0,5	55	0,2
III. Городские сослов.	1812	24	4987	47	5609	27
IV. Сельские сословия	1510	20,5	1656	15,5	9864	47
V. Военные сословия	3144	42	2615	24	3914	19
VI. Иностр. подданст.	394	5	531	5	614	3
Итого	7508	100	10688	100	20838	100

Таблица дает представление об эволюции социального облика Темир-Хан-Шуры на протяжении 17 лет. Наиболее заметные изменения коснулись сельского сословия. Если в 1896 г. оно составляло пятую часть городского населения, то в 1913 г. — почти половину. Военное сословие за 17 лет уменьшилось более чем вдвое. Уменьшилась доля дворянства с 8 % до 3, 8 %.

Увеличение населения Темир-Хан-Шуры происходило в основном за счет сельских сословий.

1. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 2. Д. 7268. Л. 15 об.
2. Проценты выведены нами (Э.Д.).

Рассмотрим численность и удельный вес сословий в Дербенте в 1896—1913 гг.

Таблица 13
Численность и удельный вес сословий в Дербенте в 1896—1913 гг.

Наименование сословия	1896 г.		1906 г.		1913 г.	
	кол-во.	%	кол-во.	%	кол-во.	%
I. Дворяне	753	4,8	1447	4,8	806	2,4
II. Духовенство	85	1,3	56	0,2	119	0,3
III. Городские сослов.	12375	79	17276	58	18960	56,5
IV. Сельские сословия	1103	7,2	-		-	
V. Военные сословия	1270	8,2	974	3,3	390	1,3
VI. Иностр. подданст.	82	0,5	-			
VII. Неизвестно	-		10024	33,7	13279	40,
Итого	15668	100	29777	100	33554	100

В Дербенте в отличие от молодых городов области очень высоким (79%) был процент городских сословий. Это объяснялось тем, что благодаря льготам Петровск и Темир-Хан-Шура были более притягательны для крестьян, приезжавших из других регионов России, а Дербент, развиваясь в межстенном пространстве, мог вместить ограниченное количество переселенцев. В 1913 г. доля городских сословий уменьшилась до 56,5 %, т.е. в Дербенте они составляли более половины городского населения.

Как и в Темир-Хан-Шуре, в Дербенте доля военного сословия сократилась с 8,2 % в 1896 г. до 1,3 % в 1913 г.

Значительную долю городского населения в 1913 г. (40 %) составляли жители Дербента, указанные в графе «неизвестно», т.е. неопределенного социального статуса.

И, наконец, эволюция социальной структуры населения Петровска.

Таблица 14
Численность и удельный вес сословий в Петровске в 1896—1913 гг.

Наименование сословия	1896 г.		1906 г.		1913 г.	
	кол-во.	%	кол-во.	%	кол-во.	%
I. Дворяне	258	2,4	453	2,5	652	2,7
II. Духовенство	16	0,1	64	0,5	68	0,3
III. Городские сослов.	2016	18,5	6208	34,5	6769	28,5
IV. Сельские сословия	5412	50	7154	40	12513	52
V. Военные сословия	2014	19	1557	8,5	1544	6,5
VI. Иностр. подданст.	1025	10	2532	14	2502	10
Итого	10741	100	17968	100	24048	100

В Петровске, как и в других городах области, заметно растет доля городских сословий и почти в три раза уменьшается доля военных в населении городов.

Для того чтобы эволюция социального облика городов области была более наглядной, сведём сведения по социальной структуре в единую таблицу.

Таблица 15
Социальная структура городского населения Дагестанской области в 1896—1913 гг. по данным обзоров Дагестанской области

Сословная группа	1896 г.		1906 г.		1913 г.	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
I. Дворяне	1619	4,8	2747	4,7	2240	2,8
II. Духовенство	141	0,4	172	0,3	242	0,3
III. Городские сослов.	16203	48,5	28471	48	31338	40
IV. Сельские сословия	8025	23,5	8810	15	22377	28,5
V. Военные сословия	6428	18,8	5146	9	5848	7,4
VI. Иностр. подданст.	1501	4	3063	5,5	3116	4
VII. Неизвестно			10024	17,5	13279	17
Итого	33917	100	58433	100	78440	100

Таблица свидетельствует, что в социальной структуре городского населения области происходили определенные изменения.

Во всех трех городах Дагестанской области, как и в городском населении России в целом, структурные изменения происходили одинаково, что говорит об их однотипном и синхронном развитии.

Уменьшались доли дворянства, духовенства и военного сословия. Велика была доля городских сословий — мещан, купцов и почетных граждан. Увеличивалась доля сельских сословий в населении городов. Доля иностранных подданных в городском населении изменялась мало. Налицо была тенденция превращения городов из бывших русских военных укреплений с большим количеством военного населения в торгово-промышленные центры с преобладанием городских сословий. Большую роль в пополнении населения городов области играло крестьянство, прибывшее из различных регионов империи, о чем мы уже говорили.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. городское население области медленно, но неуклонно увеличивалось. Происходила перестройка социальной структуры городского населения Дагестанской области. Она тоже осуществлялась постепенно, медленно. Процесс эволюции социального облика городов Дагестана ускорился в конце XIX в., с усилением вовлечения области в русло экономического и социального развития России.

ГЛАВА III
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРОЖАН

§ 1. Зарождение и развитие важнейших промышленных отраслей экономики городов

Изучение экономического развития городов имеет большое значение, поскольку они оказали сильное влияние на развитие экономики Дагестанской области и ее вовлечение в единый общероссийский рынок.

Во второй половине XIX в. происходит экономическая модернизация России, в том числе Северного Кавказа. Становление и развитие экономики городов Дагестанской области происходит под влиянием этого процесса.

В Дагестане зарождается фабрично-заводская промышленность. Центрами ее развития были города.

Первым промышленным предприятием в Дагестане была крапповая фабрика в Дербенте. На ней перерабатывали корни растения марены для получения краски. Начало процветания мареноводства относится к середине 40-х годов. Благодаря марене, которая в течение трех десятилетий была ведущей отраслью городского хозяйства, Дербент, по словам Е.И. Козубского, «стал крупным торговым центром»[1].

Согласно легенде, Дербент обязан мареноводством некоему Келбалаю, выходцу из Тавриза. Он первый завел плантацию марены в конце XVIII в., привезя семена из Персии. По другой версии, семена, посеянные Келбалаем, были взяты им из кумыкского селения Эндери.

Широкое развитие мареноводства в 40-х годах XIX в. было вызвано потребностями русской промышленности. Александровский фабрикант

1. *Козубский Е.И.* История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 225.

Иван Федорович Баранов, сравнив качество голландского краппа и дагестанской марены, отдал предпочтение последней и стал вкладывать большие деньги в расширение плантаций марены.

До 50-х годов XIX в. только два торговых дома занимались вывозом из Дагестана этого ценного красителя, закупая урожай на несколько лет вперед. В 50-е годы, помимо И.Ф. Баранова, в Дербенте появились и другие русские купцы — Зубовы, Лепешкины, с огромными капиталами[1]. Благодаря крупным капиталовложениям мареноводство превратилось в процветающую отрасль промышленности.

После окончания Кавказской войны плантации марены раскинулись на обширной территории. В Южном Дагестане помимо дербентского градоначальства, марену выращивали в Кюринском ханстве, Кайтаге, Табасаране.

Для перевозки корни марены перемалывали в порошок. По сведениям Е.И. Козубского, в конце 40-х годов наместник Кавказа князь М.С. Воронцов выслал дербентскому градоначальнику чертежи и описание мельниц для перемола марены[2].

В 1864 г. по указанию градоначальника были собраны сведения о состоянии мареноводства в Дербенте начиная с 1859 г. Согласно этим сведениям, на северной стороне города мареной было засеяно около 20 тыс. капанов, южнее города плантации марены составляли свыше 10 тыс. капанов.

Посевы эти принадлежали на северной стороне 981 хозяину, а на южной стороне участки земли имели 685 хозяев. Среди них были и крупные землевладельцы — у одного было 600 капанов, у четверых было от 150 до 250 капанов, 16 человек имели от 50 до 150 капанов земли. Много было мелких землевладельцев, имевших от 1 до 50 капанов земли.

Выше мы говорили, что первым из русских промышленников обратил внимание на дагестанскую марену И.Ф. Баранов. Дешевизна марены позволила ему снизить цены на производимый им хлопок. Его конкуренты были вынуждены также снизить цены на свой ситец, а для этого необходимо было покупать дешевый краситель, каким была дагестанская марена.

Большой спрос на марену привел к тому, что мареноводство стало преобладающим промыслом жителей Дербента и ближайших к нему селений. Горожане все свои деньги, а также взятые в кредит вкладывали в мареноводство.

Если вначале цены на марену были гораздо ниже, чем на заграничный крапп, и это привлекало покупателей, то с увеличением спроса на марену

1. *Козубский Е.И.* История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 225.
2. Там же. С. 227.

цены на нее выросли и сравнялись с ценами на крапп. Дагестанская марена по сравнению с краппом была плохо переработана и при перевозке теряла свои красящие свойства. Это привело к тому, что спрос на марену в начале 60-х годов стал падать. Это встревожило всех мареноводов. Среди жителей Дербента появились банкроты. Городское общество в 1862 г. обратилось к правительству с просьбой о ссуде и об основании банка, о чем ходатайствовал также начальник области[1].

Для ознакомления с положением мареноводства в Дагестан из Тифлиса Управлением сельского хозяйства на Кавказе в 1862 г. был командирован инженер-технолог Г.Ф. Лемкуль. Причины падения спроса на марену он объяснил тем, что она плохо перерабатывается, утрачивается часть красящего пигмента. Для того, чтобы марена по своим качествам не уступала европейскому краппу, Г.Ф. Лемкуль предложил построить в Дербенте крапповую фабрику. Он подготовил проект фабрики. Предполагалось, что на этой фабрике корни марены будут перерабатываться в крапп, это облегчило бы перевозку марены, лучше сохранялся бы красящий пигмент. Если на марену упали бы цены в России, то ее после фабричной переработки можно было послать на продажу за границу.

Для Дербентской крапповой фабрики за границей были закуплены голландские машины и наняты опытные мастера. На эти цели Г.Ф. Лемкулю правительство выдало ссуду в 45 тыс. рублей с рассрочкой уплаты на десять лет. Для работы фабрики нужны были дрова, и власти разрешили за 280 руб. в год на льготных условиях пользоваться Карблухским и Зейрухскими лесами[2].

Г.Ф. Лемкуль взял себе в компаньоны генерал-майора И.Г. Колосовского. Он должен был финансировать работу фабрики. Сам Г.Ф. Лемкуль обеспечивал техническую и хозяйственную стороны деятельности предприятия, а также выступал управляющим фабрикой.

Общая сумма стоимости машин, привезенных из Голландии, фабричного оборудования уже после окончания строительства фабрики составляла 82408 рублей[3].

Дербентская крапповая фабрика начала работать в 1863 году. Ежегодно она, согласно взятым обязательством, должна была перерабатывать до 70000 пудов марены. Фабрика благополучно проработала 2 года, а в октябре 1865 г. на ней произошел пожар, в результате которого были испорчены машины. Фабрика стояла без работы год. Убыток, причиненный пожаром, составил 30 тыс. рублей.

---

1. *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 228.
2. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 167. Л. 19.
3. *Губаханова Р.А.* Из истории становления буржуазии в Дагестане. Махачкала, 2003. С. 67.

Крапповую фабрику Г.Ф. Лемкуля преследовали и другие неудачи. Спекулянты маренопромышленники старались посеять недоверие к фабрике среди мареноводов. Кроме того, в течение нескольких лет после начала работы фабрики наблюдалось сильное колебание цен на марену на рынках Нижнего Новгорода и Москвы.

Судьба Дербентской крапповой фабрики, первого промышленного предприятия в Дагестане, оснащенного современной техникой, оказалась неудачной. Трудности, обрушившиеся на фабрику с первых лет ее существования, сломили ее основателя Г.Ф. Лемкуля, и он решил ее продать. Е.И. Козубский сообщает, что в 1870 г. начались переговоры с московским торговым домом сыновей Малютина. «Ввиду этого, – пишет Е.И. Козубский, – дом «Малютин и сыновья» открыл в январе 1871 г. ссудную кассу для мареноводов из 8 % годовых и дал под надлежащее обеспечение 100000 руб. Тогда один из местных торговцев, занимавшийся ссудой денег, объявил для сведения горожан, что он понижает процент на ссуженные им деньги до 10 %, и примеру его, по слухам, были готовы последовать и другие ростовщики, бравшие 24 % годовых»[1]. Так крупные московские торговцы вынудили дербентских ростовщиков более чем вдвое понизить ссудный процент.

Переговоры с домом Малютина были прерваны, поскольку выяснилось, что согласно договору с казной Г.Ф. Лемкуль не имеет права продавать фабрику без разрешения Главного управления наместника. Кроме того, его компаньон И.Г. Колосовский заявил, что поскольку он вложил капитал в фабрику, то он тоже имеет на нее право. Состоялся третейский суд. Он оценил фабрику в 131767 руб., из которых долги казне составляли 45558 руб., а частным лицам — 22750 руб. Фабрика со всем имуществом и долгами была присуждена И.Г. Колосовскому, которого обязали уплатить Г.Ф. Лемкулю 5 тыс. руб. за вознаграждение его трудов.

Таким образом, с 1872 г. хозяином крапповой фабрики в Дербенте стал генерал-лейтенант в отставке И.Г. Колосовский.

Уже в следующем, 1873 г. в Европе был изобретен искусственный краситель ализарин. Краска из марены уступала ему по цене, по живости и красоте. Изобретение ализарина нанесло неповторимый урон мареноводству вообще и крапповой фабрике, в частности. Она работала еще некоторое время, но в августе 1876 г. уже прекратила свою деятельность. В 1877 г. фабрика была брошена со всеми машинами и стала приходить в ветхость.

Так закончило свое недолгое существование первое промышленное предприятие Дагестана — дербентская крапповая фабрика.

---

1. *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 229.

С 1865 по 1875 годы на фабрике было получено около 215 тыс. пудов краппа[1]. За этот же период из Дербента было вывезено марены на 15 млн. рублей[2].

Вторым по времени возникновения крупным предприятием обрабатывающей промышленности Дагестана была хлопчатобумажная фабрика «Каспийская мануфактура», начавшая работать в Петровске в 1899 году. Ее учредителями были московские купцы Решетников и Петрококино. Правление находилось в Москве. Строить текстильную фабрику в Петровске было выгодно по нескольким соображениям. Во-первых, недалеко находились источники сырья для фабрики, т.е. среднеазиатский хлопок; во-вторых, рядом находились источники топлива для фабрики — бакинская нефть; в-третьих, в Петровске был морской порт, через город проходила железная дорога, т.е. пути сообщения, по которым можно было отправить готовую продукцию.

И, наконец, рядом находились рынки сбыта продукции фабрики, это Персия, Средняя Азия и Закавказье. Все это делало выгодным строительство фабрики именно в Петровске. Не надо было возить сырье и топливо в центральные губернии России и затем готовую продукцию вывозить в Персию и т.д. Кроме того, земельный участок, на котором строились корпуса фабрики, принадлежал Решетникову.

Текстильные фабрики центральной России выпускали тонкие сорта тканей, а персидский рынок требовал тканей грубых, прочных и дешевых. Выпускаемые «Каспийской мануфактурой» суровая бязь и грубый миткаль пользовались там большим спросом. Бязь охотно покупали и горцы, привыкшие к домотканой одежде.

«Каспийская мануфактура» была крупнейшей на Кавказе хлопчатобумажной фабрикой. Она была хорошо оборудована машинами новейшего типа, купленными в Англии. В прядильном цехе было установлено 50 кардных машин, 54 прядильных ватера, с общим числом 18200 веретен. В ткацком цехе 528 самоткацких станков приводились в движение электромоторами.

На фабрике работал большой коллектив рабочих. Если на крапповой фабрике в Дербенте в разное время работало от 25 до 50 рабочих, то на «Каспийской мануфактуре» от 400 до 1000 человек.

Рабочий коллектив «Каспийской мануфактуры» был многонациональным. Его составляли русские и представители местных народностей.

Несмотря на сравнительно высокие заработки по сравнению с центральными районами, а также оплату проезда в Дагестан и обратно, русские текстильщики из России не особенно охотно работали в Петровске.

1. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 42. Л. 16.
2. Там же.

Это объяснялось непривычно жарким климатом, малярией, которая свирепствовала в приморских районах Дагестана. Проработав какое-то время на фабрике «Каспийская мануфактура», русские рабочие предпочитали возвращаться на родину. Источники говорят, что в первые годы работы фабрики русские рабочие составляли большинство[1].

Передав свой опыт местным рабочим, они уезжали, и постепенно значительную часть рабочих фабрики составляли представители местных народностей. Это были городские жители, а также крестьяне окрестных селений Тарки, Кяхулай, Кумторкала. Живя в селениях, расположенных вблизи Петровска, они ходили на работу в город, не порывая связей с сельским хозяйством.

Русские рабочие обычно выполняли работы, требующие высокой квалификации, например, в механической мастерской, паровой и котельной, масленщиками, по ремонту оборудования[2]. Дагестанские рабочие чаще работали в прядильном и ткацком цехах, а также на подсобных работах[3].

Рабочий день ткачей продолжался 9 часов. Частыми были сверхурочные работы. Зарплата составляла 15–20 рублей в месяц. Широко была развита штрафная система. Рабочие не имели права покидать рабочее место, иначе у них отбирали вид на жительство.

Правительство проводило политику стимулирования вложения капиталов в производство, и поэтому налоги, уплачиваемые «Каспийской мануфактурой», были невелики. Так, за 1915 год она заплатила всего 10726 руб. налогов и сборов. Из них 7253 рубля составлял налог с недвижимого имущества, 3010 руб. — промысловый налог, 462 руб. — сбор с паровых котлов[4].

Оборот предприятия за 1915 год составил 759306 рублей, т.е. налог составил всего 13 % с оборота[5].

Большая ценная информация о работе фабрики содержится в «Обзоре Дагестанской области за 1902 г.». Первое время после открытия фабрики, для того чтобы научить местное население работе на ней, ее хозяева привезли некоторое количество высококвалифицированных рабочих из промышленных фабричных районов Подмосковья. Выполнив свою миссию, эти рабочие вернулись домой, и к 1902 году их в Дагестане почти не осталось. В состав рабочих «Каспийской мануфактуры» входили жители Петровска из русских, а также местные мусульмане. Плата рабочим составляла от 65 до 70 коп. в день на собственных харчах. Работа на фабрике

1. Обзор Дагестанской области за 1902 год сообщает, что из 795 рабочих 529 были русскими. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 36.
2. ЦГА РД. Ф. 26. Оп. 2. Д. 15. Л. 1-3.
3. Там же.
4. Там же. Д. 13. Лл. 7, 9, 12.
5. Подсчеты % произведены нами (Э.Д.).

была непрерывной, в две смены. Каждая смена работала по 9 часов, о чем мы уже говорили.

Половина работающих на фабрике рабочих жила в казармах при фабрике. Несемейные рабочие жили в 4 казармах, в двух — мужчины, в двух — женщины. В одной мужской казарме жили мусульмане, в другой – православные. Каждая казарма была рассчитана на 60 человек. Для каждого рабочего полагались кровать с постельными принадлежностями, стол и шкаф. При каждой казарме имелись отдельная кухня и столовая[1]. Для семейных рабочих было построено 4 каменных дома с 40 квартирами в них. Каждая квартира состояла из большой в три окна комнаты, небольшой передней и кухни. Для каждой квартиры полагался или чулан или подвал. В отдельном корпусе была устроена баня с двумя отделениями, при бане имелась прачечная. Как отмечается в обзоре, казармы, кухни, столовые и баня содержатся в образцовом порядке[2].

Имелась заводская больница на 25 коек. В здании больницы было три палаты, кабинет врача, аптека, операционный зал, ванная и зал для прогулок выздоравливающих больных. При больнице существовала даже небольшая библиотека.

В отдельном бараке располагалось инфекционное отделение на 4 койки. При больнице были кухня и прачечная[3]. Постоянно при фабричной больнице находились фельдшер и фельдшерица. Поскольку фабрика была построена в нескольких верстах от Петровска, то врач ежедневно приезжал из города.

Для производства на фабрике ремонтных работ была построена механическая мастерская. Станки в мастерской приводились в движение с помощью двух керосиновых моторов мощностью в 12 лошадиных сил.

Таким образом, хлопчатобумажная фабрика «Каспийская мануфактура» была передовым, хорошо организованным промышленным предприятием, продукция которого увеличивалась год от года.

За три предвоенных года выпуск бязи на фабрике возрос с 2846884 м в 1911 г. до 5187672 м в 1913 г., а ваты в тоннах с 39,3 в 1911 г. до 141 в 1913 г.[4], т.е. фабрика развивалась динамично.

С началом Первой мировой войны уровень производства на фабрике постепенно падает. Если выработку продукции в 1913 году принять за 100 %, то в 1917 г. объем произведенной бязи составил всего 30 % от довоенного уровня, а ваты чуть больше 34 %[5].

---

1. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 37.
2. Там же.
3. Там же.
4. *Ольмесов А.Ш.* Органы власти в Дагестане и развитие промышленности. Махачкала, 2001. С. 37.
5. Проценты выведены нами (Э.Д.).

«Каспийская мануфактура» работала не ритмично. На ее работе сказывались экономические кризисы, время от времени охватывавшие экономику развитых стран мира, в также Россию. В годы кризисов закрывались предприятия, происходили массовые увольнения рабочих.

Эти явления не обошли стороной и «Каспийскую мануфактуру». В 1901 году она не работала в течение трех месяцев[1], а в «Обзоре...» за 1907 год указано, что бумагопрядильная фабрика не действовала также и в этом году, «прекратила свою деятельность в начале отчетного года»[2].

Она не работала с 1907 года по 1910 год, т.е. 4 года.

Г.И. Милованов объясняет это тем, что «Каспийская мануфактура» не выдержала конкуренции с английскими товарами и с товарами бакинской фабрики Тагиева на иранском рынке[3].

Начиная с 1909 г., в экономике России постепенно наблюдается оживление, а с 1910 года – заметный подъем. К этому времени хозяином «Каспийской мануфактуры» был уже не Решетников, а фабриканты Кнопп, братья Крафт и Алексеев[4]. Фабрика вновь заработала с 1911 года и с каждым годом наращивала темпы производства.

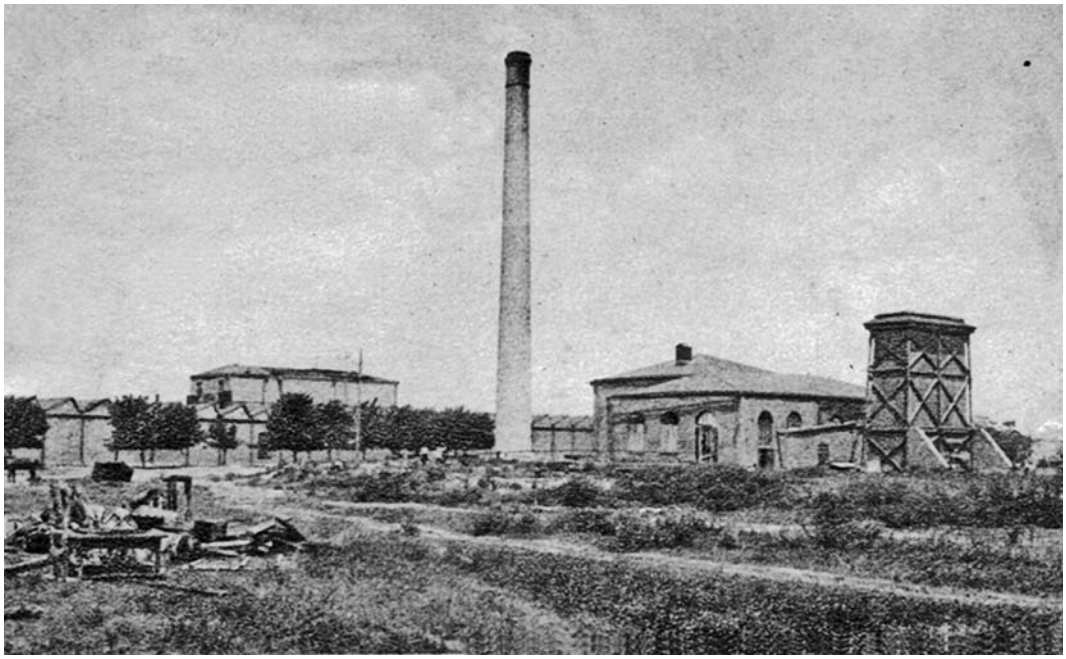
В 1914 г. опять поменялся хозяин фабрики, ее купил бакинский миллионер Г.З. Тагиев, с бакинскими предприятиями которого долгие годы конкурировала «Каспийская мануфактура». Г.З. Тагиев оставался хозяином фабрики вплоть до Октябрьской революции.

Мы уже говорили, что на фабрике широко была распространена система штрафов. Многочисленные штрафы сильно урезали зарплату. Штрафы вычитывались за «халатность», за курение в рабочее время, за «медлительность» в работе, за поломку инструментов, за грубое обращение и «пререкание» с начальством и т.д. Все это вызывало недовольство и протест рабочих в форме забастовок с экономическими требованиями[5].

Первая мировая война тяжело отразилась на экономике Дагестана, в частности, на работе хлопчатобумажной фабрики. Русские квалифицированные рабочие были отправлены на фронт, равноценной замены из местных рабочих им еще не было. В 1915 г. число рабочих на «Каспийской мануфактуре» по сравнению с довоенным 1913 годом сократилось на одну четверть, а в 1916 году наполовину, настолько сократилась и валовая продукция фабрики[6].

---

1. История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 212.
2. Обзоры Дагестанской области за 1907 год. Темир-Хан-Шура, 1908. С. 25 и ведомость № 8.
3. *Милованов Г.И.* Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 30, 31.
4. Там же. С. 31.
5. *Эмиров Н.П.* Революция 1905–1907 гг. в Дагестане // Революция 1905–1907 гг. в Дагестане. Махачкала, 1976. С. 67.
6. История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 280.



Фабрика «Каспийская мануфактура». МИМ

«Каспийская мануфактура» в 1914 году была включена в список заводов и предприятий Дагестанской области, работающих на государственную оборону[1]. Список включал в себя 84 завода и предприятия. В том числе: Петровские агентства … обществ «Кавказ и Меркурий», «Самолет», «Русь», рыбные промыслы Тагиева, «Лобов и сыновья», общества «Рыбак», С.А. Ахундова, М.Р. Авадиева, Я.А. Пирогова, Оганджанова, М.С. Саруханова, И.И. Галанина., Д.С. Мещерекова, Г.О. Петросянца в Петровске и Дербенте[2]. В список предприятий, работающих на оборону, были включены фабрика кинжалов для армии инженера М. Дахадаева, а также мастерские кинжальных частей М.М. Мавраева и К. Гасанова, мастерская по обточке кинжальных клинков для фабрики Дахадаева О.Е. Мусенко. Все перечисленные предприятия находились в Темир-Хан-Шуре[3].

Мы подробно остановились на двух крупнейших фабрично-заводских предприятиях Дагестана в исследуемый нами период. И крапповая фабрика в Дербенте, и текстильная фабрика в Петровске сыграли большую роль в развитии экономики Дагестана. Обе фабрики были оснащены современным импортным оборудованием. В основе обеих фабрик лежал русский капитал. Наряду с крупными предприятиями обрабатывающей

1. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 104. Л. 1.
2. Там же. Л. 1-4.
3. Там же.

промышленности во второй половине XIX — начале XX в. в дагестанских городах были более мелкие предприятия.

К важнейшим отраслям экономики городов Дагестана относились *виноделие и винокурение*. Они существовали в Дагестане еще в дореформенный период. Но промышленная обработка винограда велась примитивным, кустарным способом. По мере развития торгового земледелия начинают возникать все новые предприятия, обрабатывающие сельскохозяйственные продукты.

В 80-е годы XIX в. в Дербенте было создано два виноградно-водочных завода. Это были небольшие предприятия. На одном было 19 рабочих, а на втором — 15 человек. Небольшим был и объем выпускаемой продукции. Первый завод имел годовой доход в 50 тысяч рублей, а второй — в 40 тысяч рублей[1].

Многие операции на этих заводах выполнялись вручную, техника была самой примитивной, дипломированных специалистов на обоих заводах не было. Продукцию этих заводов отправляли в города Закавказья.

В исследуемый период Дербент был признанным центром виноделия и винокурения Дагестана. Если в середине 80-х годов XIX в. в Дербенте было два винокуренных завода, то к концу XIX в. возник еще ряд винокуренных и коньячных заводов. Наряду с этими сравнительно большими предприятиями существовали неусовершенствованные, кустарные, так называемые «огневые» заводы. К концу XIX в. в Дербенте таких заводов насчитывалось 45[2].

С 1 июля 1902 года была введена монополия государства на производство спирта. Это привело к упадку виноделия и винокурения, население Дербента беднело с каждым днем, так как эти отрасли были главным источником его существования. С введением монополии закрылось 40 огневых фруктово-виноградных заводов из существующих 45. В качестве причин этого Е.И. Козубский называет следующие:

1) более не употребляется виноградный спирт при продаже хлебного вина; ухудшается и вино, так как садовладельцы, дабы не пропадал материал, стараются выжимать все соки из винограда, нисколько не сортируя его;

2) нет дохода с питейных заведений, сумма вознаграждения городу от казны не соответствует прежней доходности, хлебный спирт привозится из внутренних губерний, местный же виноградный спирт не имеет сбыта. Ежегодно увозится 80–100 тысяч рублей, которые прежде оставались в городе[3].

---

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 182. Лл. 1-17.
2. История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 194.
3. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 345.

Собрание уполномоченных города Дербента, обсудив этот вопрос, постановило ходатайствовать через губернатора перед наместником об отмене в Дагестанской области монополии, что приведет к развитию винокурения[1].

Важной отраслью обрабатывающей промышленности было виноделие. Начиная с 70-х годов XIX в. важным центром виноделия становится Дербент. По подсчетам Х.Х. Рамазанова, в Дербенте производство вина с 20200 ведер в 1880 году к 1897 году увеличилось более чем в 10 раз и составило 226000 ведер[2].

Гораздо меньше вина производилось в Петровске, в 1897 году оно составило лишь 14621 ведро, а в Темир-Хан-Шуре в том же 1897 году всего 120 ведер вина[3].

Лучшим среди дербентских виноделов считался статский советник Кочергин. Он имел виноградные плантации, сортировал виноград, «производил выделку вина на правильных европейских началах», построил хорошие подвалы и погреба. Его вино пользовалось известностью на Кавказе и в России[4].

В Дербенте преобладали мелкие виноделы, у которых было мало оборотных средств. Они попадали в зависимость от крупных промышленников, которые закупали у них виноградное сусло по самым низким ценам[5].

В начале XX в. выделка вина в Дербенте выглядела следующим образом[6]:

1902 год — 100000 ведер,

1907 год — 450000 ведер,

1911 год — 60520 ведер.

В Петровске вина выработано было меньше[7]:

1902 год — 18250 ведер,

1907 год — 1440 ведер,

1911 год — 1650 ведер.

В Темир-Хан-Шуре вино вырабатывалось в гораздо меньших объемах, чем в Дербенте и Петровске.

К виноделию близко примыкало *пивоварение*.

В 60–80-е годы XIX в. в Темир-Хан-Шуре находилось два пивоваренных завода. Третий завод был построен в 1876 году в Петровске и принадлежал русскому подданному Фельшау. Количество рабочих на пивоваренных

---

1. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 346.
2. *Рамазанов Х.Х.* Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С. 164.
3. Там же.
4. Там же. С. 165, 166.
5. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 128. Лл. 4, 5.
6. Данные взяты из обзоров Дагестанской области за соответствующие годы (Э.Д.).
7. Там же.

Табачная фабрика михайловского кооператива. Открыта в 1887 г. ДГОИАМ

Табачная фабрика Мамедова. Открыта в 1894 г. ДГОИАМ

заводах было невелико и достигало 3–6 человек. Производительность стала расти с 90-х годов XIX в. Если 1891 году объем производства пивзаводов в рублях составлял 39520 рублей, то в 1902 году он достиг суммы 54000 рублей.

Пивзавод в Темир-Хан-Шуре в 1891 г. принадлежал немецкому предпринимателю Г. Франзику. В 1891 г. данным заводом было произведено пива на 7280 руб.[1] Рабочие получали в месяц 10 руб. при продолжительности рабочего дня 12 часов[2]. В 1910 г. пивоваренный завод был куплен А.В. Вейнером, который значительно расширил объем производства пива и довел его до 200 тыс. ведер.

В последней четверти XIX в. в трех городах Дагестана возникли небольшие заводы искусственных минеральных вод, продукция которых реализовывался на местах.

В исследуемый период в городах Дагестана были также *табачные фабрики*. В пореформенный период число фабрик в разные годы колебалось от 1 до 4. Количество рабочих было от 4 до 96 человек на одном предприятии[3].

Впервые табачные фабрики были построены в Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Петровске. Одна из них, самая крупная, действовала с 1886 года в Петровске и принадлежала купцу А.М. Михайлову[4]. В 1902 году здесь было изготовлено 2928 пудов табака и 16 млн. 250 тыс. папирос на 61895 рублей. Товар реализовывался в Дагестанской, Терской, Закаспийской областях, Закавказье, в центральных губерниях России, а также вывозился за границу[5].

Вторая табачная фабрика принадлежала купцу А. Мамедову, в 1902 г. на ней было выработано 1105 тыс. папирос. У Михайлова работало 68 рабочих, а у Мамедова — 50 человек[6].

Среди промышленных предприятий, расположенных в городах, можно назвать и *консервные заводы*, работавшие в Темир-Хан-Шуре. Появление консервной промышленности было связано с проведением по территории Дагестана железной дороги. Дешевое сырье, низкая заработная плата, сравнительно небольшие первоначальные капитальные вложения обеспечивали высокую норму прибыли, вызывали бурный рост консервной промышленности в Дагестане[7].

---

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 182. Л. 17.
2. Там же.
3. *Рамазанов Х.Х.* Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С. 156.
4. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 56. Л. 11.
5. Там же.
6. Там же. Л. 15.
7. *Нахшунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С. 117.

Варка консервов в Темир-Хан-Шуре. МИМ

Количество консервных предприятий в Темир-Хан-Шуре с 8 в 1903 году выросло до 22 в 1913 г. Производительность в рублях выросла с 60 тыс. до 650 тыс., т.е. более чем в 10 раз. Число рабочих, занятых на консервных заводах Темир-Хан-Шуры, с 80 человек увеличилось до 200 в 1911 году[1].

В городах находились также: заведения для охлаждения рыбных товаров астраханского купца К.П. Воробьева (занято 160 человек) в Петровске, паровая мукомольная мельница Мочалова (5 чел.)[2], электростанция в Дербенте и еще ряд других предприятий, носящих промышленный характер.

Большое значение для Дербента имело проведение Петровско-Бакинской ветви Владикавказской железной дороги. Первым, поднявшим в печати вопрос о Бакинской линии, был отставной капитан Любанский, который издал брошюру «Сближение Средней Азии с Европой или проект о железных дорогах между городами Варшавою и Тифлисом и между Черным морем и Каспием» (СПб., 1858 г.). В ней он проектировал железную дорогу от Кизляра через Петровск и Дербент до Баку.

17 мая 1896 г. обществу Владикавказской железной дороги была разрешена постройка и эксплуатация подъездного пути от Петровска до Дербента, а 28 февраля 1897 г. от Дербента до Баку. По указу под строительство железной дороги должны были быть отчуждены городские земли. Уполномоченный дербентского городского собрания Папаев вместе с землемером общества Владикавказской железной дороги Ламановым осмотрел

1. *Нахшунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С. 117.
2. *Губаханова Р.А.* Указ. соч. С. 70, 71.

городские земли, по которым должны была пройти железная дорога. Выступая на собрании городских уполномоченных, он заявил, что по плану железная дорога должна пройти близко к морю. Вокзал с большим количеством рельсовых путей предполагалось построить рядом с южной стеной к югу от нее.

Это могло сильно повредить городскому хозяйству потому, что именно здесь как в самом удобном месте с давних времен находись пристани трех пароходных обществ и производилась погрузка и выгрузка товаров с парусных судов, что требовало большого свободного пространства. Рядом находилась городская рыболовная ватага.

Остальные берега моря в городе были каменными и неудобными для устройства пристаней и для рыбных промыслов.

Таким образом, город мог лишиться доходов от сдачи в аренду рыболовных промыслов, а также могли возникнуть проблемы при отправке грузов морским путем, который был связан с бассейном Волги.

Это повлекло бы за собой сильный упадок в развитии промышленности и торговли, и, как говорил в своем докладе Папаев, существование морского пути тоже крайне необходимо в жизни торговцев и купцов. Он предложил линию железной дороги несколько удалить от морского берега и провести ее выше[1].

Городское собрание согласилось с мнением Папаева и поручило городскому старосте переговорить с главным инженером по сооружению ветвей Владикавказской железной дороги М.С. Кербедзом о переносе линии железной дороги выше с тем, чтобы начиная с участка земли, занимаемого на берегу моря Восточным обществом товарных складов, в направлении на юг на расстоянии 200 саж. в длину оставлена была бы от берега моря полоса шириной в 50 саж.

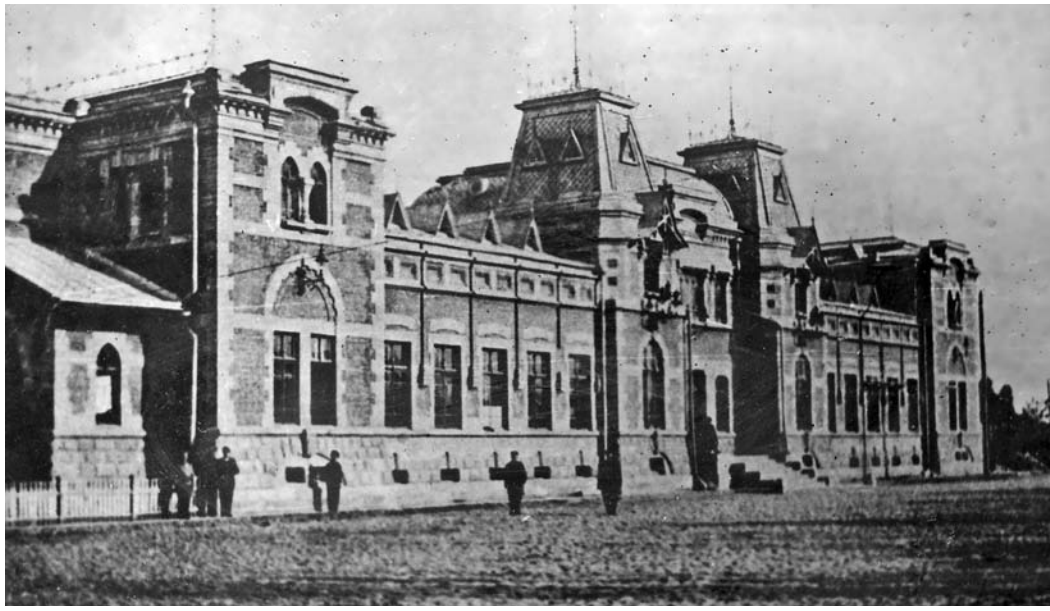
В результате переговоров линия железной дороги была отодвинута местами более чем на 40 саженей от первоначального проекта. Это давало городу возможность сохранить в прежнем виде берег и ежегодный доход до 6000 руб.

Поскольку со стороны железной дороги городу была сделана уступка, городское собрание решило понизить оценку городских земель, идущих под строительство железной дороги.

Сооружение Петровско-Дербентской ветки закончилось к 1898 г. Под строительство железной дороги из владения городского общества был отчужден 21 участок мерой в 23 дес., за которые городу причиталось 2443 руб., сообщает Е.И. Козубский[2].

---

1. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 456.
2. *Там же*. С. 457.



Вокзал в Дербенте. Конец XIX в. МИМ

Высшим кавказским начальством было разрешено произвести для железной дороги два пролома в городских стенах, между которыми полоса отчуждения 15 саж., а южнее стены, где расположена станция, до 100 саж.

Отчуждение земель под железную дорогу привело к уменьшению огородничества в Дербенте.

Открытие движения по новой железной дороге состоялось 25 октября 1898 г. и оно было обставлено пышно и торжественно. Играл оркестр, собралось много горожан, были почетные гости. В городском общественном собрании был дан обед на 150 персон, в число которых входили хозяева-строители и гости.

К числу промышленных предприятий относились мельницы. Самой крупной и современной была паровая мельница купца М. Саруханова в Дербенте. Она начала работать в 1913 г.

Заметное место в экономике двух приморских городов — Петровска и Дербента играла *рыбная промышленность*. Владельцами рыбных промыслов были русские промышленники. Самым крупным из них был астраханский купец К.П. Воробьев. Из-за упадка сельдяного промысла на Волге в 80-е годы XIX в. он взял в аренду на 12 лет у шамхала тарковского принадлежавшие ему рыболовные воды в районе города Петровска. К.П. Воробьев организовал на своих рыбных промыслах лов сельди в море закидными неводами и ее промышленную обработку, а также промысел красной рыбы. Для хранения рыбы в 1895 г. в Петровске он построил

холодильник «Заморозку», а также бондарный завод. На его рыбных промыслах, предприятиях работало несколько сот рабочих. Это были жители Петровска, а также квалифицированные рабочие — рыбаки, преимущественно из Поволжья — губерний Саратовской, Астраханской и Самарской.

Проведение через Дагестан Владикавказской железной дороги дало толчок развитию рыболовства. Газета «Россия» отмечала, что «с проведением Баку-Петровской линии, этот край (Дагестан. – *Э.Д.*) приобретает высокую ценность. Прилив предпринимательской инициативы наблюдается с каждым днем»[1].

Так, в газете «Казбек» в том же 1900 году отмечалось, что «в пределах дербентского участка и по соседству с ним быстро развивается рыбный промысел … и на берегу Каспийского моря насчитывается до 30 крупных ватаг, изготовляющих каждая от 20 до 150 чанов ежегодно только одной селедки, не считая заготовления икры и улова красной рыбы, кутума, сазанов, шамейки и т.п. Вместе с развитием этого дела увеличивается и наплыв привозимых рыбопромышленниками из России рабочих и особенно весной, когда производится улов рыбы и засол ее»[2].

Рабочие получали от 8 до 15 руб. в месяц, что при возрастающей дороговизне жизни хватало «на кусок насущного хлеба и кой-какую одежонку»[3].

Рыбная промышленность давала хорошие доходы. Один чан засоленной селедки продавали от 250 до 300 руб.[4], не говоря о более дорогих породах рыб. Если в 1898 г. в Дагестане было 38 рыбных промыслов, то в 1901 г. их стало 68, причем новые промыслы были лучше оснащены технически и имели хорошие рыбосольные помещения. Рос улов рыбы: с 1893 по 1902 гг. добыча сельди увеличилась в 42 раза[5].

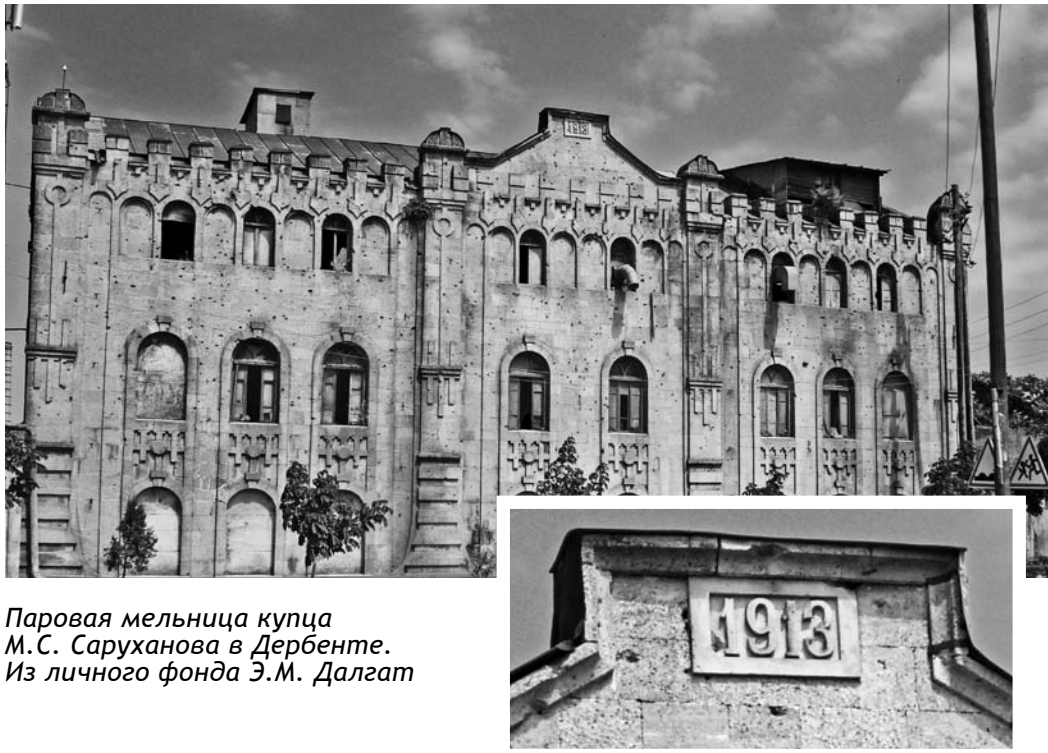
И.А. Бородин писал, что «весь юг России питается уже петровской и дербентской сельдью морского лова»[6].

В 1899 г. из Дербента и Петровска было вывезено икры и рыбы в свежем, соленом и в копченом виде 414439 пудов[7], а вывоз рыбной продукции по железной дороге за 7 лет возрос в 16 раз (в 1895 г. — 128 пуд., а в 1902 г. — 2161 пуд.)[8].

Петровск превратился в крупный центр рыбной промышленности. В начале XX в. здесь было создано монополистическое рыбопромышленное

---

1. Россия, № 9, 4 октября 1900 г.
2. Казбек. 3 октября 1900 г.
3. Там же.
4. Там же.
5. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 301.
6. См.: *Рамазанов Х.Х.* Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С. 180.
7. *Мансурова А.Г.* Промышленность Дагестана во второй половине XIX — начале XX в. Махачкала, 2006. С. 117.
8. Там же.



Паровая мельница купца М.С. Саруханова в Дербенте. Из личного фонда Э.М. Далгат

объединение «Г.З. Тагиев и компания», директором которой стал родственник бакинского миллионера Г.З. Тагиева дербентский купец Гамдулла Абдуллаев. Все петровские промыслы, ранее находившиеся в ведении фирмы «Наследники К.П. Воробьева», оказались в руках фирмы «Г.З. Тагиев и компания»[1].

Если северные промыслы в районе города Петровск были в руках Г.З. Тагиева, то южные промыслы в районе Дербента были сосредоточены в руках крупного монополистического рыбопромышленного объединения «Рыбак», созданного в 1913 г. и принадлежавшего дому «Е.И. Лобов и сыновья»[2].

Таким образом, рыбная промышленность стала в конце XIX — начале XX в. важной отраслью экономики приморских городов Дагестана.

1. *Мансурова А.Г.* Промышленность Дагестана во второй половине XIX — начале XX в. Махачкала, 2006. С. 126.
2. ЦГА РД. Ф. 112. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

§ 2. Города как центры торговли

В экономике городов Дагестанской области важное место занимала торговля. Дербент на протяжении многих веков был крупным торгово-ремесленным центром на Кавказе. Молодые города Петровск и Темир-Хан-Шура по мере развития тоже превратились в торговые центры области.

Все три города способствовали развитию внутридагестанской торговли и стали ее центрами. Дербент и Петровск, как приморские города, и особенно после проведения через них железной дороги, играли важную роль в международной транзитной торговле России с Персией, Закавказьем и Средней Азией.

В каждом из городов области существовали еженедельные базары, работавшие в воскресные дни. В 1871 г. с разрешения наместника Кавказа в Темир-Хан-Шуре были учреждены 2 ярмарки: одна с 20 мая, а другая с 20 октября. Каждая из них работала две недели[1].

В отчете за 1871 г. начальник Дагестанской области сообщал наместнику Кавказа, что учрежденные ярмарки незначительны[2]. Главный оборот торговли в области, отмечал он, составляет вывоз на внутренние рынки России марены и краппа, ввоз заключается в товарах фабричной и заводской производительности[3].

В рассматриваемый нами период, по мере ускорения процесса вовлечения Дагестана в экономическую систему России, торговля развивалась. Усиливалось проникновение на дагестанский рынок российских товаров, год от года увеличивались торговые обороты.

Рыночная торговля в городах не всегда была сосредоточена в одном месте. Е.И. Козубский сообщает, что в старые ханские времена в Дербенте базар был разбросан по разным частям города. Живность разносилась по городу, саман, сено продавались не в одном месте, дрова продавались даже на Церковной площади. Для удобства горожан градоначальник предложил выбрать за Кубинскими воротами площадь для сосредоточения торговли сельскими и городскими товарами и базарным днем выбрать воскресенье[4]. Откупщику городской весовой статьи было приказано на месте нового базара устроить весы с крышей над ними и иметь над нею зеленый флаг, который ежедневно до 12 часов дня всегда должен быть поднят, а после 12 часов опускаем, как сигнал разрешения оптовой закупки продуктов[5].

---

1. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 88. Л. 38; Кавказ, № 78, 7 июля 1871 г.
2. Центральный исторический архив Грузии (далее ЦИА Грузии). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2182. Л. 9.
3. Там же.
4. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 287.
5. Там же.

15 ноября 1868 г. за Кубинскими воротами был открыт новый базар, и в скором времени на нем было выстроено 163 лавки, из них каменных 9, из сырцового кирпича и деревянных 146. Местом рынка скота ... были почти пустые Дубары[1]. Позже в Дербенте было 2 специальных рынка скота. Торговля скотом и мясом приносила крестьянам большие доходы[2].

Дербент являлся торгово-промышленным центром Южного Дагестана, и его рынок привлекал население десятков селений лезгин, табасаранцев, даргинцев. Источник 80-х годов XIX в. отмечал, что на дербентский базар «наезжают из ближайших селений, из Кюринского, Самурского, Кайтаго-Табасаранского, Даргинского и других районов крестьяне с хлебом, мясом, маслом, табаком, фруктами, изюмом, гранатами, орехами, рисом и другими сельскими продуктами»[3].

Продав на рынке привезенную продукцию, крестьяне покупали изделия городских мастеров — обувь, одежду, пилы, косы, топоры, а также ткани, ювелирные изделия и т.д.

Для ночлега и отдыха крестьян, приехавших на базар на арбах, полиция в Дербенте отвела особое место, где аробщики могли останавливаться бесплатно. С тех же, кто останавливался в других пустующих городских местах, взималась плата в 5 коп. с каждой арбы с парой быков и буйволов[4].

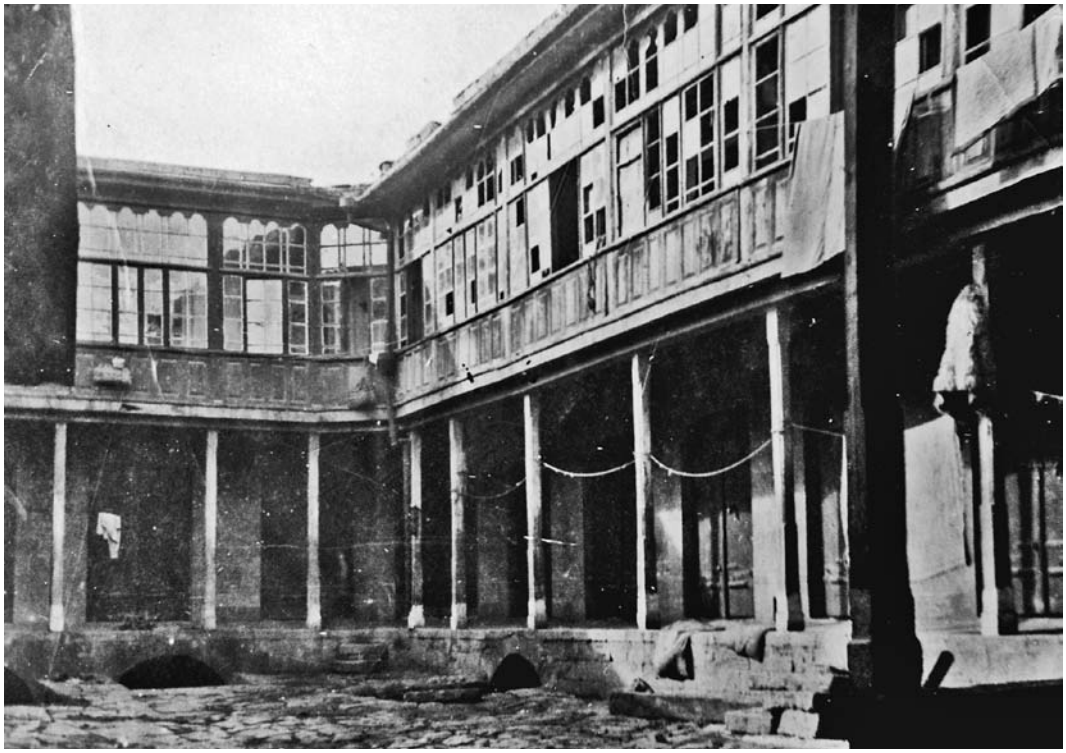
В середине XIX в. И.С. Костемеревский писал, что «базары в Петровском еще слабо принимаются». Он объяснял это соперничеством соседнего селения Тарки, куда горские евреи, проживающие там, притягивали всю торговлю населения окрестных сел[5]. Но по мере роста и развития Петровска ситуация изменилась. В конце XIX — начале XX в. в Петровске было несколько рынков. Один был расположен рядом с собором Александра Невского (ныне площадь Ленина), второй рынок находился в приморской части города (там, где сейчас расположен Аварский театр) и третий рынок в начале нынешней улицы Г. Гамидова, где в советский период находился первый рынок.

Рынки были богатыми и различались ассортиментом товаров. Так, на первом рынке в основном шла оптовая торговля. Здесь продавали лес, мешки с пшеницей, овсом, ячменем и т.д.

На рынке в приморской части города, вспоминают старожилы, персы продавали зелень — спаржу, лук-латук, шпинат, а также дорогие фрукты. Яблоки привозили в сапетках в соломе на арбах, борта которых были плетенные из прутьев[6].

---

1. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 287.
2. Там же.
3. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 7. Л. 34.
4. *Козубский Е.И.* Указ. раб. С. 287.
5. *Костемеревский И.С.* Петровское // Кавказ. № 72. 1856.
6. Информатор — Далгат Уздият Башировна.



Караван-сарай в Дербенте. МИМ

Другой рынок был расположен около собора Александра Невского (ныне площадь Ленина). На нем продавали молоко и молочные изделия русские, жившие на Молочном хуторе. Так называли район города в начале горки Анжи-арка (ныне улица Левина и Краснофлотская). Хуторяне держали породистых немецких коров, молоко которых охотно покупали петровские жители. Здесь же продавали животноводческую продукцию жители окрестных селений, а также крестьяне селения Губден[1].

Активно развивалась рыночная торговля в Темир-Хан-Шуре. В конце 50-х годов XIX в., еще до обретения ею статуса города, И.С. Костемеревский отметил, что «укрепление Темир-Хан-Шуры, кроме своего военного и административного значения, приобретает мало-помалу торговую важность. Во внутреннем своем быту она имеет все приемы деятельного города»[2]. Он писал, что «в воскресные дни на базар в Темир-Хан-Шуру собираются жители из окрестных аулов с сельскими произведениями от 500 до 1000 человек обоего пола»[3].

1. Она же.
2. *Костемеревский И.С.* Темир-Хан-Шура // Кавказ. № 5. 1858.
3. Там же.

Мужчины приезжали на конях, вооруженные, нарядные. Женщины обычно сидели на арбах или шли отдельными группами. Все спешили на базар как на праздник. Действительно, по воскресеньям Темир-Хан-Шура принимала праздничный вид. Большая квадратная Базарная площадь заполнялась русскими и горцами из разных округов. Русские девушки и женщины продавали белый хлеб, булки, лепешки, квас. В Темир-Хан-Шуре их покупателями были солдаты местного гарнизона. Горцы продавали на базаре овец, коров, лошадей, оружие, тулупы, полушубки, сукно, произведения сельского хозяйства[1], в том числе мед, собранный в Темир-Хан-Шуринском, Аварском и Андийском округах[2]. Крестьяне на городские рынки привозили изделия кустарных промыслов: ковры, паласы, бурки, изделия из дерева, керамику.

«Продукты огородничества, – пишет А.Г. Мансурова, – занимали видное место на рынках Темир-Хан-Шуры и Дербента. Здесь круглый год имелись в продаже свежие овощи. Излишек овощей из Шуры и Дербента вывозили для реализации в Петровск»[3].

В свою очередь крестьяне покупали в Темир-Хан-Шуре строительный лес, железо, медь, нефтяные и химические продукты, фабричные сельскохозяйственные орудия.

Города выполняли роль распределителей товаров по округам области. «Из Темир-Хан-Шуры, – пишет Р.А. Губаханова, – купцы возили свой товар по отдельным аулам и в военные гарнизоны. 70 торговых фирм и агентств от различных товариществ были заняты переброской товаров всех видов во все участки Дагестана»[4].

Помимо базаров торговля в городах осуществлялась в магазинах и лавках.

Купцы, торговцы появились в Петровском и Темир-Хан-Шуре задолго до получения ими статуса городов.

Вот как описывает И.С. Костемеревский деятельность русского купечества: «Петровское, с открытием навигации, ежегодно оживляется огромным приливом народа, и с моря и с материка. С половины марта в рейды начинают прибывать сперва небольшие суда, так называемые кусовые. На них привозятся из Астрахани мелкими торговцами небольшие партии пшеничной муки — товар, всегда имеющий хороший сбыт в Дагестане, а около праздника Пасхи, раскупающийся нарасхват. Потом, около первых чисел апреля, прибывает почтовый пароход и караван судов с казенным

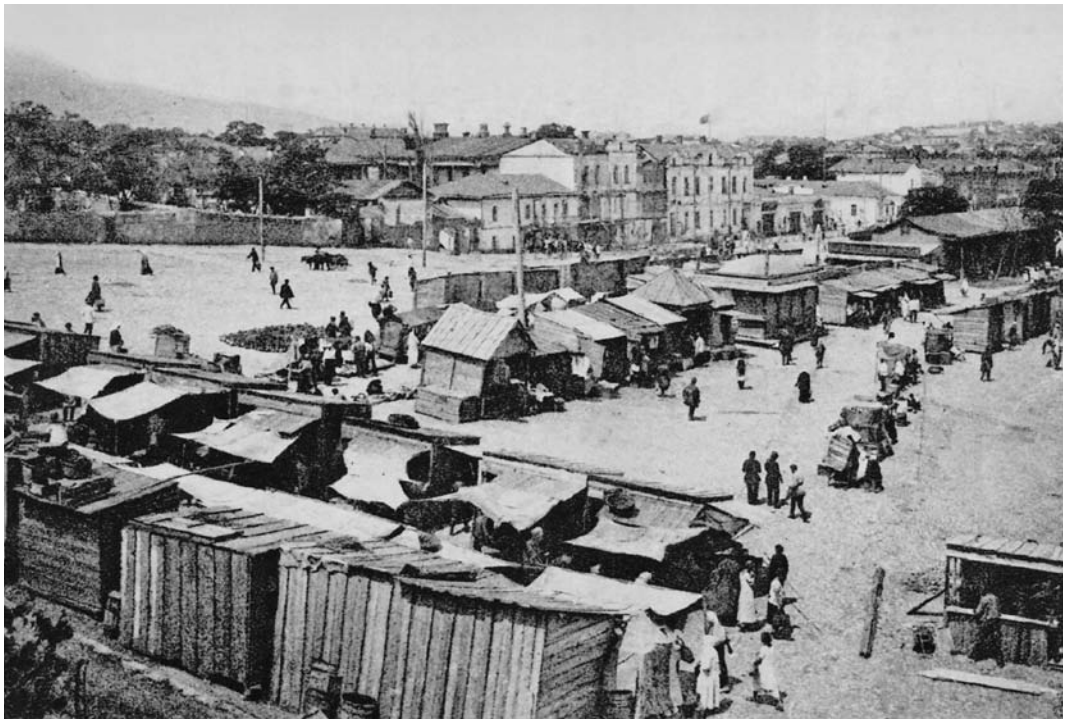
1. *Мансурова А.Г.* Городские рынки Дагестанской области во второй половине XIX — начале XX в. // Исследования по истории Дагестана. Махачкала, 2004.

2. Центральный государственный исторический архив Азербайджанской республики. Ф. 22. Оп. 1. Д. 211.

3. *Мансурова А.Г.* Указ. раб. С. 148.

4. *Губаханова Р.А.* Предпринимательство в Дагестане (1860–1917 гг.). Торговый капитал. Махачкала, 2006. С. 102.

Базар в Петровске (ныне бульвар перед Аварским театром). МИМ



Базар в Петровске. МИМ

провиантом. Вслед за тем начинает наполняться и коммерческий рейд купеческими судами с пшеничной мукой, овсом, ячменем, лесом и другими товарами. Суда, сдавшие груз в Петровском, немедленно идут большей частью порожняком за новым грузом или прямо в Астрахань, или заходят в Дербент за мареною. Некоторые же суда получают грузы и в самом Петровском»...[1] Что это были за грузы? И.С. Костемеревский пишет: «Партии марены соседних таркинцев, партии грецких орехов, яблок, груш карабудахкентцев, невыделанная кожа и сало ежегодно отправляются в Астрахань на отходящих туда за новыми грузами судах, где и сбываются с выгодою»[2]. Автор статьи, написанной в 1856 году, надеется, что «в дальнейшем из Дагестана будут вывозить шерсть, шелк, виноградные вина, масло, сыр, мед, овчины и, может быть, каменный уголь, серу, нефть, прииски которых в Дагестане встречаются в нескольких местах»[3]. Надежды И.С. Костемеревского оправдались, о чем скажем позже.

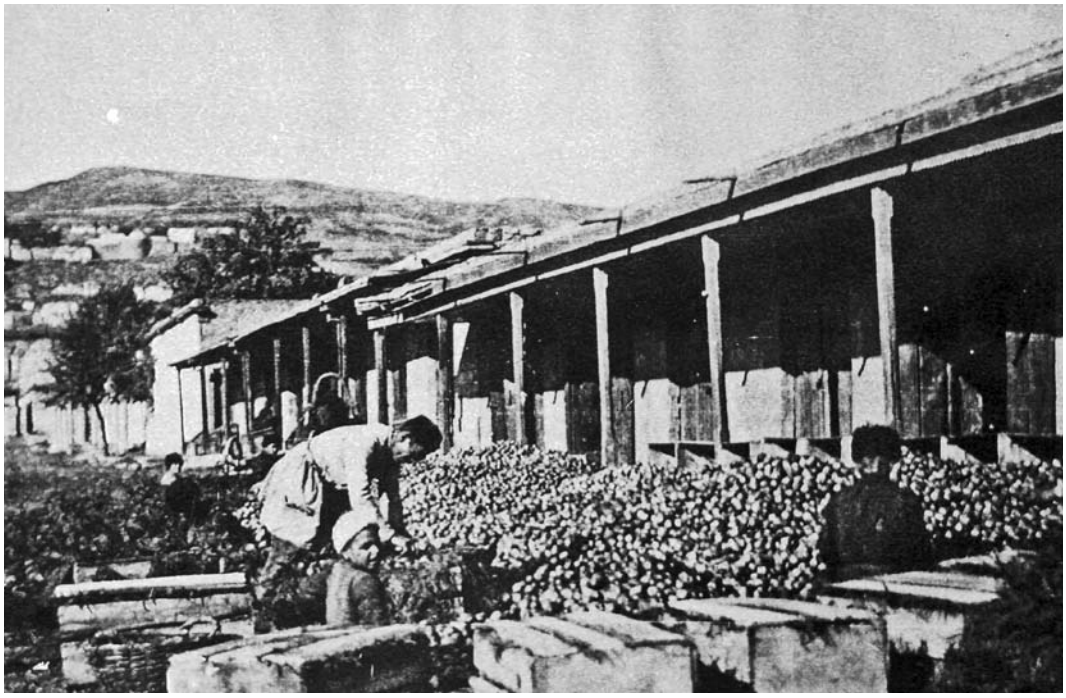
Торговля в городах, кроме базаров, осуществлялась в мануфактурных, галантерейных, бакалейных магазинах и лавках, в заведениях системы общественного питания, табачных лавках, оптовых складах пива.

Молодые, только формирующиеся города Дагестанской области, в частности Петровск, были привлекательными для торговцев из других губерний Российской империи. В статье «Петровское», опубликованной в нескольких номерах газеты «Кавказа» за 1856 год, И.С. Костемеревский пишет, что «многие торговые люди из астраханского городового сословия, некоторые из сарапетских и приволжских колонистов и русские из верховых городов посещают Петровское по торговым делам и изъявили всю свою готовность приписаться к нему, особенно, если Петровское будет возведено на степень города»[4]. «Несколько предприимчивых армян, – отмечает И.С. Костемеревский, — астраханских мещан, завели мелочную торговлю в возникающем поселении. Два коммерческих дома астраханских капиталистов и один саратовский выслали в Петровское своих агентов, построили магазины и положили первые основания морской торговле между Петровском и Астраханью. С тех пор «царица» Каспия, Петербург Азиатский, — Астрахань, стала ежегодно высылать свои флоты на рейды Петровского»[5].

Для занятий торговлей требовалось получить документы, дающие на это право. Существовали льготные торговые свидетельства, другие — следовало выкупить[6].

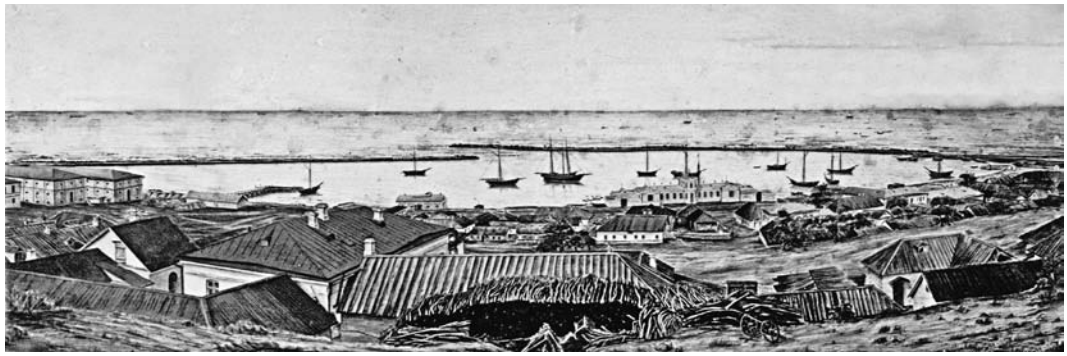
---

1. *Костемеревский И.С.* Петровское // Кавказ. № 72. 1856.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 93. Л. 111.

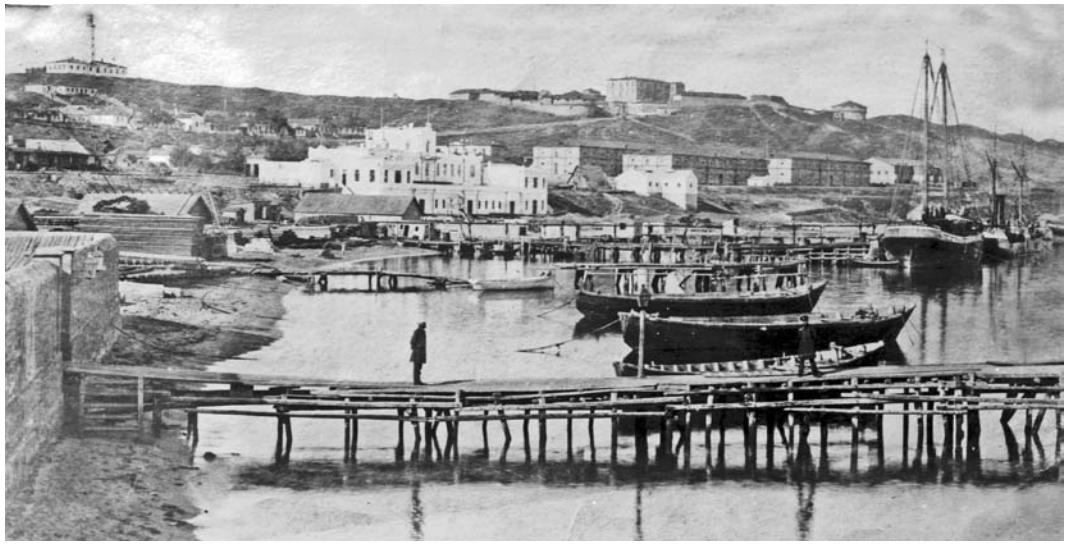


Тахта-базар в Дербенте, упаковка яблок. МИМ

Загрузка и отправка фруктов из Дербента. МИМ



Порт в Петровске. Середина XIX в. ДГОИАМ



Порт в Петровске. Конец XIX в. ДГОИАМ

Торговые свидетельства были разных разрядов: на мелочный торг, на лавочный торг, купеческий торг. Документы выдавались на разные сроки: полгода, год. Каждый год следовало снова покупать торговое свидетельство.

В 70-е годы XIX в., как следует из рапорта старшего чиновника особых поручений Бакинской казенной палаты, «оптовой торговли ни в один из названных городов (Дербент, Темир-Хан-Шура, Петровск. — *Д.Э.*) ничем не производится, исключая питей, а торговля идет преимущественно розничная и раздробительная»[1].

В журналах генеральных проверок торговых и промышленных заведений в городах Дагестанской области за 1876–1878 гг. содержатся данные о

1. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 93. Л. 110.

торговых заведениях, чем они торговали, кто были хозяевами, откуда они приехали[1].

По нашим подсчетам, сделанным по этому источнику, в 70-е годы в Темир-Хан-Шуре имелось следующее количество торговых заведений: магазинов — 6, лавок — 136, духанов — 36, трактиров — 3, харчевен — 6, ренсковых погребов — 3, чайных — 3, кондитерских — 1, складов для оптовой продажи крепких напитков — 5[2].

Удивляет большое количество лавок и духанов для небольшого города, каким была Темир-Хан-Шура в 70-е годы XIX в.

В Темир-Хан-Шуре, а также в Петровске и Дербенте имелись склады товарищества Жигулевского пивоваренного завода А. Вокано и К°. Сами заводы по производству пива находились в Самаре и Баку, а склады в разных городах страны[3].

В магазинах и лавках торговали мануфактурным, галантерейным, бакалейным, колониальным товаром. Некоторые лавки торговали табаком, скобяным товаром, были «мелочные лавки», где торговали разной мелочью, необходимой в хозяйстве.

Владельцами торговых заведений были жители Темир-Хан-Шуры и приезжие. Из шести магазинов города три принадлежали темир-хан-шуринским торговцам. У купца 1-гильдии Вясенцова Марко Осиповича было два магазина, а один — у Самойлова Самуила. Два магазина принадлежали петровскому второй гильдии купцу Попову Ивану Афанасьеву, а шестой магазин был у ордубадского жителя Каримова Мирзы Абдулы[4].

Среди лавочников, помимо темир-хан-шуринцев, были жители Тифлиса, Астрахани, Шуши, Кизляра, Петровска, Рязанской губернии, Маджалиса, Буйнакса, Шемахи, Халимбекаула, Казикумуха, Эривана, Казанища, Ахалциха, Саратова, Дербента, Моздока, Нахичевани, Кутаиси, селения Гели, Одургети, а также Турции, Германии, Персии и т.д. Больше всего лавок было у шемахинцев и персидско-подданных жителей Темир-Хан-Шуры[5].

Обращает на себя внимание, что еще в 70-е годы XIX в. владельцами лавок в городе являлись и сельские жители из Маджалиса, Казикумуха, Гелли, Халимбекаула, Казанища, Бойнака. Таким образом, уже тогда местное население активно участвовало в хозяйственной жизни города. Хозяевами всех трех темир-хан-шуринских чайных были персидско-подданные.

---

1. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 93. Л. 116-128. Журналы генеральных проверок торговых и промышленных заведений в городах Дагестанской области.
2. Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 93. Л. 116-128.
3. Рекламный проспект товарищества Жигулевского пивоваренного завода А. Вокано и К°.
4. Там же. Л. 116.
5. Там же. Л. 116-128.

Одна городская кондитерская принадлежала германскому подданному Карло Готаруа[1]. Единственная темир-хан-шуринская «вольная» аптека принадлежала провизору Фрезе[2].

В 1909 г. в Темир-Хан-Шуре существовали следующие торгово-промышленные заведения для приготовления и продажи пищевых продуктов и напитков: 8 хлебопекарен (в том числе 2 кондитерских, 5 пурен и 1 лавашная), 7 мясных лавок, 9 харчевен, 7 чайных, 21 консервная фабрика, 1 пивоваренный завод с приспособлениями для приготовления зельтерской воды и лимонада[3]. Консервные фабрики, указанные в статье, представляли собой кустарное производство, когда компоты, пюре и консервы из овощей готовились силами членов семьи, без наемных рабочих, во дворе собственного дома[4].

Этнический состав хозяев заведений общественного питания — трактиров, духанов, харчевен был пестрым. Это и шемахинцы, персидско-подданные, жители Тифлиса, Эривана и т.д.[5]

Активному развитию торговли способствовало несколько факторов: выгодное географическое положение Темир-Хан-Шуры, статус административного центра области, в котором были чиновники, служащие, большое число военных, расквартированных в городе. Представители дагестанской феодальной знати, в том числе бывшие феодальные владетели, лишенные политической власти, тоже предпочитали селиться в областном центре.

Положение изменилось с 90-х годов XIX в. после того, как через два других города области – Петровск и Дербент – прошла железная дорога, а Темир-Хан-Шура осталась в стороне, и это отразилось на ее социально-экономическом развитии.

Другой причиной падения торговли в Темир-Хан-Шуре была конкуренция больших базаров в Кумухе, Казанищах и Нижнем Дженгутае. «Разрастающиеся новые рынки, — отмечалось в газетной заметке, – подорвали дела торговцев с горцами, перенесшими склады товаров в сказанные селения и с большими успехами сбывающими свои произведения приезжим покупателям»[6].

Пытаясь исправить ситуацию, темир-хан-шуринские торговцы Макар Караогланов, Мамед Али Асадов и другие в 1903 г. обратились к военному губернатору Дагестана с просьбой закрыть рынок в Нижнем Дженгутае, поскольку из-за него падает торговля в Темир-Хан-Шуре[7]. Но он отказался

1. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 93. Л. 116 об.
2. Там же.
3. Очерк санитарного состояния Темир-Хан-Шуры и мер, необходимых для оздоровления города // Дагестанские областные ведомости. № 10. Апрель, 1909 г.
4. Там же.
5. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 93. Л. 116-128.
6. Каспий. № 127. 21 октября, 1903 г.
7. Центральный исторический архив Грузии (далее ЦИА Грузии). Ф. 12. Оп. 6. Д. 972. Л. 2.

это сделать, мотивируя тем, что этот рынок, существующий около 20 лет, имеет громадное значение для 30-тысячного населения окружающих селений. По мнению губернатора, падение торговли в Темир-Хан-Шуре объясняется также тем, что 7-8 лет назад из города была выведена большая часть войск, что сильно уменьшило число городских потребителей[1].

Застою торговли в Темир-Хан-Шуре способствовало отсутствие фабрик и заводов и в самом городе, и в его окрестностях. Не было также ярмарок, помогающих оживить торговлю и промышленность.

Предметами торговли в Темир-Хан-Шуре служила главным образом продукция российских фабрик и заводов. Это были товары скобяные, мануфактурные, бакалейные, парфюмерные, железо, строительный лес, виноградное вино, спиртные напитки, пиво и т.д.[2]

Активно развивалась торговля в Петровске. В конце 70-х годов XIX в. в городе было много торговых заведений, в том числе 88 лавок, 6 магазинов[3]. Их владельцами были петровские жители, а также приехавшие из других городов Дагестанской области, Кавказа, персидско-подданные, граждане Турции. В них шла торговля мануфактурой, галантереей, колониальным товаром, медной и фаянсовой посудой, мукой, рисом, сахаром, табаком, канцелярскими принадлежностями, скобяным товаром и т.д.[4]

В Петровске была развитая система общественного питания. Здесь работали: 31 духан, 6 трактиров, 7 ренсковых погребов, 2 винных погреба, 1 харчевня, 5 пурен (заведения, где пекли и продавали хлеб), 1 булочная, 5 кебавных (заведения, где делали и продавали восточное мясное блюдо — кебабы), 2 пивных[5]. При Благородном собрании работал буфет, который содержал пензенский крестьянин Ибадий Лякин[6].

В Петровске в конце 70-х годов XIX в. существовала одна аптека, хозяином которой, как и в Темир-Хан-Шуре, был провизор Константин Антонович Фрозе[7].

Хозяевами кебавных были перс и азербайджанцы[8]. Хлеб в пурнях для жителей Петровска пекли два турка, перс, азербайджанец и армянин. Из 6 трактиров города три содержали петровские жители, хозяином одного был перс, другого — житель Тифлиса[9].

---

1. Там же.
2. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 93. Л. 116-128.
3. Там же. Д. 177. Журнал генеральной проверки торговых и промышленных заведений гор. Петровска за 1879 г.
4. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 177. Л. 47.
5. Там же.
6. Там же. Л. 41.
7. Там же. Л. 23.
8. Там же. Л. 3-41.
9. Там же.

Отъезд военного губернатора Дагестанской области кн. Чавчавадзе 16 сентября 1895 г. из Петровска. ДГОИАМ

Владельцами 6 магазинов в Петровске являлись два жителя самого города, три темир-хан-шуринца и один житель города Шуша[1].

Примерно треть петровских духанов содержали местные горожане, хозяевами остальных преимущественно были жители грузинских и азербайджанских городов. Среди них был и житель города Сигнах в Карабахе.

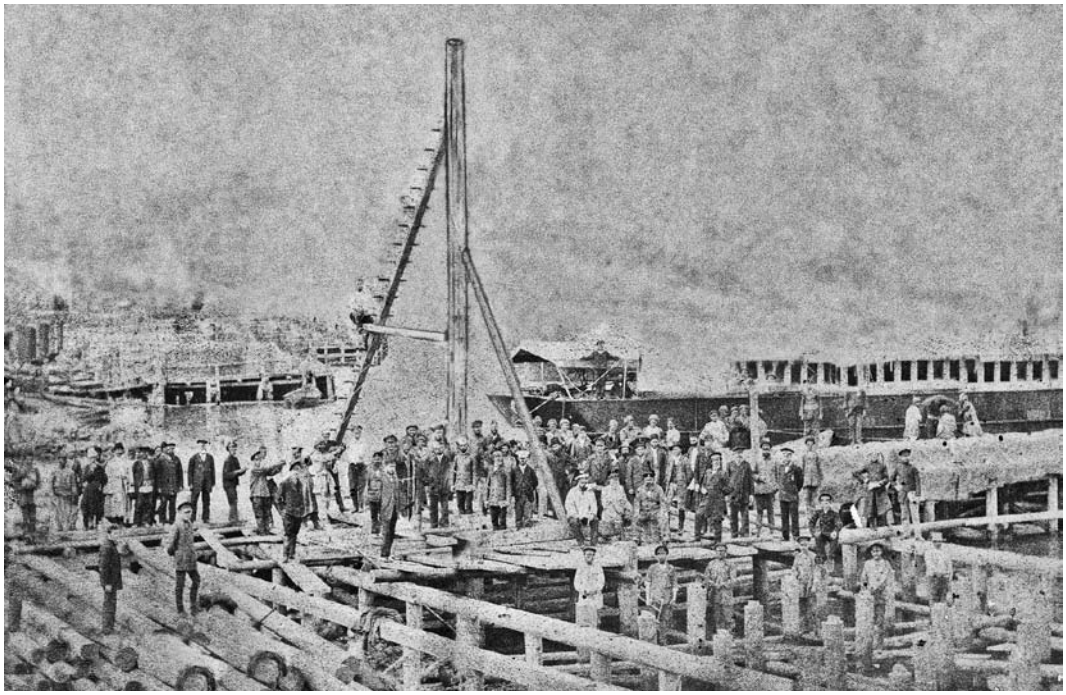
Ярко выраженной специализации по этническому признаку в торговых занятиях жителей Петровска в 70-е годы XIX в. не было.

Широкое развитие в городах области получила питейная торговля. Заведений, торговавших спиртными напитками, особенно много было на центральных улицах городов. Так, в Петровске в начале XX в. на центральной улице Барятинской горячительные напитки можно было купить в двух ренсковых погребах, а также в буфетах гостиниц «Маркс» и «Европа».

Во внутридагестанской торговле среди городов области ведущую роль играла Темир-Хан-Шура, расположенная на пересечении дорог, ведущих из равнинной части Дагестана в его горные районы.

Петровск и Дербент, благодаря морским портам и железной дороге, превратились в передовые пункты оживленной транзитной, международной торговли России с Закавказьем, Средней Азией и с Персией.

1. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 177. Л. 3-41.



Порт в Петровске. МИМ

Наличие порта способствовало превращению Петровска в крупный торговый центр на Каспийском море.

Пароходы и небольшие суда курсировали между Астраханью и Петровским с марта по декабрь месяцы. Казенный провиант из Астрахани на коммерческий рейд петровского порта привозили до 100 судов разной величины. И.С. Костемеревский отмечает, что хозяевами большей части судов были бакинцы[1].

О значении Петровска в торговле, в том числе международной, свидетельствует учреждение в нем в 1872 г. персидского вице-консульства. На эту должность был назначен популярный в народе Мирза Али Экбер Бек[2].

Персидский посол, обосновывая необходимость открытия вице-консульства, отмечал, что «распространение торговли Персии с Кавказом и внутри России идет по направлению через Петровск»[3].

Строительство железной дороги ускорило процесс включения Дагестана в общероссийскую экономическую систему.

В обзорах Дагестанской области отмечается, что привоз разных товаров в область и вывоз из нее производятся главным образом через города

1. *Костемеревский И.С.* Петровское // Кавказ. № 72. 1856.
2. ЦИА Грузии. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1828. Л. 1.
3. Там же.

Дербент и Петровск[1]. Товары поступают в города сухопутным путем по железной дороге и морским путем на пароходах.

Перевозкой грузов по Каспийскому морю занимались торгово-транспортные акционерные компании, среди которых ведущее место принадлежало транспортному обществу «Кавказ и Меркурий»[2].

Помимо этого общества перевозку грузов, количество которых росло с каждым днем, осуществляли молодые торгово-транспортные объединения «Надежда», «Самолет», «Русь», «Куринско-Каспийское пароходное общество», «Пароходство Муссы Нагиева» и др.[3]

Год от года росло количество судов, посещавших приморские города Дагестана. Это были военные и торговые корабли, причем количество торговых судов многократно превышало число военных кораблей. Обзоры Дагестанской области дают возможность проследить, как изменялось количество кораблей, посещавших портовые города Дагестана.

К сожалению, интересующие нас сведения публиковались не ежегодно.

Таблица 16[4]
Количество кораблей, посетивших Петровский порт

Суда	1902 г.	1906 г.	1907 г.	1913 г
Военные	2	-	-	-
Торговые паровые	1104	-	996	1456
Парусные и баржи	163	-	183	123
Итого:	1274	1414	1179	1575

Как следует из материалов таблицы, налицо тенденция к увеличению общего числа судов, посещавших Порт-Петровск. За 11 лет количество судов увеличилось на 20 %.

Причем количество парусных судов уменьшилось, а количество паровых судов выросло на 31 %. Обзоры за 1906, 1907 и 1913 гг. не фиксируют посещения Петровска военными судами, указаны только торговые корабли, что свидетельствует о том, что Петровск из военной базы превратился в один из оживленных пунктов морской торговли.

В Обзоре за 1902 г. даны сведения о принадлежности 1274 посетивших Петровск судов. «Эти суда принадлежали, – говорится в Обзоре, – преимущественно пароходным обществам: «Кавказ и Меркурий» — 21 пароход, 6 барж и парусная шхуна, «Восточному обществу товарных складов» — 11

1. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 44.
2. *Губаханова Р.А.* Предпринимательство в Дагестане. Торговый капитал. Махачкала, 2006. С. 57.
3. Там же.
4. Данные для таблицы взяты из обзоров Дагестанской области за соответствующие годы. (*Э.Д.*)

пароходов; компаний «Надежда» — 11 пароходов, 4 баржи и 1 парусная шкуна; купцу К.П. Воробьеву — 2 парохода, 6 барж и парусная шхуна»[1].

Самой крупной торгово-транспортной компанией была «Кавказ и Меркурий».

В 1902 г. в Петровск пришло 31 наливное судно, перевозившее нефть. Их того же «Обзора Дагестанской области» за 1902 год узнаем, что «из сообщенных коммерческим агентством Владикавказской железной дороги сведений видно, что в распоряжении агентства в Петровске имелось 35 резервуаров для приема и хранения нефтяных грузов, из них 9 емкостью в 165 тысяч пудов, 7 — по 150 т.п., 4 — по 200 т.п., 9 — по 75 т.п. и 1 — в 6 т.п. мазута каждый и 5 резервуаров частных, соединенных с железнодорожными сооружениями, ёмкостью в 1 млн. пуд.»[2]. В 1907 г. резервуаров для хранения нефтепродуктов в Петровске было уже 36, т.е. был построен еще 1[3].

Транзитная торговля нефтью и ее продуктами занимала в торговле города Петровска первое место. Обзоры за 1902 и 1907 гг. дают сведения о количестве нефтепродуктов, проследовавших транзитом через Петровск.

Таблица 17[4]
Транзитная торговля нефтепродуктами в Петровске

Нефтепродукты	1902 г.		1907 г.	
	Пудов	Рублей	Пудов	Рублей
Керосин	7895499	5749700	5538481	6203100
Мазут	995273	119400	624633	218620
Минеральные масла	363308	160000	446085	691430
Итого	9.254.080	6.029.100	6.609.199	7.113.150

Таблица свидетельствует о больших объемах нефтепродуктов, следовавших транзитом через Петровск.

По сведениям источника, из этого количества нефтепродуктов (т.е. приведенного в таблице. — *Э.Д.*) отправлено в Новороссийск для вывоза за границу морем 2093779 пудов керосина, 289266 пудов мазута; на внутренние рынки России: керосина — 5886720 пудов, мазута – 706007 пудов и минеральных масел — 363308 пудов[5].

Таким образом, через Петровск нефтепродукты направлялись во внутренние районы Российской империи и заграницу.

---

1. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 48.
2. Там же.
3. Там же. С. 47.
4. Данные таблицы взяты из обзоров Дагестанской области за 1902 и 1907 гг. (*Э.Д.*).
5. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903.

instituteofhistory.ru

Каботажем, т.е. из портов, расположенных на Каспийском море и на реке Волге, в 1902 г. в Петровск было:

привезено всего 18864000 пудов грузов, в том числе главнейших:

Нефти и нефтяных продуктов	— 10711 тыс. пуд.
Хлопка	— 4572 тыс. пуд.
Соли	— 831 тыс. пуд.
Лесного товара	— 820 тыс. пуд.
Хлеба	— 407 тыс. пуд.
Фруктов и овощей	— 264 тыс. пуд.
Бочарных, плотн. и столярных изделий	— 135 тыс. пуд
Шкур и кож	— 127 тыс. пуд.
Рыбы	— 121 тыс. пуд.

вывезено всего 10240000 пудов, в том числе главнейших:

Хлеба	— 378 тыс. пуд.
Железных, стальных и чугун. изделий	— 2503 тыс. пуд.
Сахара	— 1647 тыс. пуд.
Мануфактурного товара	— 385 тыс. пуд.
Каменного угля	— 195 тыс. пуд.
Железа, чугуна и стали не в деле	— 187 тыс. пуд.
Цемента	— 182 тыс. пуд.
Рыбы	— 99 тыс. пуд.
Нефти и нефтяных продуктов	— 83 тыс. пуд.
Фруктов и овощей	— 68тыс. пуд.[1]

В транзитной торговле, как следует из приведенных данных, преобладали нефть и нефтяные продукты. На втором месте был хлопок. Он привозился морем из Средней Азии для хлопчатобумажной фабрики «Каспийская мануфактура», а мануфактура, т.е. изготовленная из хлопка бязь, вывозилась из Петровской таможни транзитом через Бакинскую таможню в Персию[2]. В Персию мануфактуру вывозили также через Джульфу и Красноводск[3].

Как отмечает Р.А. Губаханова, владельцы фабрики несколько раз предпринимали попытки вместо завоза хлопка из Средней Азии выращивать его на месте[4]. С этой целью в 1902 г. из Персии было привезено 10242 пуда семян хлопчатника на сумму 2064 руб.[5] В следующем 1903 году привезенные семена хлопка по приказу владельцев «Каспийской мануфактуры» были посеяны на 14 десятинах земли около фабрики с целью выяснения —

1. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903.
2. Центральный государственный исторический архив Азербайджанской республики. Ф. 202. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.
3. Там же.
4. *Губаханова Р.А.* Из истории становления буржуазии в Дагестане во 2-й пол. XIX — нач. XX в. Махачкала, 2003. С. 89.
5. Обзор ... за 1902 г. С. 44.

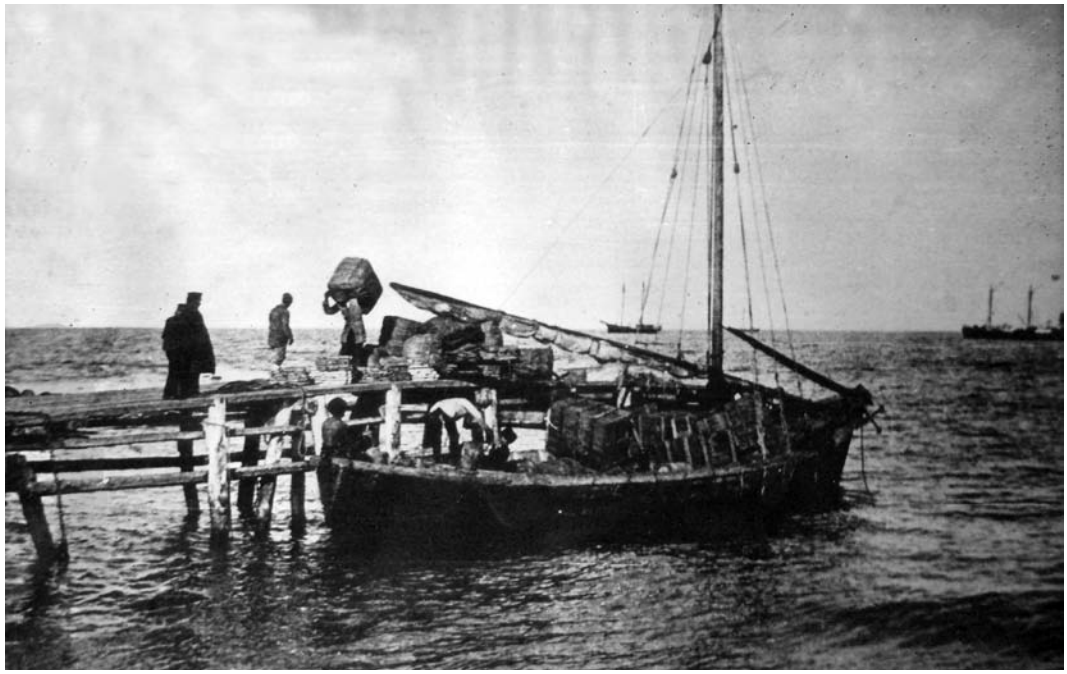
Петровский торговый порт. МИМ

вырастает ли хлопок в дагестанских условиях. Ввиду того, что посев был поздний, урожай был плохой[1].

«В 1904 г., – пишет Р.А. Губаханова, – хлопок посеяли вновь на 15–20 десятинах земли и бесплатно передали семена дербентским землевладельцам. И все же местный хлопок был плохого качества и сырье приходилось завозить, в основном, из Средней Азии»[2].

Третье место по объемам перевозок после нефти, нефтепродуктов и хлопка в Петровском порту занимала соль. Это было вызвано бурным развитием рыболовства в Дагестане после строительства по территории области железной дороги. Рыбная промышленность требовала большого количества соли. Для ее хранения в Петровске были построены соляные склады. Известно, что соль добывали и в Дагестане — в Туралинском озере, Конхидатле, но ее объемов стало не достаточно для бурно развивавшегося рыболовства, поэтому ее стали привозить морем из Астрахани и Закаспийской области. Так, в 1902 г. морем в Петровск было привезено 1058250 пудов соли. Большая часть соли — 709500 пудов была вывезена из города, как сказано в Обзоре, «в разные места»[3]. Можно предположить, что она была вывезена в сельские округа области. На Петровских складах осталось 348750 пудов соли[4].

1. *Губаханова Р.А.* Указ. соч. С. 89.
2. Там же.
3. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 48.
4. Там же.



Разгрузка парусного судна в Дербенте. МИМ

Полный грузооборот Петровского порта в 1902 г. составил 29130247 пудов, в том числе вывоз 10266737 пудов, а ввоз — 18863510 пудов[1]. Как видим, ввоз грузов значительно превышал вывоз. Из всего этого груза транзитом прошло (с Владикавказской железной дороги на пароходы и с пароходов принято на железную дорогу): сдано пароходам 8332811 пудов, принято с пароходов — 15059721 пуд, всего — 23392532 пуда. Кроме того, вывезено из порта в Красноводск: паровозов 42 шутки, товарных вагонов 317 штук, вагонных платформ 190 штук и наливных цистерн 100 штук[2].

Как следует из Обзора за 1902 г.: «Для города Петровска и местного края разного груза морем привезено 3803789 пудов, вывезено — 1933923 пуда, итого 5737715 пудов»[3].

Объемы ввоза грузов по Дербентскому таможенному посту были намного ниже, чем в Петровске. В 1902 г. каботажем, т.е. по морю, в Дербент было привезено всего 10223379 пудов, в то время как в Петровск было привезено 18864000 пудов[4], т.е. в 1,8 раз больше.

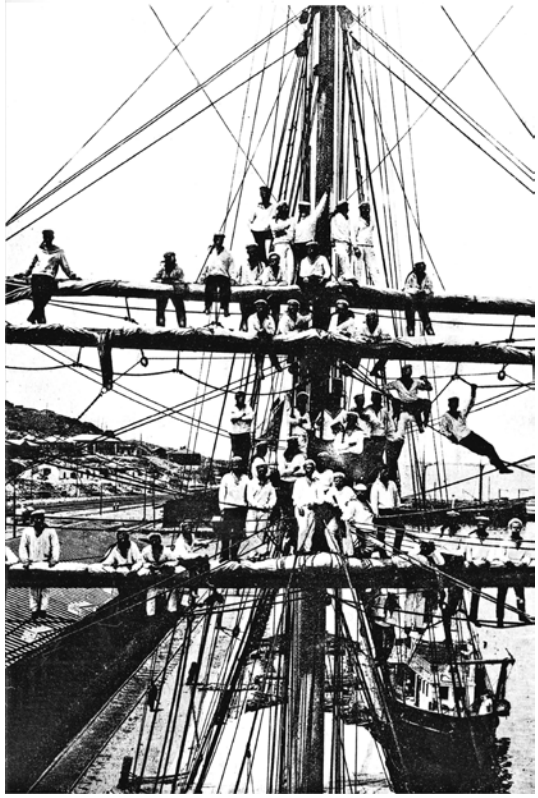
Среди грузов, поступивших в Дербент, на первом месте стояла соль — 492176 пудов. Такой спрос на соль был вызван бурным развитием рыб-

1. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 48.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же. С. 45.

ной промышленности, когда рыбу по железной дороге стало возможно вывозить в Россию, о чем было сказано ранее.

На втором месте из привозимых в Дербент товаров стояла мука: пшеничная, ржаная и из прочих злаков — более 260 тыс. пудов. Затем шел лес строевой — 145276 пудов, деревянные изделия — 313375 пудов, мануфактура, пряжа, нитки — 27924 пуда, кондитерские, бакалейные, галантерейные и гастрономические товары — 12238 пудов[1].

Среди товаров, вывозившихся каботажем из Дербента, на первом месте по объему стояла рыба — 52478 пудов, поскольку дербентское побережье было местом интенсивного рыболовства, куда во время путины стекались рабочие из Поволжья, и здесь находили работу отходники из горных округов Дагестана.



В Петровском порту. Ученики морского училища на практике. МИМ

Второе место после рыбы из вывозимых из Дербента товаров занимали фрукты и плоды, как свежие, так и сушеные — 43513 пудов, поскольку в Южном Дагестане, в Кайтаго-Табасаранском, Самурском и Кюринских округах было развито садоводство[2].

Из Дербента вывозили также овощи, сушеные, моченые — 3365 пуд. Огородничеством занимались сами дербентские жители, а также крестьяне близлежащих селений.

Обращает на себя внимание, что из Дербента в начале XX в. продолжали вывозить марену — 3556 пудов, т.е. она была востребована. Указанное количество пудов стоило 7390 руб.[3], или 1 пуд марены стоил 2 руб.; в то время как во время расцвета мареноводства в 40–60-х годах XIX в. стоимость пуда марены была в несколько раз выше и достигала 10 руб. за пуд.

Хотя спрос на дагестанскую марену в результате открытия в 70-е годы XIX в. химического красителя ализарина резко упал, о чем мы уже

1. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 45, 46.
2. Там же. С. 47.
3. Там же.

говорили, крестьяне близлежащих от Дербента селений продолжали, хотя и в небольших объемах, выращивать это красильное растение для внутренних потребностей Дагестана.

Среди других товаров, вывезенных из Дербента в начале XX в., источник называет:

Стеклянные изделия и стекло	— 11116 пуд.
Лес поделочный	— 3909 пуд.
Солодковый корень	— 603 пуд.
Рыболовные принадлежности	— 581 пуд.
Кожевенный товар	— 492 пуд.
Мануфактура	— 884 пуд.
Пушной товар	— 107 пуд.
Изделия из ткани	— 8 пудов[1]

В 1902 году из Дербента было вывезено 28640 пудов товаров на сумму 144333 рубля, в то время как ввезено 1022379 пудов товаров на 1080564 руб., т.е. ввоз товаров в Дербент почти в несколько раз превышал вывоз.

В Дагестан товары привозили и из европейских стран. Так, из Германии в 1902 г. привезли фабрично-заводскую продукцию:

Химические и фармацевтические товары	5 пудов на 541 руб.
Швейные машины	30 шт. на 544 руб.
Разные другие машины и их части	16 пуд на 225 руб.
Часы карманные золотые	6 шт. на 296 руб.
Прочие, особо не поименованные товары	24 шт. на 705 руб.[2]

Товары, поступавшие из-за границы, облагались пошлиной. Поскольку объемы торговли с заграницей возрастали, росли и размеры пошлин. Если в 1902 г. пошлина с товаров, привезенных из-за границы, составляла 444 рубля[3], то в 1913 г. она достигла 23908 рублей[4], т.е. пошлинные сборы по одной только Петровской таможне увеличились за 11 лет почти в 54 раза.

Е.И. Козубский приводит данные о движении грузов и пассажиров через станцию Дербент в начале XX в. Рассмотрим эти сведения.

1. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 47.
2. Там же.
3. Там же. С. 44.
4. Обзор ... за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915. С. 27.

Таблица 18[1]
Движение грузов и пассажиров через станцию Дербент

Годы	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.
Кол-во пудов отправленных грузов:							
Большой скорости	45619	62572	69200	94065	118444	124440	97729
Малой скорости	294723	597772	506553	629068	687045	627600	663476
Число отправленных со станции пассажиров	19623	43922	59268	78255	91068	73824	68234
Кол-во пуд., отправленного со станции багажа	11419	27703	33462	39243	49791	40070	35346
Прибывших грузов:							
Большой скорости			17460	26333	33110	36039	52812
Малой скорости			805096	845108	1257209	102611	1198010

За 7 лет объемы грузов, отправленных большой скоростью, увеличились в 2–2,7 раза. Количество грузов, отправленных малой скоростью, увеличилось в 2–2,7 раза. Примерно во столько же раз увеличился за 5 лет объем грузов, указанных в таблице, прибывших большой и малой скоростью.

Особенно впечатляет увеличение пассажирских перевозок. За 1899–1905 годы число пассажиров выросло в 3,5 раза. Резко выросло число пассажиров в 1900 г., что на наш взгляд, объясняется доведением железной дороги до Баку.

Таким образом, города Дагестанской области играли большую роль во внутридагестанской и транзитной, международной торговле, способствуя социально-экономическому развитию края.

1. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 458.

§ 3. Хозяйственные занятия горожан

Города развивались, увеличивалось городское население, все более разнообразными становились хозяйственные занятия горожан, способы их жизнеобеспечения. Остановимся на таких видах деятельности горожан, как ремесло, занятия сельским хозяйством, отходничество, извозный промысел, которые, наряду с торговлей и промышленными занятиями, получили развитие в городах области.

а) Ремесла

Занятие ремеслом получило широкое развитие во всех городах области. В Дербенте, самом старом и крупном городе области, ремесленные традиции уходили корнями в глубь веков. Наиболее распространенными среди горожан были ковроделие и ткачество, значительного развития достигла металлообработка, выделка шагреневой кожи и сафьяна[1]. В городе жили мастера-строители, резчики по камню, было много кондитеров, поваров и т.д. По мере развития Петровска и Темир-Хан-Шуры, с увеличением их населения, горожане тоже стали заниматься различными ремеслами.

Систематизированные данные о состоянии ремесел в городах Дагестана стали публиковаться с 90-х годов XIX в. в обзорах Дагестанской области. Посмотрим, как менялось число ремесленников в городах за 15 лет, с 1897 по 1911 гг.

Таблица 19
Ремесленники в городах Дагестана

Города	Ремесленники			
	1897 г.	1902 г.	1907 г.	1911 г.
Дербент	445	1028	972	1280
Петровск	60[2]	1044	644	726
Темир-Хан-Шура	505	268	277	441
Итого	1010	2340	1893	2447

Таблица свидетельствует о тенденции роста количества ремесленников в городах.

Какие же ремесла были распространены среди горожан в конце XIX — начале XX вв.? Обзоры Дагестанской области дают 42–44 наименования ремесленных профессий в городах. Одни ремесла развивались, росло число занятых ими людей. В первую очередь это профессии, связанные со стро-

1. *Магомедов Н.А.* Дербент и Дербентское владение в XVIII — первой половине XIX в. Махачкала, 1998. С. 114-119.

2. За 1897 г. по Петровску указаны только ремесленники из коренных (приписанных) жителей города.

ительством. Число каменщиков в Дербенте с 1897 г. по 1911 г. выросло с 50 до 180 человек, плотников с 23 до 90 человек[1]. В Петровске число каменщиков с 3 человек в 1897 г. выросло до 35 человек в 1911 г. Плотников в 1897 г. было 4 человека, а в 1911 г. этим ремеслом занимались уже 18 человек[2].

В Темир-Хан-Шуре картина была аналогичной. Число каменщиков в городе с 20 человек в 1897 г. возросло до 80 человек в 1911 г. Количество плотников в 1897 г. составляло 30 человек, оно не изменилось и в 1911 г.[3] Горожане работали также штукатурами, малярами, столярами.

Во всех городах развивались ремесла, обслуживающие потребности горожан в еде — хлебники, мясники, в одежде и обуви — портные, сапожники, шапочники. Горожане занимались металлообработкой. Данные обзоров говорят о стабильности числа кузнецов, лудильщиков, серебряников, жестянщиков.

В разных городах имелись свои особенности в занятиях населения ремеслами. Так, в Темир-Хан-Шуре, в отличие от Дербента и Петровска, имелись шорники, обслуживающие потребности расквартированных там дагестанских конных полков. В 1897 г. шорников было 16 человек, в последующие годы их количество уменьшилось[4].

В Дербенте и Петровске, расположенных у моря, были бондари, которых не было в Темир-Хан-Шуре. В Петровске количество бондарей с 312 человек в 1902 г. сократилось до 41 человека в 1911 г.[5], а в Дербенте выросло с 4 человек в 1897 г. до 40 человек в 1907 г. [6] Это объяснялось тем, что сельдяная биржа, как пишет автор статьи «Рыбный рынок Дагестана»[7], вначале располагалась в Петровске, а затем перешла в Дербент, и резко возрос спрос на тару для рыбы.

По мере развития городов исчезали некоторые традиционные ремесла, например, ткачество сукон, паласов и ковров в Дербенте. Появились новые профессии — типографские рабочие, переплетчики в Темир-Хан-Шуре и Петровске, где были открыты типографии Мавраева и Михайлова. Постепенно происходила европеизация городской жизни, занятий горожан.

б) Сельскохозяйственные занятия

Дагестан был аграрным регионом и города были тесно связаны с сельской округой, а занятия и промыслы с сельским хозяйством. Поэтому

1. Обзоры Дагестанской области за 1897 и 1911 гг. Темир-Хан-Шура, 1898 и 1912 гг.
2. Там же.
3. Там же.
4. Обзор Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1898.
5. Обзор .... за 1902 г.; Обзор ... за 1911 г.
6. Обзор ...за 1897 г.; Обзор за ... за 1907 г.
7. Рыбный рынок Дагестана // Дагестанские областные ведомости. № 26. 1911.

среди хозяйственных занятий городского населения Дагестанской области в конце XIX — начале XX вв. заметное место занимали сельскохозяйственные занятия. Большинство жителей городов были горожанами в первом поколении. Будучи выходцами из крестьянской среды, они, даже став горожанами, старались заниматься привычным делом.

Земли внутри и вне города, так называемые выгонные земли, принадлежали городу как административной единице. В городе выгонной землей пользовались только мещане и купцы, являвшиеся членами городского общества[1]. Но они не были ее собственниками и имели право лишь на ее аренду.

Традиционный характер владения землей в городе изменился благодаря городской реформе 1870 г. Был введен буржуазный принцип распределения земли между горожанами. Вся земля, разбитая на участки, стала сдаваться в аренду с торгов с платой подесятинно. Торги происходили каждые 12 лет[2].

Сельскохозяйственные работы сближали крестьян с жителями городов, в первую очередь, с их мещанским сословием.

Из сельскохозяйственных занятий горожан Дагестанской области можно отметить хлебопашество, огородничество, садоводство, виноградарство и скотоводство. В зависимости от климата, природных условий, географического положения города в нем получали преимущественное развитие различные виды сельскохозяйственного производства.

Наименее приспособленным для сельскохозяйственных занятий был Петровск. У города не было земель, удобных для хлебопашества, не было также воды для ее орошения. Принадлежащие городу земли Чолпар — 31,5 десятины, Караман и Гунделяхум — 2169,2 десятины отдавались в аренду[3]. Участок Чолпар брали для покоса жители Петровска, а Караман и Гунделяхум отдавали посторонним для выпаса мелкого рогатого скота[4]. Следует заметить, что арендная плата за пастбище росла. Так, если в 1906 г. она составляла 2500 руб. в год[5], то в 1909 г. она составляла уже 3000 руб.[6], а к 1915 г. арендная плата выросла до 4128 руб.[7]

Из-за постоянных сильных ветров садоводство и огородничество в Петровске большого развития не получили. Фрукты, овощи и зелень доставлялись в город по железной дороге из Терской области и из Дербента[8].

---

1. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 54. Л. 150 об.
2. *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008. С. 233.
3. Там же. С. 241, 242.
4. Там же.
5. Там же. С. 150 об.
6. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 69. Л. 167.
7. Там же. Д. 115. Л. 119.
8. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 41. Л. 155.

Тем не менее, с ростом спроса на фрукты жители Петровска разводили сады на землях, купленных у крестьян близлежащего селения Тарки. Осознав все выгоды от садоводства, таркинцы, как свидетельствует документ начала XX в., прекратили продажу горожанам земли для разведения садов, воды для их орошения и сами стали заниматься выращиванием фруктов[1].

На земле, также купленной жителями Петровска у крестьян соседнего селения Тарки, были созданы виноградники. В 1904 г. было 4 виноградника, занимавших пространство земли в 7 дес. 1895 кв. саж[2]. В 1906 г. площадь под виноградниками уменьшилась и составила 7 дес. 1322 кв. саж[3]. К 1915 г. в Петровске оставалось 2 виноградника с площадью 5 дес. 2142 кв. саж.[4] Урожай винограда зависел от целого ряда причин, и далеко не каждый год владельцы виноградников имели хороший доход от продажи винограда и вина. Например, в 1906 г. было собрано 650 пудов винограда и выделано 590 ведер вина[5]. В 1909 г., несмотря на то, что площадь под виноградниками уменьшилась, их владельцы собрали 2146 пудов винограда и выделали 1690 ведер вина[6].

Скотоводством жители Петровска занимались лишь, как сказано в отчете городского общественного управления, «с целью молочного хозяйства»[7].

В Темир-Хан-Шуре для снабжения горожан молочными продуктами держали коров и буйволиц. У жителей имелся также рабочий скот для хлебопашества, поскольку в Темир-Хан-Шуре, в отличие от Петровска, были свои пахотные земли. Содержать скот было не особенно выгодно потому, что большинство владельцев скота покупали корм на базарах у крестьян окрестных селений, и он стоил дорого[8]. В отчете темир-хан-шуринского общественного управления за 1901 г. сообщается, что доход горожан от молочного хозяйства составил 2000 руб., и от приплода скота — 1000 руб.[9]

Помимо крупного рогатого скота жители города имели лошадей, используемых для извозного промысла, который давал удовлетворительный заработок[10]. Некоторые темир-хан-шуринцы разводили свиней для убоя и продажи на городском рынке[11]. В отчете общественного управления за 1906 г. приводятся данные о количестве скота у темир-хан-шуринцев в этом году. Из него следует, что у горожан было 595 быков и коров, 128

1. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 63 б. Л. 55.
2. Там же. Ф. 21. Оп. 3. Д. 41. Л. 154.
3. Там же. Д. 54. Л. 150 об.
4. Там же. Д. 115. Л. 119.
5. Там же. Д. 54. Л. 150 об.
6. Там же. Д. 69. Л. 167.
7. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 115. Л. 119 об.
8. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 13. Л. 3 об.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.

буйволов и буйволиц, 182 лошади, 120 свиней, 60 овец, 28 коз и 7 ослов, а всего 1120 голов скота[1].

Благоприятные климатические условия способствовали развитию в Темир-Хан-Шуре земледелия. В рассматриваемый период в пользовании города находилось 3235 дес. земли. Она разделялась следующим образом: под пашней — 250 дес., садами и огородами — 110 дес., пастбищами — 1405 дес., покосами — 480 дес., лесом и кустарниками — 440 дес., неудобной земли было 360 дес. Кроме того, 188 дес. находилось под постройками и площадями и 2 дес. под кирпичными заводами[2].

Пахотные земли Темир-Хан-Шуры обрабатывались крестьянами окрестных селений, которые брали ее с торгов в аренду. Большая часть пахотных земель была удобной для орошения, и там сеяли пшеницу, кукурузу, ячмень, изредка овес и просо. Другая, неорошаемая, часть пахоты тоже засевалась хлебными злаками, но урожаи здесь были низкими. Часто причиной неурожаев была весенняя засуха, портившая всходы хлебов, например, как это было в 1901 г., в 1910 г. и т.д.[3]

Широкое развитие в Темир-Хан-Шуре получило огородничество. Если хлебопашеством занимались кумыки из окрестных селений, то разведением овощей занимались живущие в городе персы. Таким образом, в хозяйственной деятельности существовала этническая специфика. Персияне были трудолюбивыми, хорошо знали дело. На арендованных у города землях они выращивали капусту простую и цветную, морковь, баклажаны, бурак, пастернак, эстрагон, помидоры, петрушку, кинзу, укроп, зеленый лук и т.д. Семена этих овощей выписывались исключительно из России. Овощи и зелень были хорошего качества и вполне обеспечивали потребности населения Темир-Хан-Шуры. Часть овощей вывозили на продажу в города Петровск и Баку[4].

Занятие огородничеством приносило горожанам неплохие доходы. Так, в 1901 г. огородники Темир-Хан-Шуры выручили 3500 руб.[5], а в 1904 г. – уже 4000 руб.[6]

Широкое развитие в Темир-Хан-Шуре получило садоводство. Этому способствовали благоприятные климатические и почвенные условия. Сады были расположены на окраинах, на городских землях и принадлежали городским обывателям. В садах росли черешня, вишня, слива, яблоки, груши, айва, персики, абрикосы и т.д. Как следует из отчета городского общественного управления, садоводы стремились к улучшению культуры

1. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 54. Л. 32.
2. Там же. Л. 17.
3. Там же. Д. 13. Л. 1; Д. 80. Л. 2 об.
4. Там же. Д. 13. Л. 3.
5. Там же.
6. Там же. Д. 41. Л. 9 об.

садоводства[1]. На фрукты был большой спрос. Как отмечается в документе за 1915 г., садовладельцы в большинстве случаев продавали урожай фруктов каждого года ранней весной темир-хан-шуринским торговцам — персиянам[2]. Они продавали фрукты в свежем виде в своих лавках на городском рынке. С улучшением культуры садоводства в Темир-Хан-Шуре стала развиваться консервная промышленность. Сырьем для нее служили фрукты, выращенные горожанами, а также привезенные из горных районов области.

Виноградарство в Темир-Хан-Шуре развития не получило из-за неблагоприятных климатических и почвенных условий.

Слабое развитие в городе получило пчеловодство. Пчел разводили несколько человек не с промышленной целью, а «ради удовольствия»[3]. Любителей пчеловодов в Темир-Хан-Шуре в 1901 г. насчитывалось 8 человек, все вместе они имели 150 ульев[4]. Одними из крупных пчеловодов-любителей были местные садовладельцы Г. Пинятин и Г. Петрекин. У первого был 81 улей, а у второго — 40 ульев[5]. Через три года, в 1904 г. число ульев у горожан сократилось почти вдвое и составило 85[6], а к 1910 г. — ульев стало 100[7], в 1915 г. положение не изменилось[8].

Благоприятные климатические и почвенные условия способствовали широкому занятию земледелием жителей Дербента. Горожане занимались виноградарством, садоводством, огородничеством, на четвертом месте по степени развития находилось хлебопашество.

Площадь земель, занятых под земледелие, составляла 6659 дес. Из них 4061 дес. неполивной земли находилась к северу от Дербента, а 2598 дес. орошаемой земли было расположено к югу от города.

В отличие от Петровска и Темир-Хан-Шуры, жители которых арендовали городские земли для занятий сельским хозяйством, дербентские жители имели право частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения[9]. В этом особенность Дербента, в котором частная собственность горожан на городские земли сформировалась в течение длительного времени, в отличие, например, от Владикавказа, где евреи и армяне не имели права частной собственности на городские земли.[10]

---

1. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 13. Л. 2.
2. Там же. Д. 115. Л. 92 об.
3. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 13. Л. 5.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. Д. 41. Л. 10 об.
7. Там же. Д. 80. Л. 4 об.
8. Там же. Д. 115. Л. 93 об.
9. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 41. Л. 54.
10. *Канукова З.В.* Старый Владикавказ. Владикавказ, 2003. С. 78.

Таблица 20
Вывоз фруктов из Дербента

	1899 г.	1910 г.	1915 г.
Вывезено фруктов (в пуд.)	109536	70000	200000
На сумму (в руб.)	109536	75000	500000

Несмотря на некоторые колебания в количестве вывозимых из Дербента фруктов, налицо тенденция к их росту, а также к увеличению стоимости одного пуда.

Огородничество занимало заметное место среди сельскохозяйственных занятий дербентского мещанства. Огороды Дербента были расположены у моря. После строительства железной дороги площадь под огородами сократилась и составила 150 дес.[1] Огородничеством занимались исключительно азербайджанцы. Они выращивали лук, чеснок, салат, цветную капусту, редиску, морковь, свеклу, шпинат, огурцы, картофель, дыни, арбузы и т.д. Овощи продавали на городском рынке, а большую часть вывозили в разные места, в том числе в Петровск, Баку и т.д. Особенно много вывозилось ранней капусты.

Источники показывают следующую динамику вывоза овощей из Дербента и доходов горожан от их продажи.[2]

Таблица 21
Вывоз овощей из Дербента

	1899 г.	1910 г.	1915 г.
Вывезено овощей (в пуд.)	49915	35000	60000
На сумму (в руб.)	28459	45000	55000

Приведенные данные говорят об увеличении объемов вывозимых овощей, а доходы горожан от их продажи с 1899 г. по 1915 г. увеличились почти вдвое.

Хлебопашество занимало незначительное место среди сельскохозяйственных занятий дербентских жителей. Поля, занятые под посев пшеницы и ячменя, находились к северу от Дербента. Они не орошались и урожай зависел от выпадения дождей. Тем не менее посевы пшеницы и овса год от года росли. Если в 1899 г. было посеяно 410 четвертей пшеницы, овса — 180 четвертей, а собрано соответственно 1230 четвертей пшеницы и 540 — ячменя, то в 1915 г. было засеяно 2500 четвертей и собрано 20000 четвертей пшеницы, а ячменя посеяно 1500 четвертей и собрано 12000

1. Там же. Д. 80. Л. 49.
2. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 1. Л. 77; Д. 80. Л. 49; Д. 115. Л. 33.

четвертей[1]. Несмотря на увеличение урожайности зерновых, своего хлеба Дербенту не хватало. Население приобретало хлеб, привозимый по железной дороге и морем из внутренних губерний России, Терской области[2]. Часть хлеба покупали у крестьян окрестных селений, скорее всего в Теркеме.

Скотоводство в Дербенте развития не получило из-за отсутствия пастбищ и сенокосов. Жители города держали самое незначительное количество скота для собственных потребностей. Молочными продуктами не торговали[3].

Таким образом, приведенный нами материал свидетельствует о широком развитии среди городских жителей Дагестанской области сельскохозяйственных занятий. Садоводство, огородничество, хлебопашество, виноградарство служили подспорьем для хозяйства горожан, а в некоторых случаях были их основным источником дохода. Занятия горожан сельским хозяйством говорят о большом влиянии сельской округи на город.

в) Извозный промысел

Одним из занятий городского мещанства был *извозный промысел*, имевший место во всех городах области.

Наибольшее развитие извозной промысел получил в Темир-Хан-Шуре, что объяснялось ее географическим положением. Город служил перевалочной базой для грузов, поступавших по железной дороге в Петровск, а затем через Темир-Хан-Шуру в горные округа области.

Извозным промыслом занимались преимущественно коренные жители города, а также часть крестьян из окрестных селений. Извоз делился на ломовой и легковой. Ломовые извозчики перевозили тяжести внутри города, а также между Темир-Хан-Шурой и Петровском.

Легковые извозчики перевозили пассажиров. Для перевозки пассажиров по Темир-Хан-Шуре использовали фаэтоны — легкие четырехколесные экипажи с откидным верхом. Между Шурой и Петровском извозчики возили пассажиров на особых экипажах — ландо. Это были четырехместные кареты с откидным верхом, приспособленные для перевозки людей на большие расстояния. Помимо Петровска извозчики возили пассажиров на ландо в горные селения.

Ломовые извозчики перевозили небольшие грузы как в городе, так и между Темир-Хан-Шурой и Петровском. Для перевозки грузов они использовали повозки, в которые запрягали одну лошадь и арбы, которые везла пара волов («пароволовые арбы»).

---

1. Там же.
2. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 41. Л. 54 об.
3. Там же. Д. 1. Л. 77.

Фаэтон. Из личного фонда Э.М. Далгат

Извозный промысел приносил горожанам неплохой заработок, от 20 тыс. руб. в 1904 г. и до 25 тыс. руб. в 1906 г. чистого дохода в год[1].

Этот вид промысла темир-хан-шуринцев стабильно развивался. Если в 1901 г. в городе было 42 фаэтона, то в 1906 г. — 55 фаэтонов[2], т.е. спрос рождал предложение. Увеличивавшееся население города нуждалось в большом количестве фаэтонов. Число экипажей для поездок за пределы Темир-Хан-Шуры с 1901 по 1906 годы не изменилось и составляло 7 ландо[3].

Положение резко меняется в 1910 г. с открытием почтовых станций. Число экипажей для дальних поездок возросло до 25. Из них 6 ландо принадлежали жителям Темир-Хан-Шуры, а хозяевами 19 ландо были содержатели двух почтовых станций, появившихся в городе[4]. Похожее положение сложилось и с ломовым извозом. Количество повозок «в одну лошадь» с 15 в 1906 г. увеличилось до 50 в 1910 г.[5], что, видимо, тоже было следствием появления в городе почтовых станций, перевозивших не только пассажиров, но и грузы. Число «пароволовых» арб для ломового извоза не увеличилась.

Одним из держателей почтовых станций был Алмаксуд Даидбеков. Он владел срочной почтой с перекладными через 15–20 км пути, — пишет Б.И. Гаджиев. Из Темир-Хан-Шуры до Петровска его почта доставляла пассажиров за 2,5–3 часа, в то время как на линейках, принадлежащих урминцам, левашинцам и цудахарцам, пассажиры добирались за 5 часов[6].

Таким образом, к 1910 г. извозный промысел в Темир-Хан-Шуре успешно развивался и приносил неплохой доход. Положение изменилось в 1915 г. с проведением железнодорожной ветки Петровск — Темир-Хан-Шура. Извозный промысел пришел в упадок. Люди предпочитали ездить

1. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 13. Л. 4 об.; Д. 41. Л. 10.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же. Д. 80. Л. 4.
5. Там же.
6. *Гаджиев Б.И.* Темир-Хан-Шура. Махачкала, 1992. С. 75.

более быстрым и надежным видом транспорта — поездом. По железной дороге начали перевозить почту и часть грузов. Данные о развитии извозного промысла в Темир-Хан-Шуре сведены нами в таблицу.

Таблица 22
Извозный промысел в Темир-Хан-Шуре[1]

Годы	Доход в год (руб.)	Легковой извоз		Ломовой извоз	
		Фаэтоны	Ландо	Повозки в одну лошадь	Арбы пароволовые
1901	25000	42 (84 лошади)	7	20	15
1904	20000	43 (86 лош.)	7	12	15
1906	25000	55	7	15	8
1910	-	39 (78 лош.)	25 (6 мест жит. 19 — содержит почт. станц.)	50	12
1915	-	22 (44 лош.)	15	25	-

Из таблицы видно, что с появлением в 1915 г. железнодорожной ветви, связавшей Темир-Хан-Шуру с Петровском, количество ландо, перевозивших пассажиров из Темир-Хан-Шуры в Петровск, сократилось с 25 до 15, а число повозок для перевозки грузов уменьшилось вдвое, с 50 до 25[2].

Таким образом, с одной стороны, появление железной дороги Владикавказ — Петровск способствовало развитию извозного промысла в Темир-Хан-Шуре, с другой стороны, после доведения железной дороги до города привело к упадку извоза. Как указано в отчете городского управления за 1915 г., «частный извозный промысел, а также почтовое сообщение прекратились на этой дистанции»[3], т.е. между Петровском и Темир-Хан-Шурой. Но извозчики по-прежнему продолжали осуществлять перевозки пассажиров и грузов внутри города, а также из Темир-Хан-Шуры в горные округа.

Сведения об извозном промысле в Петровске очень скудны. В отчетах городского общественного управления за разные годы сообщается лишь о том, что «жители города занимаются извозным промыслом»[4], без указания данных по легковому и ломовому извозу.

По данным другого источника по занятиям горожан — обзоров Дагестанской области, следует, что в Петровске в 1902 г. было 75 легковых и 120 ломовых извозчиков[5]. В 1907 г. количество извозчиков уменьшилось и

1. Данные взяты из отчетов городского общественного управления Темир-Хан-Шуры // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 13, 41, 54, 80, 115.
2. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 115. Л. 93.
3. Там же.
4. Там же. Д. 69. Л. 167; Д. 80, Л. 137 и т.д.
5. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. Ведомость № 7.

составило: 60 легковых и 110 ломовых[1]. К 1911 г. число извозчиков немного увеличилось, легковых было 67 человека, а ломовых — 112[2].

Более подробные сведения по занятиям горожан извозом дает источник по Дербенту. Так, в отчете Дербентского городского управления за 1899 г. говорится, что «извозным промыслом занимаются в городе немногие за исключением легковых извозчиков, которые пользуются небольшими выгодами, и промысел этот не развит за отсутствием спроса»[3]. В последующие годы положение изменилось, извозный промысел стал занимать заметное место среди занятий дербентцев.

В отчете Дербентского городского управления за 1904 г. приводятся данные о 72 легковых и 205 ломовых извозчиках[4]. В 1906 г. количество легковых извозчиков не изменилось, а ломовых уменьшилось до 183[5]. В последующие годы число горожан, занимавшихся извозом, также продолжало сокращаться. В 1909 г. 67 дербентцев занималось легковым, а 171 человек — ломовым извозом[6]. В 1910 г. число ломовых извозчиков увеличилось на десять человек и достигло 181[7].

На основании данных отчетов Дербентского городского управления и обзоров Дагестанской области нами составлена таблица, дающая представление о занятиях населения Дербента извозным промыслом в начале XX в.

Таблица 23
Извозный промысел в Дербенте [8]

Виды извоза	**1902 г.**	**1904 г.**	**1906 г.**	**1907 г.**	**1909 г.**	**1910 г.**	**1911 г.**
Легковой	50	72	72	62	67	67	72
Ломовой	155	205	183	146	171	181	183
Итого	**205**	**277**	**255**	**208**	**238**	**248**	**255**

Из таблицы видно, что извозный промысел в Дербенте стабильно развивался. Количество горожан, занимавшихся извозом в разные годы, колебалось от 205 до 277 человек, причем преобладал ломовой извоз. Перевозных средств было столько же, сколько извозчиков, — сообщает источник за 1909 г.[9]

1. Обзор ... за 1907 г. Темир-Хан-Шура, 1908. Ведомость № 7.
2. Обзор ... за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912. Ведомость № 7.
3. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 1. Л. 234.
4. Там же. Л. 55.
5. Там же. Д. 54. Л. 60.
6. Там же. Д. 69. Л. 45.
7. Там же. Д. 80. Л. 49.
8. Данные об извозе за 1902, 1907, 1911 годы взяты из обзоров Дагестанской области за соответствующие годы, а за 1904, 1906, 1909 и 1910 годы из отчетов Дербентского городского управления за эти годы. — ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 41, 54, 69, 80.
9. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 69. Л. 45.

Особенностью Дербента, в отличие от Темир-Хан-Шуры, было то, что извозом горожан занимались исключительно, как сказано в отчете Дербентского городского управления за 1906 г., в самом городе и на рыбных промыслах, которых было много к югу и северу от города. Ломовые извозчики перевозили с промыслов рыбу, а на промыслы — рыболовные снасти.

Для того чтобы получить представление о занятии городского населения извозным промыслом в целом, сведем имеющиеся у нас данные в одну таблицу. Для этого используем сведения из обзоров Дагестанской области и отчеты городских управлений. Поскольку в отчетах Темир-Хан-Шуринского городского управления за 1904, 1906, 1909 и 1910 годы приводятся сведения не о количестве извозчиков, а количестве фаэтонов, пароволовых арб и т.д., мы, как и в случае с Дербентом, посчитаем, что перевозных средств было столько же, сколько извозчиков. Сведения об извозе даем суммарно без дифференциации на легковой и ломовой.

Таблица 24
Извозчики в городах Дагестанской области в начале XX в.

Города	1902 г.	1904 г.	1906 г.	1907 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1915 г.
Т.-Х.-Шура	91	77	85	71		126	95	62
Петровск	195			70			179	
Дербент	205	277	255	188	238	248	255	
Итого:	**451**			**429**			**529**	

За период 1902–1911 годов, рассмотренный в таблице, число горожан области, занятых извозным промыслом, увеличилось на 17%[1]. Это было одно из стабильно развивавшихся занятий городского населения.

Обзоры Дагестанской области дают возможность показать, какое место занимал извозный промысел среди других занятий горожан.

Таблица 25[2]
Извоз в промысловых занятиях горожан области

Города	1902 г.			1907 г.			1911 г.		
	Число горожан, занятых промыслами	Из них извозом	%	Число горожан, занятых промыслами	Из них извозом	%	Число горожан, занятых промыслами	Из них извозом	%
Т.-Х.-Шура	268	91	34	277	71	26	441	95	21
Петровск	1044	195	18	644	170	26	726	179	25
Дербент	1028	205	20	972	188	19	1280	255	20
Итого:	**2340**	**451**	**19**	**1893**	**429**	**23**	**2447**	**529**	**22**

1. Подсчеты сделаны нами (*Э.Д.*).
2. Проценты выведены нами (*Э.Д.*).

Таким образом, извозному промыслу принадлежало заметное место среди занятий городского населения Дагестанской области. От 19 % до 22 % горожан, занятых в том или ином виде промыслов, зарабатывали извозом.

Хозяйственные занятия городского населения Дагестанской области были разнообразными. Они включали в себя торговлю, ремесло, бытовое обслуживание, работу на промышленных предприятиях, извозный промысел, отходничество. На протяжении исследуемого периода некоторые традиционные занятия, например, в Дербенте это было ткачество сукон, паласов, ковров, исчезают. Появляются новые профессии — типографские рабочие, переплетчики, бондари и т.д., связанные с проникновением и развитием в Дагестане капиталистических отношений с европеизацией жизни.

Сельскохозяйственные занятия горожан носили подсобный характер, но в некоторых случаях (виноградарство и виноделие в Дербенте) они приобретают высокотоварный характер.

Так, в хозяйственных занятиях горожан Дагестана во второй половине XIX — начале XX в. сочетались традиции и инновации.

г) Отходничество

Вопрос об *отходничестве городских жителей* еще не поднимался исследователями, внимание которых привлекало только отходничество крестьян[1]. Вместе с тем, среди занятий горожан отходничество занимало определенное место. Сведения об этом виде промысла даны в отчетах о состоянии городов области. Наиболее полные, подробные данные об отходе содержат отчеты по областному центру – городу Темир-Хан-Шура. В отчетах по Петровску сообщается, что жители занимаются отхожим промыслом[2], но не указывается количество горожан, уходивших из города в поисках заработка. Вообще, отчеты по Петровску малоинформативны.

Из отчета о состоянии города Дербента за 1910 г. видно, что его жители тоже уходили в отход. «Небольшие партии мужчин, – говорится в документе, – ежегодно в количестве не более 700–1000 человек, не находящие занятия в городе, отправляются на заработки в разные места Кавказского края и России»[3].

Причиной отходничества в городах служило, как следует из отчета о состоянии Темир-Хан-Шуры за 1910 г., «отсутствие промышленности, отсутствие спроса на профессиональных мастеров»[4]. Поскольку речь идет

1. *Шигабудинов М.Ш.* Отходничество в Дагестане. Махачкала, 2000.
2. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 54. Л. 149.
3. Там же. Д. 80. Л. 52.
4. Там же. Л. 4.

о 1910 г., промышленные заведения в городах уже имелись, но они были маломощными, с незначительным количеством рабочих мест и не могли решить проблему занятости горожан. Из этого следует, что отходничеством занимались во всех городах области: в Темир-Хан-Шуре, Петровске и в Дербенте.

Большинство отходников из городов составляли ремесленники: портные, часовщики, ювелиры, сапожники, слесари, кровельщики, столяры, пивовары. Остальные служили приказчиками, конторщиками и счетчиками при торговых и промышленных предприятиях или самостоятельно вели торговые операции[1].

Эти категории городского мещанства, не находя работу в городах области, выезжали за ее пределы. Они устраивались на работу в других местностях Кавказа, а также в различных губерниях империи. В отход выезжали как целыми семьями, так и по одному человеку из семьи[2].

Сроки отхода были длительными. «Все эти лица (отходники. — *Э.Д.*), — сказано в документе, — почти постоянно находятся в отсутствии из города»[3]. Немногие из них возвращались домой на короткий срок по домашним обстоятельствам или для получения новых видов на жительство, которые выдавались по месту их постоянной прописки. Здесь же они должны были платить налоги.

По сведениям Б.И. Гаджиева, в 1902 г. из Темир-Хан-Шуры ушли на заработки 435 человек[4].

В отчете о состоянии города Темир-Хан-Шуры за 1906 год приводятся сведения о выдаче паспортов тем, кто в поисках работы уезжал из города, т.е. отходникам. Согласно этому документу в 1906 г. всего было выдано 476 «паспортных знаков»[5]. Из них 52 человека взяли паспорт на 4 года, 3 человека — на 2 года. Большинство брало документы на срок от одного года до 1 месяца (421 человек)[6]. Таким образом, сроки отхода были различными: от нескольких лет до 1 месяца. Для продления срока действия паспортов или видов на жительство, как мы уже говорили, отходники возвращались домой.

Большинство отходников из городов составляли европейские евреи[7]. Именно для них характерны такие профессии, как портной, часовщик, ювелир, конторщик, торговец и т.д., о которых мы говорили выше.

---

1. Там же. Д. 13. Л. 4.
2. Там же. Д. 80. Л. 4.
3. Там же. Д. 115. Л. 93.
4. *Гаджиев Б.И.* Указ. соч. с. 80.
5. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 54. Л. Ведомость № 10.
6. Там же.
7. Там же. Д. 115. Л. 93.

Помимо евреев, отходниками из городов области были представители русской части городского мещанства. Для них были характерны профессии столяра, кровельщика, слесаря и т.д. Поскольку Петровск и Темир-Хан-Шура были небольшими городами, не все ремесленники могли найти там себе работу.

О размерах отхода из Темир-Хан-Шуры в начале XX в. дают представления отчеты городского полицейского управления[1].

Таблица 26
Отходничество из Темир-Хан-Шуры

Годы	Семьями	Одиночки	Всего	Коренное население города	%
1901	7	389	396	3148	12
1904	-	-	425	3339	12
1906	-	-	476	3483	13
1910	198	132	330	2649	12
1915	-	-	299	3505	8

Материалы таблицы свидетельствуют, что отходничество было постоянным и стабильным промыслом темир-хан-шуринского мещанства. В отход ежегодно уходило 12–13 % коренного (приписанного) населения города. Первая мировая война сократила отходничество с 12 до 8 %, поскольку шла мобилизация русских мужчин в армию.

Таблица показывает и другую тенденцию в городском отходничестве: если в 1901 г. на заработки из Темир-Хан-Шуры уходили в подавляющем большинстве одиночки, то к 1910 г. стал преобладать отход целыми семьями.

Таким образом, наряду с другими видами промыслов в городах области получило развитие отходничество.

1. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 13. Л. 4; Д. 80. Л. 4; Д. 115. Л. 93; Д. 54. Л. 33.

ГЛАВА IV
ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Народное образование

Во второй половине XIX — начале XX в. в Дагестане появляются первые светские школы с преподаванием на русском языке. До этого здесь были только мусульманские школы при мечетях — мактабы и медресе. Русские школы в первую очередь появились в местах дислокации русских войск.

Первое учебное заведение с преподаванием на русском языке появилось в 30-е годы XIX в. в Дербенте. Это было Дербентское уездное училище, открытое в 1837 г.[1] В нем вначале было три класса, в том числе приготовительный. К концу XIX в. обучение в училище велось уже не три года, а шесть лет. Как пишет Е.И. Козубский, «открытие училища имело целью распространение в крае начальных сведений и приготовление учащихся к продолжению курса учения в Тифлисской гимназии»[2]. Интересно отметить, что наряду с другими предметами в дербентском училище преподавали армянский и азербайджанский языки. Это объяснялось тем, что в городе большинство населения составляли азербайджанцы и было значительное количество армян. В училище обучалось вначале 35 человек, а к концу XIX в. около 150 человек[3].

В Дербенте открылось и второе учебное заведение — мусульманская школа, где учились только дети мусульман[4]. Судьба этого учебного заведения удивительна. Возникнув в конце 40-х годов, школа сразу стала

1. *Козубский Е.И.* К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие // Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 102.
2. Там же.
3. Там же.
4. *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 66.

Преподаватели и учащиеся Темир-Хан-Шуринского реального училища. В первом ряду священник Моралевич. ДГОИАМ

популярной. Сюда для получения образования стали приезжать со всего Дагестана, хотя количество мест было ограничено. Эта школа привлекала горцев не только тем, что давала образование, которое всегда высоко ценилось у дагестанцев, но и тем, что в ней, помимо арабского, можно было изучить русский язык. В новых условиях это было важно.

Среди учащихся школы в 50-е годы XIX в. были в основном сельские жители. Из 56 учащихся горожан было всего 8 человек[1] или 14%. В 1855 г. мусульманскую школу власти перевели в Темир-Хан-Шуру. В качестве причин такого перевода Е.И. Козубский называет то, что в Дербенте преобладало шиитское население, а горцы являлись суннитами, и поэтому школу перевели поближе к ним. Кроме того, жаркий климат Дербента тяжело переносился горцами.

В качестве другой причины он называет и то, что около Темир-Хан-Шуры было много «почетных лиц и служащих офицеров из мусульман, дети которых нуждаются в образовании их арабскому и русскому языку»[2]. А поскольку в Темир-Хан-Шуре население было преимущественно русским, это облегчило бы детям горцев изучение русского языка.

1. *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 66.
2. *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 200.

Через несколько лет после перевода из Дербента мусульманская школа влилась в состав горской школы, которая в 1861 г. открылась в областном центре, которым стала Темир-Хан-Шура после образования Дагестанской области. Эта школа существовала на деньги военного ведомства. Е.И. Козубский пишет, что при горской школе был учрежден пансион на 65 воспитанников. Из них 25 учащихся содержались на средства родителей и кавказского наместничества. Остальные 40 учащихся содержались за счет казны, т.е. они считались «казеннокоштными». Из их числа 15 учащихся были детьми русских чиновников, по-видимому, служивших в областном центре, а 25 человек из известных фамилий северного и южного Дагестана[1].

В отличие от уездного училища в Дербенте в Темир-Хан-Шуринской горской школе преподавались не только общеобразовательные предметы, большое внимание уделялось практическим занятиям в области ремесел (столярное и токарное дело), занятиям сельским хозяйством, а именно садоводством и огородничеством.

В 1874 г. горская школа была преобразована в прогимназию. Если в школе было три класса, то в прогимназии четыре. Здесь обучалось более 200 учащихся. Как и в горской школе, наряду с общеобразовательными предметами в прогимназии знакомили учащихся со столярным, токарным и переплетным делом[2].

В прогимназии имелись наглядные пособия по основным предметам — русскому языку, математике, истории, физике, географии. Учащиеся могли заниматься по книгам, взятым в ученической и фундаментальной библиотеках.

В 1880 г. на месте прогимназии в Темир-Хан-Шуре было открыто реальное училище. До конца XIX в. оно было единственным средним учебным заведением в Дагестане. Окончание реального училища давало возможность поступать в высшие технические учебные заведения России.

Дагестанцы проявляли большое стремление к получению образования. Учебные заведения открывались в разных частях Дагестанской области, в том числе городах. Больше всего учебных заведений было в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Как свидетельствуют архивные данные, в 1895 г. в Дербенте были следующие учебные заведения[3]:

1) городское 3-классное училище, где обучалось 146 человек,

2) женское училище благотворительного общества — 40 человек,

3) в 5 мусульманских школах обучался 131 человек,

4) в 7 еврейских школах обучалось 145 человек,

---

1. *Козубский Е.И.* Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. Порт-Петровск, 1890. С. 3.

2. Там же. С. 5.

3. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 37 об.

Администрация, педагоги и ученицы Темир-Хан-Шуринской женской гимназии. ДГОИАМ

5) русская церковно-приходская мужская и женская школа, в которой обучалось 22 мальчика и 6 девочек,

6) таковая же армянская школа, где обучалось 20 мальчиков и 35 девочек.

Всего было 16 школ и 545 учащихся.

Надо отметить, что женские учебные заведения были открыты в 60-е годы XIX в. не только в Дербенте, но и в Темир-Хан-Шуре. По сведениям Е.И. Козубского, эти школы существовали на средства общественной благотворительности. Воспитанницы этих школ должны были научиться читать, писать, считать, знать закон Божий. Кроме того, их учили вести домашнее хозяйство, т.е. уметь готовить, шить, вязать и т.д. У женских школ были попечительские советы. Во главе совета Дербентского женского училища в 1897 г. была княгиня Макаева, затем военным губернатором Дагестанской области на должность попечительницы была избрана супруга генерал-майора Араблинского Анна Ильинична Араблинская[1]. Ее на этом посту сменила энергичная вдова статского советника М.П. Козляковская. Она в 1900 г.

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

возглавила попечительский совет Дербентской женской школы, в который входили следующие жители Дербента: полицмейстер Саратев, инспектор городского училища Хуцесов, врачи Стрижевский, Рясопцев и Новомарьевский, подполковник Аствацатуров, казначей Аврамов, генерал-майор Гайдаров, Бабаян, Кочергин, Буниятов и священник Лукьянов[1]. В 1900 г. М.П. Козляковская подняла вопрос о преобразовании Дербентской женской школы в 3-классную прогимназию с приготовительным классом.

В своем докладе попечительскому совету М.П. Козляковская сообщила, что в Дербентской женской школе в 1900 г. обучалось 86 учениц и число их увеличивалось с каждым днем[2]. «Более 2/3 общего числа учениц, — говорила М.П. Козляковская, — составляют дети чиновников, купцов и садовладельцев, обучающих своих детей в школе ввиду неимения свободных мест в учебных заведениях ни в Баку, ни в Шуре, ни во Владикавказе»[3]. Из этого следует, что состоятельные жители Дербента при возможности посылали своих детей, в том числе девочек, на учебу в другие города.

М.П. Козляковская отмечала «возрастание потребности в образовании среди всех классов населения и всех народностей Дербента»[4], и поэтому призывала членов попечительского совета хлопотать о преобразовании женской школы в Дербенте в женскую 3-классную гимназию[5].

Благодаря хлопотам городского и дагестанского областного начальства в 1900 г. женская гимназия в Дербенте была открыта. В 1905 г. в ней было уже 6 классов и 7-й приготовительный. В 1906 г. открылся последний 7-й класс. В 1905 г. в гимназии училось около 200 девочек, из которых почти 95% были детьми жителей Дербента.

Женская гимназия существовала за счет следующих средств:

от 500 до 2000 руб. давал город; 1000 руб. – Министерство народного просвещения;

300 руб. – Управление Владикавказской железной дорогой;

200 руб. – Великий князь Михаил Николаевич; плюс доходы от благотворительных вечеров[6].

Этих денег на содержание гимназии не хватало. Преподаватели получали всего по 300 руб. в год. В классах было холодно, дети болели. Своего здания у гимназии не было. В 1905 г. председатель попечительского совета М.П. Козляковская подняла вопрос о строительстве здания для женской гимназии. Строительство здания стоило 70 тыс. руб., а у гимназии было 10 тыс. руб., сэкономленных на учебных пособиях и картах.

1. Там же. Л. 66.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. Д. 14. Л. 11.

М.П. Козляковская обратилась к супруге наместника Кавказа с просьбой походатайствовать перед И.И. Воронцовым–Дашковым, который был почетным гражданином Дербента, об ассигновании из экстраординарных сумм денег на строительство здания женской гимназии[1].

Дербент содержал на свои средства 5 мужских учебных заведений и лишь 1 женское, хотя половину населения города составляли женщины[2].

После обращения М.П. Козляковской к супруге наместника началась бюрократическая волокита. Канцелярия наместника письмо М.П. Козляковской препроводила военному губернатору Дагестанской области, он в свою очередь переслал письмо Дербентскому городскому управлению[3].

Собрание городских уполномоченных обсудило в мае 1906 г. вопрос о финансировании строительства женской гимназии, но так его и не решило. Половина уполномоченных была за финансирование, другие выступали против[4]. Вопрос остался открытым.

В 1902 г. в Дербенте было открыто реальное училище, которому дали имя императора Николая II. Для училища было построено красивое двухэтажное здание на главной улице — Барятинского.

С содержанием училища возникали сложности. Из письма попечителя Кавказского учебного округа военному губернатору Дагестанской области видно, что учителям вовремя не давали зарплату и они брали в долг у торговцев, за что те требовали завышать оценки их детям[5].

Содержание реального училища обходилось в 1908-1909 гг. в 34740 руб. в год. Дербентский староста писал попечителю Кавказского учебного округа, что городом уплачено 26 650 рублей. Осталось заплатить 8090 руб.[6]

В начале XX в., а именно в 1902 году, на общем собрании уполномоченных Дербентского городского общественного управления было принято решение открыть русско-татарскую школу имени Н.В. Гоголя. В эту школу хотели поступить 100 человек, но было принято только 50 учащихся[7].

В следующем 1903 г. собранием уполномоченных Дербента принято решение открыть 2-ю русско-татарскую школу[8]. В 1912 г. эта школа была преобразована в начальное мужское училище для всех национальностей[9].

В 1903 г. в Дербенте было открыто училище садоводства и виноделия. В уставе говорилось, что целью создания училища было «образовывать теоретически и практически подготовленных садовников и ви-

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
2. Там же. Л. 11.
3. Там же. Л. 2.
4. Там же. Л. 9.
5. Там же. Д. 16. Лл. 14, 15.
6. Там же. Л. 80.
7. Там же. Оп. 2. Д. 7а. Л. 1.
8. Там же. Л. 3.
9. Там же. Л. 4.

ноделов, сведущих преимущественно в промышленном садоводстве и виноделии»[1]. Обучение в училище должно было быть 5 лет. Первые 2 года учащиеся проходили общеобразовательные предметы. В 3-х старших классах предполагалось теоретическое изучение предметов и практические занятия[2].

Училище содержалось на следующие денежные средства:

1) ежегодное пособие Министерства земледелия и государственных имуществ;

2) суммы Дербентского городского общественного управления;

3) взносы частных лиц;

4) из доходов сада[3].

При училище был сад, в котором с учащимися проводили практические занятия. В саду росли хорошие сорта винограда, о чем свидетельствует письмо дербентского городского старосты преподавателю специальных предметов в школе садоводства и виноделия Георгию Швейнфурту. Он просит разрешить некоему К.И. Меликову срезать виноградные лозы из образцового сада[4], пользовавшегося у горожан хорошей репутацией.

Для практических занятий учащихся были необходимы опытное поле, теплицы, плодовый сад, вода для поливки огорода. Всего этого приходилось добиваться с большим трудом. Когда Дербентское городское общественное управление просило чиновников дать 200 дес. под опытное поле для училища, им было отказано ввиду того, что этой землей пользовались местные жители. Взамен был предложен маленький участок в 10 верстах от города[5], что было неудобно для учащихся.

Из-за несоблюдения всех требований, предъявляемых к работе училища, Департамент земледелия главного управления землеустройства и земледелия грозился закрыть школу[6].

В Дербентской школе садоводства и виноделия, помимо обучения специальностям садовода и винодела, большое внимание уделялось общему развитию воспитанников. Так, в 1905 г. на имя Дербентской школы из московского магазина «Труд» на Тверской улице отправили 170 книг для воспитанников. Среди книг были сочинения Н.Некрасова, Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева[7]. Помимо книг, на имя Дербентской школы из Москвы из Торгового дома Е.С. Трындина было отправлено различных физико-химико-механических приборов на сумму 464 руб.[8]

---

1. Там же. Д. 8. Л. 231.
2. Там же.
3. Там же. Л. 207.
4. Там же.
5. Там же. Л. 239.
6. Там же. Д. 14. Л. 71.
7. Там же. Д. 8. Лл. 212-215.
8. Там же. Л. 220.

Училище садоводства и виноделия сыграло определенную роль в улучшении в Дербентском районе виноделия с использованием современных технологий переработки винных ягод.

В средних учебных заведениях Дербента существовали именные стипендии: имени поэта Жуковского и имени Петра Великого[1] и т.д.

Как следует из отчета Дербентского городского общественного управления, в 1909 г. в городе были следующие учебные заведения[2]:

1) Начальная Пушкинская школа, содержание которой обходилось в 2334 руб.
2) Русско-татарская школа им. Гоголя — 1300 руб.
3) 2-я русско-татарская школа — 1300 руб.
3) Церковно-приходская школа — 320 руб.
4) Армяно-григорианская школа — 480 руб.
5) Русско-еврейская школа — 480 руб.
6) Реальное училище императора Николая II — 34974 руб.

Казенные учебные заведения:

1) Женская гимназия — 4000 руб.
2) 4-классное приходское училище — 2585 руб.
3) Школа садоводства, виноделия и огородничества — 4000 руб.

Как видно из приведенного списка, содержание учебных заведений обходилось в 52 273 руб. Из этих денег 67% уходило на содержание реального училища.

В отличие от Дербента и Темир-Хан-Шуры в Петровске учебные заведения появились позже, в конце XIX в. По сведениям Е.И. Козубского, в 1892 г. была открыта православная церковно-приходская при военной церкви школа. В начале XX в. в Петровске были следующие учебные заведения:

1) Женская прогимназия, расходы на которую составили 3323 руб.
2) Николаевское городское 4-классное училище — 8720 руб.
3) Александринское городское начальное 1-классное общественное женское училище — 1676 руб.
4) Городское 1-классное казенное приходское училище — 683 руб.
5) Начальное русско-татарское 1-классное училище М. Бабаева.
6) Православная церковно-приходская при городской церкви школа — 400 руб.
7) Начальное железнодорожное училище — 1714 руб.
9) Частное начальное училище г-жи Пальцевой — 1000 руб.

Таким образом, в 1904 г. в Петровске было 10 учебных заведений. Как свидетельствуют источники, к 1916 г. их количество изменилось. Во-первых, закрылось частное начальное училище госпожи Пальцевой. Затем

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13. Л. 14; Оп. 3. Д. 13. Л. 42.
2. Там же. Д. 28. Л. 66 об.

Реальное училище имени Николая II в Дербенте.
Из личного фонда Э.М. Далгат

женская прогимназия, открытая в 1903 г., была преобразована в гимназию. В 1905 г. были открыты мужская гимназия и армяно-григорианская церковно-приходская школа[1]. Всего учебных заведений в 1916 г. в Петровске было 12[2]. Мужская гимназия располагалась в двухэтажном здании на Садовой улице, а женская гимназия находилась в 2-этажном здании на Инженерной улице.

В 12 учебных заведениях Петровска в 1916 г. обучалось 1062 мальчика и 785 девочек, всего 1847 детей[3]. На содержание этих учебных заведений было израсходовано в 1916 г. 108728 руб.[4]

Царская администрация на Кавказе способствовала созданию в крае светских школ, видя в них противовес примечетским школам и надеясь этим ослабить влияние мусульманского духовенства.

В 1905 г. собрание уполномоченных Дербентского общественного управления просило бывшего главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя Г.С. Голицина стать почетным гражданином города Дербента, и в качестве его заслуг перед городом в числе прочих называли то, что «он немало способствовал открытию городом реального императора Николая II училища, а также школы садоводства, виноделия и огородничества»[5].

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 72 «в». Л. 57.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 16. Л. 4.

Несмотря на то, что светских школ в городах с каждым годом появлялось все больше, далеко не все желающие могли получить в них образование из-за высокой платы за обучение. В работе Г.Ш. Каймаразова приводится обращение жителей Дербента к директору реального училища (1909 г.), в котором говорится: «Много лет мы ходатайствовали об открытии в нашем городе какого-нибудь среднего учебного заведения, где мы могли бы воспитывать своих детей, так как посылать их в другие города для многих из нас было недоступно по материальным условиям... В настоящее время плату за учение повысили до 40 руб. в год, чем лишили возможности большинства из нас, со скудным материальным обеспечением, дать своим детям желательное образование, предоставив училище в распоряжение лиц более зажиточных, в большинстве даже богатым»[1]. Авторы обращения просили снизить плату за обучение.

Согласно официальным данным, в 1903 г. более 90% учащихся Дербентского реального училища являлись выходцами из семей дворян, богатых горожан и представителей духовенства[2].

«Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» и «Общество вспомоществования нуждающимся ученикам» горских средних школ, созданные в области, по мнению Г.Ш. Каймаразова, располагали незначительными средствами и не могли оказать нуждающимся существенной помощи[3]. Наряду с учебными заведениями, где обучались совместно девочки и мальчики, в городах Дагестанской области появились женские учебные заведения. Первое такое учебное заведение в Дагестанской области было открыто в 1864 г. в Темир-Хан-Шуре. Это было «училище для бедных девиц всех сословий»[4]. Вначале оно содержалось на средства общественной благотворительности. В школу принимали детей из бедных семей, не моложе 8 и не старше 12 лет. Девочки жили в школе, их кормили, давали одежду и учебные пособия. Содержание каждой должно было обходиться не больше 50 руб. в год. Школой заведовали надзирательницы. Обучение длилось 3 года. Девочек обучали закону Божьему, писать, читать, считать, рукоделию, готовить пищу, печь хлеб, стирать и т.д., т.е. самому необходимому для будущей хозяйки. Школа располагалось в собственном доме, постройка которого обошлась городу в 3156 руб.[5]

В 1872 г. училище было преобразовано в бесплатную школу для приходящих с 2-мя классами. Вначале в школе обучалось 10 девочек, к 1875 г.

---

1. *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 131.
2. Там же. С. 132.
3. Там же. С. 131.
4. *Козубский Е.И.* Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // СМОМПК. Вып. 19. Тифлис, 1894. С. 60.
5. Там же. С. 61.

Мужская и женская гимназии в Петровске. Из личного фонда Э.М. Далгат.

их количество составило 50 человек. По сословиям они распределились следующим образом: дворянок — 17, городских сословий — 33, т.е. большинство учениц происходили не из дворян, а представляли различные слои городского населения.

Представляет интерес конфессиональный состав воспитанниц школы: православных — 36, армянок — 6, лютеранок — 2, евреек — 3, магометанок — 3[1]. Как видим, магометанки составляли всего 6% от общего количества учениц, что, видимо, объяснялось тем, что в Темир-Хан-Шуре 70-х годов XIX в. местного населения было мало, а также консерватизмом родителей. В 1875 г. бесплатная школа была преобразована в 4-классную прогимназию, в которой было 92 ученицы[2].

В Темир-Хан-Шуре было также частное учебное заведение. Оно было открыто в 1859 г. сестрами Н.В. Есиповой и А.В. Лосевой. Для открытия частного учебного заведения требовалось проведение испытания на звание домашней учительницы, но попечитель Кавказского учебного округа, принимая во внимание, что в Темир-Хан-Шуре нет никакого учебного заведения, тогда как потребность в учении ощущается, ходатайствовал перед наместником об открытии пансиона и получил его согласие. В пансион принимались мальчики и девочки, с платой по 120 руб. в год, приходящие платили 60 руб.[3]

В пансионе преподавали: закон Божий, языки русский и французский, арифметику, географию, историю, танцы, чистописание и рукоделие. Пансион просуществовал до 1875 г., когда после открытия мужской и женской прогимназий число учеников сократилось и пансион А. В. Лосевой в Темир-Хан-Шуре закрылся. За труды по содержанию пансиона наместник наградил А.В. Лосеву подарком в 200 руб.[4]

В городах помимо учебных заведений в 70-е годы XIX в. открывались детские садики. В 1874 г. такой «садик» был открыт в Темир-Хан-Шуре княжной М.Г. Макаевой. «Детский садик, по словам инициаторов его открытия, легким, забавным, последовательным и разумным трудом, пением, детской гимнастикой, займет ребенка в продолжении 5-6 часов дня, разумно поведет развитие его мыслительных способностей, исправит то, что испорчено в нем; сообщением рассказов из священной, русской и пр. истории, наглядным обучением по элементарным предметам образует его так, что он войдет в школу, как в свою сферу: школа не будет для него дика и труд, предлагаемый ею, для него будет легок»[5].

---

1. *Козубский Е.И.* Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // СМОМПК. Вып. 19. Тифлис, 1894. С. 62.
2. Там же. С. 62, 63.
3. Там же. С. 64.
4. Там же.
5. Там же. С. 65.

Дети в «садик» принимались с 6 лет, плата была 5 руб. в месяц и при поступлении в школу взималось по 5 руб. на учебные пособия.

Но надежды, возлагаемые на «садик», не оправдались. По заявлению кн. Макаевой «сад трудно прививается», не видно осязаемых результатов, а требования общества ограничиваются умением ребенка читать и писать[1].

В 1876 г. «садик» закрыли, в нем было 13 детей[2].

Помимо светских в городах Дагестанской области существовали мусульманские примечетские школы. В начале XX в. в Темир-Хан-Шуре была 1 такая школа с количеством учащихся 17 человек. В Дербенте, где мусульманское население преобладало, примечетских школ было 8 и в них обучалось 349 учащихся[3]. Эти школы, по-видимому, располагались при квартальных, магальных мечетях. При Джума-мечети существовало медресе, здание которого располагалось во дворе мечети.

Имелись школы и при синагогах. Так, в начале XX в. в Дербенте было 10 еврейских школ, в которых обучалось 245 учащихся, а в Темир-Хан-Шуре было 3 школы, где обучалось 40 еврейских детей[4].

Если говорить в целом о состоянии образования в городах Дагестана, о том, какую долю в городских расходах занимали расходы на образование, то показательными являются сведения из отчета городских уполномоченных Дербента за 1902 год.

Из отчета следует, что собрание уполномоченных предполагало потратить на образовательные учреждения города 13099 руб. в год. Было ассигновано 5045 руб., а фактически израсходовано 3637 руб.[5], т. е. почти на 10 тыс. меньше, чем предполагалась.

В том же году на содержание городской полиции было израсходовано 10854 руб.[6]

А на нужды «медицинской, ветеринарной и санитарной частей» было потрачено всего 2839 рублей[7].

Если суммировать расходы на содержание полиции, нужды образования, медицины и перевести это в проценты, то получится, что в Дербенте в 1902 г. на содержание городской полиции уходило 64%, на народное образование 20% и всего 16% на медицинское обслуживание населения, ветеринарную службу и санитарную часть.

Эти данные дают представление в целом о положении народного образования в городах Дагестанской области в исследуемое нами время.

---

1. *Козубский Е.И.* Очерки истории Темир-Хан-Шуры... С. 66.
2. Там же.
3. Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 165.
4. Там же. С. 165, 164.
5. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 85. Л. 12 об.
6. Там же. Л. 6, 7.
7. Там же. Л. 15 об.

О состоянии медицинского обслуживания горожан и санитарном состоянии городов будет сказано специально.

С вопросом образования городских жителей тесно связан вопрос о библиотеках, читальных залах при них, в которых можно было знакомиться с периодическими изданиями, с большим опозданием приходившими из других, в том числе кавказских и центральных, городов.

Местная газета «Дагестанские областные ведомости» начала выходить в Темир-Хан-Шуре с 1909 г. В ней была официальная часть, где печатались приказы военного губернатора Дагестанской области, публиковались также статьи из городской жизни, например, о перспективах Темир-Хан-Шуры стать курортным местом, о состоянии рыбных промыслов в Петровске и Дербенте. Когда началась Первая мировая война, горожане могли читать здесь сводки с фронтов.

В городах Дагестанской области была единственная публичная библиотека, это Пушкинская общественная библиотека в Петровске. При ней был бесплатный читальный зал, содержание которого взяло на себя Петровское городское общественное управление. Содержание читальни обходилось в 500 руб. в год, городское управление предоставило также помещение под читальню. Книги можно было взять на дом, заплатив небольшую сумму. В начале XX в. в Пушкинской библиотеке было 1500 томов, абонентов было 340, а читальный зал посещали 2616 человек[1].

Частная читальня была и в Дербенте. Она предназначалась для чтения периодических изданий на русс ком, армянском, татарском и еврейском языках. Дербентская читальня, по словам источника, «едва влачит свое существование, занимаясь торговлей канцелярскими товарами»[2], читающей публики среди дербентских жителей было мало.

Библиотеки имелись при уч ебных заведениях, клубах и войсковых частях.

Из библиотек при учебных заведениях самой большой была библиотека реального училища Темир-Хан-Шуры. В начале XX в. в ней было 10124 тома.

Другая хорошая библиотека была при областном статистическом комитете. В ней было 4100 книг, в том числе редких и ценных изданий по кавказоведению[3].

В 1914 г. в Дагестанской области имелось 16 библиотек, они в основном были сосредоточены в городах. Из них 11 библиотек были при учебных заведениях. Книжный фонд всех библиотек не превышал 70 тыс. томов, причем фонд библиотек при учебных заведениях составлял около 55 тыс. томов[4].

---

1. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1904. Вып. 2. С. 166.
2. Там же.
3. Там же.
4. *Каймаразов Г.Ш.* Указ. раб. С. 153.

§ 2. Медицинское обслуживание и санитарное состояние городов

В исследуемое нами время медицинское обслуживание населения находилось на очень низком уровне. Вначале во всех городах области медицинскую помощь можно было получить только в лазаретах военного ведомства. Постепенно стали появляться и другие медицинские учреждения.

Из Обзора Дагестанской области за 1892 год узнаем, что из трех городов области только в Дербенте имелся штатный городовой врач, в остальных же городах обязанности городового врача исполняли или военные врачи местных лазаретов и гарнизона, или вольно практикующие по найму. Кроме того, в каждом городе имелось по повивальной бабке. Больниц гражданского ведомства в городах области не имелось. Частных аптек было три, по одной в каждом городе[1]. В 1907 г. в Дербенте была открыта городская аптека[2].

В 1900 г. возле Петровска находились две частные больницы при фабриках: «Заморозки» К.П. Воробьева и «Общества Каспийской мануфактуры». Кроме того, в Петровске была больница при арестантском исправительном отделении и железнодорожный лазарет[3].

В 1903 г. в Петровске был один санитарный врач (при врачебно-наблюдательном пункте) и 2 фельдшера. В том же году в Петровске был открыт содержащийся на средства попечительства о бедных городской приемный покой при ночлежном доме на 10 кроватей. Забота о бездомных людях в городах была поставлена слабо. Только в Дербенте был приют для бедных с весьма ограниченным числом мест, а в Петровске — ночлежный дом[4]. Плохое состояние медицины в городах области объяснялось мизерными средствами, выделяемыми на эти цели. Этим объяснялось и плохое санитарное состояние городов.

В отчете дербентского градоначальника за 1873 год приводятся тревожные сведения о сокращении городского населения. Причины этого он усматривает в санитарных и климатических условиях, в эпидемических болезнях[5]. Скученность проживания населения в старой магальной части города, «сомкнутость в крепостных стенах» порождала многие проблемы, в первую очередь антисанитарию. Градоначальник видел выход из положения в разрешении горожанам селиться за крепостными стенами[6].

---

1. Обзор Дагестанской области за 1892. Темир-Хан-Шура, 1893. С. 26.
2. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 1. Д. 13. Л. 169.
3. Махачкала 1844-1998. Махачкала, 1999. С. 45.
4. Там же. С. 49.
5. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 81. Л. 12 об.
6. Там же.

Но, к сожалению, санитарное состояние Дербента и в последующие десятилетия продолжало оставаться неудовлетворительным. Так, в отчете полицейского управления Дербента за 1891 г. сказано, что санитарное состояние в этом году было также плохо, как и в прошлые годы: «Верхняя часть города татарская состоит из массы небольших, очень тесно прилегающих друг к другу домов. Улицы до того узки, что проезд невозможен, дворов почти нет, домашние животные (лошади и коровы) в большинстве домов помещаются смежно с жилыми комнатами»[1]. «Ретирады (туалеты. — *Э.Д.*), – сказано далее в отчете, – в самом отвратительном состоянии: содержимое в них поступает в систему канав и потом все выходит в открытую канаву, проходящую через базарную площадь на окраине города. Канавы строятся на сухой кладке или на глине, вследствие чего пропускают нечистоты в почву, которая напитавшись ими издает зловоние. В некоторых местах рядом с канавой с нечистотами проходят водопроводные канавы, которые насыщаются нечистотами»[2]. «В еврейской части, – отмечалось в отчете, – ретирады едва покрыты землей и также издают страшное зловоние. У русских и армян устроены ретирадные ямы громадных размеров, рассчитанные на несколько десятков лет и очищаются один раз в 10–20 лет»[3]. В конце XIX в. в Дербенте не было помоек и помои выливались во дворы или на улицы, туда часто выбрасывали и навоз. Городовых, следящих за порядком в городе, было мало, начальник полицейского управления предлагал завести специальных санитарных сторожей[4].

Несколько десятилетий в Дербенте не было своего санитарного врача, и лишь в 1904 г. Дагестанское областное по городским делам присутствие внесло в смету расход на санитарного врача[5]. В его обязанности входил надзор за рыболовными промыслами, расположенными на 15 верст к северу и югу от города. Санитарному врачу предусматривалось жалованье в 1200 руб. и 300 руб. разъездных[6].

Дербент плохо освещался. Освещение было настолько тусклым, что служило главной причиной имевших место в городе грабежей с тяжкими увечьями, и поэтому в 1909 г. военный губернатор приказал заменить старые тусклые фонари фонарями «Симплекс» 56 штук на 5 300 руб.[7]

Военный губернатор и санитарный надзор в 1909 г. осмотрели существовавшие в Дербенте старые деревянные мясные лавки и пришли к

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. 4. 2 об.
2. Там же. Л. 3.
3. Там же.
4. Там же. Л. 4.
5. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 3.Д. 11. Л. 87 об.
6. Там же.
7. Там же. Д. 28. Л. 1.

выводу, что они «крайне опасны в санитарном отношении»[1]. Было принято решение, поскольку «оставлять мясную торговлю в существующих помещениях невозможно, надо строить каменные лавки»[2].

В Дербенте периодически проводились проверки санитарного состояния различных предприятий пищевой промышленности и общественного питания.

Так, в августе 1916 г. и. д. дербентского городского старосты пригласил помощника городского старосты, полицмейстера, городового врача и санитарного врача для осмотра дербентских конфетных фабрик и лимонадных заводов, для выявления их санитарного состояния[3]. В результате одной из таких проверок санитарный врач Дербента докладывал об антисанитарном состоянии одной из городских кондитерских и харчевни[4].

Отставляло желать лучшего и санитарное состояние предприятий пищевой промышленности в Темир-Хан-Шуре. В 1909 г. в «Дагестанских областных ведомостях» была опубликована статья «Очерк санитарного состояния Темир-Хан-Шуры и мер, необходимых для оздоровления города». В ней отмечалось, что консервные фабрики в городе носили кустарный характер. Приготовление компотов и консервированных овощей совершалось силами членов семьи, без наемных рабочих, в тесном и грязном дворе, под открытым небом, но и на более крупных фабриках обстановка не выдерживала критики с точки зрения санитарных требований[5]. Большая часть хлебопекарен, а их в Темир-Хан-Шуре было 8, кухмистерских, чайных и мясных лавок помещалась в тесных и нередко полутемных зданиях. Их санитарное состояние тоже не отвечало необходимым требованиям[6].

Через несколько лет, а именно в 1913 г., и.д. военного губернатора Дадешкелиани издал «Обязательное постановление для устройства и содержания консервных заводов Темир-Хан-Шуры», по которому новые консервные заводы могли открываться только на окраинах города[7]. Те же заводы, которые находились в центре Темир-Хан-Шуры и по своему устройству и санитарному состоянию не отвечали необходимым требованиям подлежали закрытию[8].

В городах часто фиксировались случаи заболевания инфекционными болезнями, например, тифом. В 1912 г. на совещании дербентских врачей заведующий городской больницей Аствацатуров сообщал, что большинство

1. Там же.
2. Там же. Л. 2.
3. Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 19. Л. 57.
4. Там же. Л. 59, 60.
5. Дагестанские областные ведомости. № 10, апрель, 1909.
6. Там же.
7. Дагестанские областные ведомости. № 28, 8 июля, 1913 г.
8. Там же.

тифозных больных в Дербент поступает с рыбных промыслов Бакинской губернии и Дагестанской области[1]. Как только начинался наплыв рабочих на промыслы, так в городе регистрировались те или иные заразные болезни. Много больных поступало со станций Хачмас, Худат, Ялама. Там больных не лечили на месте, хотя были свои больницы, а отправляли в Дербент[2].

Аствацатуров обращал внимание на крайне бессердечное отношение господ рыбопромышленников к своим заболевшим рабочим. Как только рабочий заболевал, ему выдавали расчет и «сплавляли» с промысла. Рабочий приезжал в Дербентскую больницу, до этого несколько дней жил в харчевне и заражал многих людей[3]. На промыслах абсолютно отсутствовало медицинское наблюдение за жизнью рабочих[4].

Помимо тифа, жителям Дербента угрожало заболевание холерой. Так, в 1904 г. дербентские врачи били тревогу по поводу появления холеры в Персии, несколько случаев заболевания были зафиксированы в Баку[5]. В Дербенте проходили экстренные заседания санитарно-исполнительной комиссии, принявшей решение открыть в городе холерный барак, а также осматривать пароходы, шедшие из Персии в Дербент, минуя Баку[6]. Но, к счастью в 1904 г. холера обошла город стороной.

В Темир-Хан-Шуре, несмотря на относительно благоприятный климат, среди горожан были распространенны такие болезни, как дизентерия, лихорадка, цинга, туберкулез. Причины носили социальный характер: бедность, недоедание, отсутствие самых элементарных гигиенических условий, лекарств, врачебной помощи, чистой воды и т.д.[7] Такое же положение было в промышленном центре Дагестанской области Порт-Петровске.

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 4. Л. 54.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же. Д. 9. Л. 120.
6. Там же. Л. 121.
7. *Гаджиев Б.И.* Темир-Хан-Шура. Махачкала, 1992. С. 30.

§ 3. Водоснабжение городов

В начале рассматриваемого нами периода все три города Дагестанской области были сравнительно неплохо обеспечены питьевой водой, но по мере роста городского населения, появления промышленных предприятий, строительства железной дороги воды стало не хватать.

В Дербенте существовали старинные водозаборы, называемые в источниках фонтанами: Ших-Салах, Джур-Джур-Булаг, Баир-Булаг[1] и т.д. Вода в эти фонтаны издавна поступала из Джалганского источника, водопровод был построен в 1849 г. полевым инженером — капитаном Гершельманом[2].

После того, как нижняя часть города Дербента стала заселяться, военный губернатор просил разрешения наместника построить водопровод на большую Дербентскую площадь из источника Аваин-Булаг, но затем в 4 верстах на юго-запад от города нашли более стабильный Джалганский источник. Деньги — 2800 руб. — на строительство водопровода в город дал наместник, и поэтому его назвали «фонтаном наместника», надпись об этом сохранялась до конца XIX в.[3]

За 50 лет население нижней части города выросло, и воды стало не хватать. Было устроено несколько колодцев, но вода в них была непригодной для питья — в Дербенте появились злокачественная лихорадка, брюшной тиф и даже столбняк, поскольку в подземную воду попадали нечистоты.[4] Нужны были десятки тысяч рублей для исправления Джалганского источника, которых у города не было. В конце XIX в. этим воспользовалось руководство железной дороги. Оно захватило Джалганской родник, вместо того, чтобы разрабатывать для себя новые родники.

На предложение городских властей устроить общий водопровод главная контора Владикавказской железной дороги ответила отказом, ибо в окрестностях Дербента мало источников, т.е. руководство железной дороги не хотело тратить деньги на проведение воды из более отдаленных источников[5].

Опасаясь, что 18-тысячный Дербент останется без воды, городское общественное управление обратилось к военному губернатору с просьбой приостановить работы общества Владикавказской железной дороги по проведению воды из Джалганских источников к станции Дербент.

Вопрос о водоснабжении Дербента неоднократно обсуждался городскими властями и в последующие годы. Так, в 1901 г. было решено отправить

1. ЦГА РД Ф. 14. Оп. 1. Д. 19. Л. 50.
2. Там же. Ф.2. Оп. 3. Д. 202. Л. 4.
3. Там же. Л. 5.
4. Там же. Л. 6 об.
5. Там же. Л. 7.

в Московский университет пробы воды из цитадели и еще нескольких источников для ее анализа[1], а также просить губернатора пригласить геолога для исследования окрестностей города в поисках новых источников воды.

Результаты анализа воды, употребляемой жителями Дербента, оказались неутешительными. Профессор Московского университета Бубнович сообщал, что вода из двух артезианских колодцев в нижней части города содержала огромное количество солей, жесткостью в 1,5 раза превышала норму и не рекомендовалась ни для питья, ни для хозяйственных потребностей[2]. В верхней — магальной — части города было 7 мест разбора воды (фонтанов) и качество воды было неплохое[3].

Самым мощным источником воды в верхнем городе был Джур-Джур-Булаг, находившийся в пользовании жителей 8-го магала. Из-за недостатка воды в 1916 г. он был переведен в распоряжение города. Вместе с тем собрание городских уполномоченных решило:

– отпускать воду жителям 8-го магала бесплатно;

– выдавать обществу бедных мусульманн 8-го магала по 100 руб. ежегодно из сумм (1000 руб.), выделенных на помощь бедным города[4].

Доверенные от жителей 8-го магала согласились на эти условия. Городские власти были вынуждены использовать для городских нужд и родник, принадлежащий жителям 1-го квартала. Недовольство в этой связи высказали жители Дербента Мешади-Гамид Али Султан оглы и Мешади Юсуф Мешади Малад-Рза. Они говорили о том, что после отвода воды городу жители 1-го магала получают недостаточно воды.

Много воды потреблялось военным гарнизоном. Для забора воды из бассейна в районе расположения казарм требовались специальные чековые книжки, которые военным выдавала Дербентская городская управа. Прошение о выдаче такой чековой книжки в апреле 1916 года было подано от 3 роты 262 Оренбургской дружины, расквартированной в Дербенте[5].

Серьезные меры по улучшению водоснабжения Дербента были предприняты в 1916 г. Из докладной записки городского архитектора А. Зульпукарова в Дербентское городское общественное управление видно, что город располагал следующим количеством питьевой воды: «от Джалганских источников 800 ведер, и от Джур-Джур-Булага — 7000 ведер, всего 15 тыс. ведер в сутки»[6]. Численность населения нижней части города составляла 20 тыс. человек, на 1 человека приходилось ¾ ведра, а норма составляла

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 8. Л. 29.
2. Там же. Д. 9. Л. 108 об.
3. Там же. Л. 129.
4. Там же. Д. 20. Л. 80.
5. Там же. С. 74.
6. Там же. С. 101.

при населении 50 тыс. чел. не менее 3-х ведер в сутки, без промышленной потребности[1]. Как видим, горожане потребляли только около 30% необходимого количества воды. Решение вопроса о водоснабжении Дербента могло затянуться и дальше, но шла война и в городские лазареты поступали раненые с русско-турецкого фронта[2]. Необходимо было срочно решать вопрос о воде. 22 апреля 1916 г. в Городской управе были объявлены торги на сдачу с подряда земляных и каменных работ по постройке городского водопровода[3]. Торговому дому Шаевич и Бару в Ростове-на Дону была поручена доставка труб для дербентского водопровода[4].

26 мая 1916 г. инженер А.Зульпукаров составил акт о том, что земляные и каменные работы по постройке водопровода подрядчиком Павлом Шиновым на сумму свыше 3000 руб. выполнены удовлетворительно[5]. Строительство этого водопровода решило вопрос водоснабжения жителей Дербента водой. И тем не менее правила отпуска воды в Дербенте были жесткими. Во-первых, вода отпускалась из водоразборных кранов бочками и ведрами, а также по трубам поступала во дворы и дома. Во-вторых, отпуск воды из водоразборных будок производился в определенные часы, менявшиеся в разные времена года. И, наконец, в-третьих, за воду надо было платить. Такса была следующей: 1) при разборке воды в бочки, в ведра и в ручную посуду взыскивается по 0,5 коп. за ведро; 2) по такому же расчету учитывалась плата при пользовании счетчиками в домовых водопроводах; 3) за водопой крупного скота платили 0,5 коп. за штуку, мелкого скота 0,5 коп. за штуку.

Всякая посуда емкостью менее ведра считалась за ведро[6].

Недостаток в питьевой воде ощущался и в других городах Дагестанской области. Пока Темир-Хан-Шура была военным укреплением с небольшим количеством обитателей, воды хватало, но после обретения ею статуса города и с ростом населения стал ощущаться недостаток воды. В 1876 г. городу Темир-Хан-Шура было выделено 2000 руб. на устройство водопровода[7].

В городе были водоразборные колонки общего пользования, некоторые состоятельные горожане за установленную плату проводили воду в свои дома. Так, город Темир-Хан-Шура в 1894 г. имел с домовладельцев за право пользования водой из городского водопровода доход в 405 рублей, а в следующем — 1895 году доход за пользование водой из городского

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 20. Л. 101.
2. Там же. Л. 2.
3. Там же. Л. 43.
4. Там же. Л. 2.
5. Там же. ЛЛ. 50, 82.
6. Там же. Д. 4. Л. 4.
7. Там же. Д. 118. Л. 10 об., 11.

водопровода посредством отвода воды в частные дома составил уже 490 руб.[1], т.е. количество домовладельцев, проведших воду в свои дома, увеличилось почти на 20%[2]. Это говорит о стремлении горожан облегчить свой быт, создать удобства, но это было по средствам лишь состоятельным жителям города. Менее обеспеченные вынуждены были ходить за водой к общим водопроводным колонкам. В 90-е годы XIX в. темир-хан-шуринский купец второй гильдии Дмитриев провел водопровод в Темир-Хан-Шуру, за что город должен был ему 2000 руб.[3] Об этом сообщал военному губернатору темир-хан-шуринский полицмейстер. Он же отмечал, что «предполагался расход в 2 тыс. рублей, а фактически ушло 7 тыс. рублей»[4].

По мере роста Петровска в нем тоже стал ощущаться недостаток в воде. Источник воды находился, как сказано в документе, «на горе в Амирханкенте»[5]. Населенный пункт с таким названием не сохранился. По нашему мнению, гора, о которой идет речь, это Тарки-тау, ближайшая к Петровску. До 1897 г. от источника до города была проложена каменная крытая канава, по которой вода поступала до городских водоразборов, но эта вода часто была мутной от дождей летом и от растаявшего снега зимой и ранней весной[6]. Поэтому было принято решение вместо каменной канавы провести для воды новые пятидюймовые чугунные трубы из того же источника на Тарки-тау. Работы начались в 1897 г. Протяженность нового водопровода составила 4 версты. Он был доведен до водонапорного бассейна на маяке. Оттуда воду предполагалось провести до водоразборных кранов на Базарной и Провиантской площадях[7]. На проведение этих работ у города денег не было. Военное ведомство пообещало городу беспроцентную ссуду в 40 тыс. руб., но не дало; поэтому от водонапорного бассейна на маяке до кранов на площадях были проложены бывшие в употреблении железные трубы, которые затем предполагалось заменить чугунными[8].

Со времени появления в Петровске промышленных предприятий потребность в воде увеличилась. Много воды требовали железная дорога и хлопчатобумажная фабрика «Каспийская мануфактура». Текстильное производство потребляло большое количество воды, которую брали из главной городской магистральной трубы.

В журнале заседаний Петровского городского общественного управления за 1900 год отмечается, что «летом прошлого года (т.е. в 1899 году.

1. Там же. Д. 77. ЛЛ. 9, 10.
2. Подсчеты наши (*Э.Д.*).
3. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.
4. Там же. Л. 19.
5. Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
6. Там же.
7. Там же
8. Там же.

— *Э.Д.*) в городе оказался недостаток в питьевой воде»[1]. Горожане связывали уменьшение количества питьевой воды в Петровске с тем, что начала работать крупнейшая на Кавказе текстильная фабрика «Каспийская мануфактура».[2] Видимо, эти слухи были небезосновательны. Городским уполномоченным надо было принять меры[3].

Городское управление постановило разрешить владельцу фабрики Решетникову в течение 12 лет за плату 300 руб. в год пользоваться избытком воды из водоразборного бассейна на Инженерной площади. Решетников должен был за свой счет проложить трубы из бассейна к фабрике, не платя за прокладку труб по городской земле[4].

Город гарантировал Решетникову только 2000 ведер в сутки. В случае нехватки воды городу ее отпуск фабрике предполагалось уменьшить до 1500 ведер в сутки. Плату за воду Решетников или его заместитель должны были вносить в городскую кассу ежегодно в январе месяце[5].

Как и в других городах Дагестана, в Петровске имелись общие водоразборные колонки, которыми пользовались городские жители.

Таким образом, по мере роста городов, увеличения населения и развития экономики потребность в воде увеличивалась и городские власти по мере своих возможностей решали проблему водоснабжения.

1. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 76.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.

§ 4. Благоустройство городов

Из сказанного в предыдущих разделах работы может сложиться впечатление, что дагестанские города утопали в грязи, в них царила антисанитария и ничего для их благоустройства не предпринималось. Это не так. Источники показывают, что городскими властями велась определенная работа с целью улучшить санитарное состояние городов, благоустроить их, сделать комфортными для проживания.

Например, из журнала собрания уполномоченных Темир-Хан-Шуры следует, что на улицах города, его площадях и во дворах некоторые жители занимались выделкой саманного кирпича[1]. Это создавало массу неудобств для других горожан. После дождей образовавшиеся ямы наполнялись водой, в них попадали пешеходы, пролётки. На собрании городских уполномоченных в 1896 году было принято решение воспретить жителям Темир-Хан-Шуры делать кирпич в городской черте[2]. В документе за 1901 г. читаем, что за пределами Темир-Хан-Шуры находилась городская земля, «на которой делают саманный кирпич»[3], т. е. саманное производство удалось вынести за городскую черту.

За городской чертой к югу от города находились также ямы для льда, а к северу от города – печь для извести Багиша Саркисова.

Жители Петровска требовали вынести за городскую черту многочисленные частные бондарные заведения, которых благодаря развитию рыбной промышленности в городе много. На них часто случались пожары, поскольку бондарные заведения находились в непосредственной близости от жилых домов, зачастую в их дворах. Петровский мещанин Петр Матушкин в 1910 г. в прошении на имя городского старосты писал: «Я окружен бондарными заведениями»[4]. В результате пожара у него был уничтожен сарай и 7 жилых квартир, на восстановление которых ему было надо 1000 руб. Просил перенести бондарные заведения за город[5]. К сожалению, мы не располагаем данными о том, была ли удовлетворена просьба жителя Петровска.

Определенное внимание городские власти уделяли освещению городов. В 1896 г. в Дербенте было 100 фотогенных фонарей на площадях, улицах, в городском саду. Фонарями освещался также полицейский каземат с караульней при нем[6]. Этого освещения для города было недостаточно.

---

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 198. Л. 2.
2. Там же.
3. Там же. Л. 99.
4. ЦГА РД. Ф. 23. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.
5. Там же. Л. 2.
6. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

Горожане боялись ночью выходить в город, на плохо освещенных или совсем неосвещенных улицах которого хозяйничали грабители. Их жертвовали становились одинокие прохожие, неосторожно вышедшие на улицу в темное время суток. В 1898 г. дербентский полицмейстер поднимает перед городским общественным управлением вопрос о необходимости установить в городе еще 40 фонарей[1]. Улицы и площади освещались круглый год, а городской сад с 1 апреля по 1 ноября[2].

Периодически производились проверки фонарного освещения Дербента. В акте такой проверки в 1898 году говорится, что «... все улицы города освещены весьма тускло... стекла фонарей не чистились несколько месяцев, многие разбиты, заклеены бумагой»[3].

В городах Дагестана объявлялись торги на отдачу в подряд освещения городских улиц и площадей. Подряд обычно давали предложившему самую низкую цену[4]. Согласно кондициям (правилам. – *Э.Д.*), «если освещение будет недостаточным, то подрядчик платит штраф первый раз 5 руб., во 2-й — 10 руб., если он не исправится, у него отбирают подряд»[5].

В 1895 г. во время торгов в Дербенте самую низкую цену предложил «2-й гильдии купеческий сын Гайдар Гаджи Мехти оглы Ахундов»[6], получивший подряд на освещение Дербента на 2 года.

Помимо фотогенных фонарей в городах Дагестана появилось еще одно новшество, призванное облегчить жизнь горожан. Это телефон. В 1901 г. Главное управление почт и телеграфов разрешило темир-хан-шуринскому купцу 2-й гильдии Хизри Гаджиеву устроить телефонное сообщение между принадлежащими ему магазином и консервно-мыловаренным заводом, находящимся в Темир-Хан-Шуре[7].

Несколько позже, в 1910 г., с просьбой установить телефонное сообщение между железнодорожной станцией Мамедкала и имением Геджух обратился к начальнику Владикавказского почтово-телеграфного округа управляющий имением наместника Кавказа графа И.И. Воронцова-Дашкова М.К. Кочергин[8].

Как видим, первыми пользу телефонного сообщения оценили предприниматели. Позже телефоны стали устанавливать и в домах горожан. В 1911 г. начальник Темир-Хан-Шуринской почтовой конторы разослал государственным, частным учреждениям и частным домовладельцам анкету,

---

1. Там же. Л. 81.
2. Там же. Л. 2.
3. Там же.
4. Там же. Л. 20, 67.
5. Там же. Л. 3.
6. Там же. Л. 67.
7. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 62. Л. 10.
8. Там же. Л. 12.

где говорилось, что установить телефонную сеть можно при минимальном числе постоянных абонентов — 40.[1] Плата за пользование телефонном была высокой, и он был доступен только богатым горожанам.

Плата за телефон в центре города для частных лиц составляла 60 руб. в год, государственных учреждений, банков, контор, гостиниц, ресторанов – 75 руб. в год. Те, кто жил далеко от центра, в котором находилась телефонная станция, платили дороже — свыше 2 верст от станции за каждые 100 саженей — 3 руб. в год[2].

Так постепенно блага цивилизации входили в жизнь горожан.

В городах появлялись тумбы для расклейки объявлений, афиш. Было запрещено расклеивать афиши и прочие объявления по стенам домов, фонарным столбам и т. д. [3], как делали раньше. В городах устанавливались киоски для продажи периодических изданий. В 1910 г. к петровскому городскому старосте обратился дворянин С.Д. Казбек с просьбой разрешить ему установить в конце Барятинской улицы — напротив магазина Ульмана — киоск для торговли периодическими изданиями. «Поскольку цель предприятия просветительская, – писал он, – прошу дать место под киоск бесплатно или за малую плату»[4]. Собрание петровских уполномоченных решило отвести под киоск землю в 1 кв. саж. с платой по 2 руб. в месяц на 2 года, по окончании которых он будет снесен[5].

Одним из показателей благоустройства жизни горожан является строительство в городах бань. Помимо старинных бань, функционировавших в Дербенте со средневековья, в 1901 г. купцом 2-й гильдии Гаджи-Мирзой Абдуллаевым в 1-й части города на Врангельской улице была построена благоустроенная баня[6].

Годом раньше, в 1900 г., проживающий в Петровске дербентский купец 2-й гильдии Фейзула Абдуллаев предложил построить «торгово-европейскую баню» на Инженерной улице и просил воду для бани из городского водопровода. Он обещал проложить трубы за свой счет и платить за воду[7].

Собрание уполномоченных разрешило, учитывая, что в Петровске с его 13000 населением есть всего 2 маленькие бани. Но с условием, что баня должна быть построена по образцу европейских торговых бань.

Из письма командира Бакинского порта старосте г. Петровска видно, что при Петровском маяке тоже была баня, при строительстве которой

---

1. Телефон в Темир-Хан-Шуре // Дагестанские областные ведомости. № 29, 17 июля 1913 г.
2. Там же.
3. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 16.
4. ЦГА РД. Ф. 23. Оп. 2. Д. 4 «а». Л. 6.
5. Там же.
6. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 204. Л. 16.
7. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 119.

захватили часть Маячной улицы[1]. Это было нарушением, потому что «земельная собственность Морского ведомства ограничивалась пределами маячного двора»[2].

Определенную роль в благоустройстве городов играла Владикавказская железная дорога. Из документов общественного управления Петровска следует, что в 1900 г. «на средства железной дороги был устроен городской водопой»[3]. Городские уполномоченные приняли «водопой» как сооруженный вполне безукоризненно.

Начальник участка по сооружению Дербентской ветви Владикавказской железной дороги обязался содержать в чистоте и исправности части съезда к морю от гостиницы «Европа» до границы отчуждения Владикавказской железной дороги»[4].

При строительстве железной дороги в черте Петровска был нарушен проезд по Набережной улице, проходящей вдоль морского побережья. Эта улица имела большое значение для городской торговли, так как по ней провозили тяжести по направлению от Старобазарной площади (около нынешнего здания Народного собрания) до Новобазарной площади (угол ул. Леваневского и Пушкинской). Из-за неисправности дороги на Набережной улице все тяжести пришлось перевозить по Барятинской (ул. Буйнакского) и Садовой (ул. Маркова–Даниялова) улицам. Это привело к разрушению мостовых, несмотря на их ежегодный ремонт. Городские уполномоченные обязали администрацию железной дороги восстановить испорченную по их вине дорогу по Набережной улице[5].

За состоянием дорог в городах и при подъездах к городам старались следить городские власти и других городов. Городские уполномоченные Дербента сообщали, что «в 1897 г. исправлялись грунтовые дороги и мосты: полотно почтовой дороги в Северную сторону на протяжении 14 верст, а по Южную — 10 верст с мостами на оных на средства города, из ассигнованных по городскому бюджету 300 руб.»[6]. «Но этой суммы, – отмечали они, – было недостаточно, так как с наступлением осенних дождей и зимы дороги приходят в очень дурное состоянии, почему большая часть дорог находится в неудовлетворительном состоянии, отчего и свободный проезд по тем дорогам в зимнее и осеннее время затруднителен»[7].

Городские власти следили за состоянием общественных мест отдыха горожан. Таким местом в Петровске был городской общественный сад,

1. ЦГА РД. Ф. 23. Оп. 2. Д. 9. Л. 9.
2. Там же.
3. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 56.
4. Там же.
5. Там же. Л. 56 об.
6. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.
7. Там же.

единственное место, где летом можно было найти тень, укрыться от пыли, и там любили гулять горожане.

Но поскольку рядом с общественным садом находился базар, то «по утрам через сад проходили кухарки, повара, обыватели с корзинами, мешками и всякой живностью, днем и даже вечером амбалы (грузчики. – *Э.Д.*) и жители носили всякие хозяйственные принадлежности, тюки. Иногда в сад въезжали даже конные»[1]. Кроме того, в сад забредали пьяные, они ссорились между собой, приставали к гуляющей публике. Здесь появлялись стаями собаки. Такое положение было ненормальным, и петровский полицмейстер предложил закрыть три из четырех входов в общественный сад, а именно: со стороны Барятинской, Базарной улиц. Вход со стороны городского общественного собрания открывать только с 12 часов дня. Постоянно открытым оставить только 1 вход со стороны Садовой улицы и там учредить полицейский пост.

Предложение полицмейстера в октябре 1900 г. обсуждалось на собрании уполномоченных Петровска. Были высказаны разные мнения, в частности, что закрытие входов со стороны Барятинской улицы и со стороны Базарной площади неблагоприятно отзовется на торговле в районах города, расположенных по ту сторону городского сада.

Было решено в летнее время закрывать вход в сад только со стороны Базарной улицы от 4 часов пополудни и до 5 часов утра. Остальные три входа решили оставить открытыми[2].

Таким образом, кухарки из домов состоятельных горожан, повара из многочисленных гостиниц и ресторанов, расположенных в этой части города, а также другие горожане с раннего утра до 4 часов дня могли делать покупки на Базарной площади и, сокращая себе дорогу, идти через городской сад. В 4 часа дня вход в сад со стороны базара закрывался и надо было его обходить. С этого времени в саду гуляла «чистая» публика.

Любимым местом отдыха темир-хан-шуринцев тоже был городской сад. Здесь по четвергам и воскресеньям с 9 часов вечера играла музыка и пел хор. Парк был образован в Темир-Хан-Шуре на месте бывшего озера, которое осушили.

Городские власти в Дагестане стремились поддерживать в городах порядок. Так, в 1899 г. городовой врач Темир-Хан-Шуры просил городовое управление принять участие «в устройстве магистральных канав на окраинах и в тех частях города, где население по бедности не может провести магистрали на свои средства»[3].

---

1. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 128.
2. Там же.
3. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 198. Л. 8.

В том же году дагестанский областной врач распорядился «немедленно обязать домовладельцев Темир-Хан-Шуры, в дворах которых нет сточных канав для помоев, устроить таковые»[1].

Дербентский полицмейстер сообщал в своем отчете за 1895 год, что он установил строгий надзор за продажей хлеба, мяса, овощей и фруктов[2].

Городским властям было нелегко заниматься благоустройством городов потому, что на это выделялось недостаточно средств. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Источники говорят о том, что после введения с 1 января 1896 г. «Городового положения» выросли городские доходы и появилось больше возможностей тратить деньги на благоустройство городов Дагестана. Например, доходы города Петровска за пять лет (с 1891 по 1896 годы) достигли всего 18,5 тыс. руб. После введения «Городового положения» и, как сказано в источнике, благодаря энергии и умелому ведению дела доходы города за 1896 г. были доведены до 56 тыс. руб., а за 1897 г. до 68 тыс. руб., но не за счет увеличения налогов с горожан.[3]

За 2 года после введения «Городового положения» было произведено много работ по благоустройству Петровска.

Были вымощены Барятинская, Садовая и другие прилегающие к ним улицы, на что было потрачено 12 000 руб.[4]

Для улучшения освещения города было дополнительно установлено 100 фонарей на сумму 800 руб., а на их освещение ушло 1000 руб. На базаре было выстроено 54 лавочки и навес над 16-ю торговыми точками. Они приносили городу ежегодный доход в 3500 руб., в то время как на их строительство было потрачено 3000 руб. Был выстроен барак на случай эпидемических болезней и приобретено дезинфекционных средств на 12000 руб.

Соорудили водопровод с водонапорными и водоразборными бассейнами на сумму до 22000 руб. Построили пожарный сарай и купили пожарные принадлежности на 2500 руб. Было проведено еще много мероприятий по благоустройству Петровска. Вместе с расходами на содержание городского общественного управления, расходы на благоустройство города за 2 года составили 70 924 руб.[5]

Посмотрим, сколько тратилось денег на благоустройство Темир-Хан-Шуры. Мы располагаем данными о расходах на благоустройство города до принятия «Городового положения», а именно за 1891–1895 годы, а затем сравним их с расходами на благоустройство за более поздний период.

---

1. Там же.
2. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 3 об.
3. ЦГА РД. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
4. Там же.
5. Там же.

Итак, за 5 лет (1891–1895 годы) на ремонт мостов и дорог в черте города было израсходовано 2040 руб. или в среднем по 400 руб. в год. На освещение городских уличных фонарей за 5 лет потратили 5304 руб., на ремонт двух городских бульваров — 907 руб., на очистку площадей, некоторых переулков и городских окраин — 120 руб., на мощение некоторых улиц и переулков в городе — 5247 руб., на устройство городского водопровода от Армянской церкви до конца города с 5 пожарными кранами в 1892 году — 300 руб.[1] Таким образом, на благоустройство Темир-Хан-Шуры за 5 лет было потрачено 13918 рублей или по 2784 руб. в год.

После принятия «Городового положения» 1896 г. увеличились доходы городов, в том числе Темир-Хан-Шуры, также выросли расходы на их благоустройство, поскольку города росли, увеличивалось их население, появлялись новые улицы, прокладывались водопроводы и т. д.

Из сметы доходов и расходов г. Темир-Хан-Шуры на 1914 год следует, что на благоустройство города предполагалось потратить 5843 руб.[2], т. е. за 20 лет расходы на благоустройство увеличились почти вдвое. Надо отметить, что и городской бюджет примерно за это время вырос тоже вдвое. В 1911 г. он составлял уже 53268 руб., в то время как в 1896 г. он составлял всего 26337 руб.[3].

Решение о том, сколько средств потратить на благоустройство городов, принимало собрание городских уполномоченных, но фактический расход денег на те или иные работы но благоустройству городов не всегда совпадал с запланированным, осваивались не все деньги. Часто бывало так, что на благоустройство города собрание уполномоченных закладывало одну сумму, ассигновалась казной другая, как правило, меньшая сумма, а фактически осваивалась третья, еще меньшая сумма денег.

Так, в 1902 г. расходы на благоустройство Дербента выглядели следующим образом: содержание и ремонт мостовых — 1100 руб. (по решению собрания уполномоченных Дербента); содержание общественного сада и сквера — 2200 руб. (по решению собрания уполномоченных), в действительности израсходовано 226 руб. 24 коп; содержание и ремонт моста — 400 руб. (по решению собрания уполномоченных), в действительности потратили 189 руб.; исправление городских дорог — 500 руб. (по решению собрания уполномоченных), в действительности потратили 463 руб.; содержание колодцев, сточных канав и протоков — 200 руб. (по решению собрания уполномоченных), 151 руб. (в действительности); новые расходы по благоустройству города — 15994 руб. (собрание уполномоченных), 1271 руб. (реально), 2573 руб. (ассигновано).[4]

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Лл. 15-19.
2. ЦГА РД. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
3. Там же.
4. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. Д. 85.

Женская баня в Дербенте XVIII в.
Из личного фонда Э.М. Далгат

Как видим, дербентские уполномоченные заявляли большую сумму, чем ассигновалось, но даже эти деньги осваивались не полностью.

Между городскими властями Дагестана и Бакинской казенной палатой шла борьба по вопросу о смете расходов. Первые старались заложить большую сумму денег на благоустройство городов, а управляющий Бакинской казенной палатой стремился ее уменьшить».

Например, в 1909 году управляющий Бакинской казенной палатой предложил сильно сократить предполагаемые расходы на благоустройство Дербента. Уполномоченные хотели потратить 6000 руб. на мощение Базарной улицы, управляющий предложил это отложить и потратить 3000 руб. «на устройство и ремонт мостовых».

На содержание городской водопроводной канавы уполномоченные хотели потратить 2830 руб., управляющий предложил сократить сумму до 1780 руб.

Дербентские власти планировали потратить 900 руб. на содержание городских свалок нечистот, управляющий предложил потратить 300 руб.

Дербентцы хотели построить каменные мясные лавки на базаре, управляющий посчитал, что город может обойтись деревянными лавками.[1] Противостояние между дагестанской администрацией и Бакинской казенной палатой происходило почти по каждому пункту расходов на

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13. Л. 90-93.

благоустройство Дербента. Казенная палата старалась свести к минимуму деньги на эти цели, а областные власти защищали интересы городов Дагестана.

Посмотрим, какую часть в основных городских расходах составляли расходы на благоустройство, например, Дербента.

В 1904 г. на содержание городского общественного управления ушло 16550 руб.:

на содержание городской полиции — 12072 руб.

на народное образование — 36619 руб.

медицинскую, ветеринарную и санитарную части — 18861 руб.

на уплату долгов — 7100 руб.

другие разные расходы — 23074 руб.;

на благоустройство города — 13215 руб.[1]

Итого главные расходы Дербента в 1904 г. составили 128 491 руб. Из них всего 13% приходилось на благоустройство города.

Такое же положение сложилось и в других городах Дагестанской области, на их благоустройство тратилась незначительная часть городского бюджета.

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13. Л. 23.

§ 5. Культурная жизнь в городах

Культурная жизнь городов зависела от ряда причин, в том числе от величины города, его экономического развития, состава населения (этнического и сословного). В городах Дагестанской области были сосредоточены учреждения культуры — театры, музеи, библиотеки, издательства, а также учебные заведения, о которых было сказано ранее.

Культурная жизнь, образ жизни горожан в трех городах Дагестанской области различался. В Дербенте образ и стиль жизни горожанина зависел от того, в какой части города он жил. Стиль жизни обитателя магалов резко отличался от того, как жили в нижней европейской части города. По-разному одевались, по-разному проводили свое свободное время, разным был семейный уклад.

Жители Петровска, самого «русского» из городов Дагестанской области, вели образ жизни, мало чем отличавшийся от жизни других провинциальных городов империи — изнурительный труд на железной дороге, в морском порту, на промышленных предприятиях, малочисленные развлечения, пьянки в трактирах и т.д.

В Темир-Хан-Шуре, областном центре, на образ жизни горожан, на культурную жизнь в городе определенный отпечаток накладывало то, что здесь находилось чиновничество областной администрации, были расквартированы воинские части. Наличие большого числа военных, их участие в общественной жизни города, полковые праздники, на которые приглашались и гражданские лица, все это придавало своеобразие стилю жизни в Темир-Хан-Шуре. Кроме того, здесь предпочитали жить представители феодальной верхушки, отстраненные от активной политической жизни, но не утратившее привычки жить широко и праздно.

Об образе жизни дербентцев, об их нравах хорошо написал И.И. Березин, побывавший в городе в 40-е годы XIX в. Он отмечал, что «у дербентцев характер представляет собой смесь персидского с горским. В мусульманской части города общественная публичная жизнь проходит на базарах, на улицах, в караван-сараях, в банях, мечетях», – пишет И.И. Березин[1]. Вот как он описывал дербентский базар.: «… крик разносчиков ветоши, стук медников, занимающихся своей работой, пронзительные вопли погонщиков оглушат непривычные уши, а важный вид краснобородых купцов, безмолвно сидящих на карточках перед товаром, едва стоящим в сложности сто руб. серебром, поставит наблюдателя в совершенное недоумение»[2].

О высших слоях мусульманского общества Дербента И.И. Березин говорит, что «дербентские беки ведут по преимуществу жизнь праздную и

1. См.: *Козубский Е.И.* История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 236.
2. Там же.

только в крайности занимаются мелкой промышленностью. Молодые беки – охотники до европейских нравов и до европейского вина»[1].

Тяга к европейским нравам, нарядам была присуща и женщинам-мусульманкам. «Незадолго до моего приезда в Дербент, – пишет И.И. Березин, – одна дербентская львица, превосходное произведение природы, ввела в моду европейские чулки. Ее осуждали, но, тем не менее, дербентские дамы подражали новой моде очень усердно»[2].

И.И. Березин отмечал, что «мужчины и женщины в Дербенте довольно хороши собой: женщины ходят здесь уже под покрывалом и желающие лично убедиться в женской красоте должны, как я, по вечерам лазить на кровлю или сидеть у дербентских фонтанов, куда приходят толпами дербентские девицы и девочки за водой с кувшинами на головах, точно как самарянки»[3].

В отличие от мусульманской части Дербента, в его европейской части, по мнению И.И. Березина, «нет русской публичной жизни». «Русское общество», – пишет он (речь идет о 40-х годах XIX в. — *Э.Д.*), – очень немногосложно. Чтобы видеть комплект дербентского общества, стоит в праздник сходить к обедни в русскую церковь: здесь все члены налицо. Но увы, как их мало, дам почти не видно, девица же в Дербенте существо баснословное. И далее, прибывшие с различных концов империи чиновники сидят по своим квартирам»[4].

В последующие десятилетия культурная и общественная жизнь в Дербенте стала более оживленной. Одной из составляющих культурного облика городов Дагестанской области являлись *культурно-просветительные общества*. Они были очагами культуры, через них горожане приобщались к культурным ценностям.

В городах Дагестана возникло несколько таких обществ. Первым по времени возникновения было темир-хан-шуринское общественное собрание, устав которого наместник утвердил в 1880 г. Членами собрания могли быть только состоятельные горожане, поскольку годовой взнос составлял 15 руб.[5] Женщины, учащиеся, мещане и крестьяне членами собрания быть не могли[6].

Общественное собрание проводило для своих членов и их гостей балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, драматические представления. Собрание выписывало книги, газеты и другие периодические издания. Важной стороной деятельности собрания было

1. См.: *Козубский Е.И.* История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 236.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Устав темир-хан-шуринского общественного собрания. Темир-Хан-Шура, 1880. С. 5.
6. Там же. С. 3.

приглашение специалистов для чтения лекций, для расширения кругозора своих членов. Все мероприятия, проводимые собранием, его члены посещали бесплатно, а их гости должны были за вход платить 25 коп., за посещение танцевального вечера — 50 коп., а во время бала — 1 руб.[1]

Важную роль в просвещении городского населения играло Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области, устав которого наместник утвердил в октябре 1905 г.[2]

Целью Общества было содействовать развитию образования среди коренного населения области и распространению между ним технических знаний. Кроме того, Общество считало необходимым «помочь населению Дагестана приобщаться к европейской культуре, сохраняя коренные основы его жизни и быта, как религиозные, так и общественно-нравственные»[3].

Общество было учреждено представителями верхушки дагестанского общества. Это помещики Асельдер Бек Казаналипов, Зубаир Бек Тарковский, Хан Тарковский, подполковники Г. Хасбулатов, Пирали Эмиров, инженер Зубаир Темир-Ханов[4].

Через два года после учреждения Общества его членами состояло уже 210 человек. Почетными председателями общества были наместник Кавказа граф И.И. Воронцов-Дашков и военный губернатор Дагестанской области Е.Ф. Тиханов. Члены Общества подразделялись на почетных, пожизненных и действительных.

На взносы членов Общество в 1907 г. купило большой дом в центре Темир-Хан-Шуры. В нем было открыто общежитие, в котором на полном иждивении общества содержалось 12 мальчиков из бедных семей, по одному человеку из каждой народности Дагестана.

Общежитие и школа при нем приобрели большую популярность среди мусульман Темир-Хан-Шуры и окрестных селений, и было много желающих поступить в общежитие и учиться в школе. Из-за тесноты помещений правление было вынуждено многим из них отказывать в приеме[5].

В пользу Общества поступали пожертвования не только от жителей Дагестанской области, но и извне. Так, Общество распространения образования и технических знаний среди горцев Терской области перечислило 800 руб. в пользу Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области[6]. 200 рублей были перечислены Обществу известной

---

1. Устав темир-хан-шуринского общественного собрания. Темир-Хан-Шура, 1880. С. 7.
2. Устав Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1905. С. 1.
3. Отчет о деятельности Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1907. С. 1.
4. Устав Общества... С. 6.
5. Там же.
6. Отчет о деятельности … С. 25.

Театр в Темир-Хан-Шуре, построенный меценатом Хизри Гаджиевым в 1916 г. Из личного фонда Э.М Далгат

благотворительницей из Владикавказа ханшей Ниса-ханум[1], которая была женой дагестанца М.М. Далгата, работавшего владикавказским городским врачом[2].

4 февраля 1906 г. правление Общества устроило благотворительный национальный Дагестанский вечер, который принес чистый доход в 1682 руб.[3] Этот музыкально-вокальный, с танцами, буфетами, кухней и киосками вечер имел большой успех у темир-хан-шуринцев. В вечере принимали участие офицеры 2-го Дагестанского конного полка во главе с его командиром ханом Нахичеванским, накануне прибывшим с театра военных действий русско-японской войны. Командир 1-го Дагестанского конного полка А.П. Фурцев бесплатно предоставил устроителям вечера полковой хор[4].

1. Отчет о деятельности Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1907. С. 55.
2. *Далгат Э.М., Магомедова С.А.* Далгат Магомед Магомедович. Личность и общественно-политическая деятельность. Махачкала, 2013. С. 164.
3. Отчет о деятельности Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1907. С. 25.
4. Там же. С. 27.

В конце XIX — начале XX в. в городах Дагестана были созданы любительские музыкально-драматические кружки. Первый был создан в 1899 г. в Темир-Хан-Шуре, а в 1903 г. — в Дербенте. Целью кружков было содействовать распространению классической музыки и драматического искусства среди населения городов и близлежащих селений.

Для этого кружки устраивали публичные концерты, драматические и оперные представления, комедии, водевили, литературные чтения и т.д. О каждом мероприятии, проводимом кружком, необходимо было известить полицию, представитель которой обязан был присутствовать на нем[1].

Средства любительских кружков складывались из членских взносов, сбора с пришедших на литературные вечера и другие мероприятия. Своими благотворительными спектаклями и концертами кружковцы поддерживали местные культурно-просветительные общества, в том числе «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области»[2].

К числу культурно-просветительных обществ относились «Общество по устройству народных чтений в городе Темир-Хан-Шуре и Дагестанской области», Устав которого был утвержден в июле 1903 г. в Министерстве народного просвещения. Общество было создано «для сообщения народу общеобразовательных и полезных сведений по всем отраслям знаний»[3].

Членами Общества по воскресным и праздничным дням в Темир-Хан-Шуре читались лекции, устраивались спектакли, концерты. С посетителей взималась плата. Как отмечает Г.Ш. Каймаразов, «о практической деятельности Общества мало что известно. Надо полагать и потому, что оно не пользовалось доверием основной массы местного населения»[4].

Тем не менее, архивные материалы свидетельствуют, что Общество провело 27 чтений с туманными картинами. Каждое чтение посетило 128 человек. Из-за скудности собственных средств, на проведение мероприятий деньги были выделены Обществу народных чтений «Областным комитетом Попечительства о народной трезвости»[5].

Темы лекций были разнообразными, это литературные произведения: «Кавказский пленник» Л.Н. Толстого, «Хозяин и рыбак» Л.Н. Толстого; исторические: «Владимир Св. и крещение Руси», «Куликовская битва», «Петр Великий», религиозные: «Кирилл и Мефодий» и т.д.[6]

---

1. Устав Темир-Хан-Шуринского музыкально-драматического кружка любителей. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 5.
2. Отчет о деятельности Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1907. С. 28.
3. Устав Общества по устройству народных чтений в городе Темир-Хан-Шуре и Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 2.
4. *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX в. Махачкала, 2007. С. 62.
5. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 34. Л. 60, 61.
6. Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 270.

Городской театр в Петровске. МИМ

В городах области существовали и общества, организовывавшие досуг детей. Первое такое общество называлось «Темир-Хан-Шуринское общество детских развлечений», и было оно открыто в 1910 г. Как сказано в Уставе, «Общество предоставляет, вне школьного времени, детям своих членов, полезные развлечения и занятия воспитательно-образовательного характера»[1]. Предполагалась организация для детей различных игр, популярных чтений, экскурсий по историческим местам и т.д.

У Общества была детская площадка для игр. Посещение ее было платным. Желающим посещать ее надо было уплатить 5 рублей в год, розничный взнос составлял 2 коп. с ребенка[2].

Другое общество для организации полезных развлечений для детей было создано в 1915 г. тоже в Темир-Хан-Шуре. Оно называлось темир-хан-шуринское общество «Алексеевская детская площадка». Цели и задачи этого Общества были такими же, как и у «Общества детских развлечений», о котором говорилось выше[3].

Средства Общества слагались из членских и единовременных взносов, входной платы на площадку, платы за обучение в детском саду, денежных пожертвований и т.д.[4]

---

1. Темир-Хан-Шуринское общество детских развлечений. Темир-Хан-Шура, 1910. С. 5.
2. Там же. С. 14.
3. Устав темир-хан-шуринского общества «Алексеевская детская площадка». Темир-Хан-Шура, 1915. С. 1, 2.
4. Там же. С. 2.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о практической деятельности обществ по организации детского досуга.

Важным аспектом общественной и культурной жизни городов Дагестанской области была *благотворительность* или, если взять шире, помощь бедным вообще. Бюджетные расходы на общественное призрение, здравоохранение и народное образование были недостаточными. Поэтому большое значение имели частные пожертвования. Как отмечает Г.Н. Ульянова, развитие российской благотворительности в период XIX — начала XX в. было связано, прежде всего, со стремительными социально-экономическими изменениями в жизни России. С одной стороны, росло количество бедных и безработных, с другой — наблюдался цивилизационный процесс, выражавшийся в европеизации форм социальной жизни (к примеру, происходило уменьшение роли знахарства и усиление внимания медиков-профессионалов в городской и сельской местности, что порождало необходимость создания больниц современного типа)[1].

Если говорить о благотворительности в Дагестане вообще, то вдовы, сироты и старики, лишенные возможности работать и нуждающиеся в постоянной помощи, получали ее из сборов, установленных Кораном и называемых «закятом». В закят поступала известная часть доходов мусульманина, которую он или сам раздавал бедным или передавал духовным лицам.

Что же касается благотворительных обществ, то они существовали только в городах области. Первым по времени создания было Темир-Хан-Шуринское «Общество для вспоможения бедным», Устав которого был утвержден 19 мая 1871 г. наместником Кавказа, великим князем Михаилом Николаевичем. Целью Общества было «призрение беднейших граждан города и облегчение их нужд, посредством денежных и других постоянных и единовременных пособий»[2]. Причем Общество распространяло свою благотворительность не только на постоянных граждан Темир-Хан-Шуры, но и на временно проживающих в ней лиц всех сословий и вероисповеданий[3].

Позже в Дагестанской области возникло еще несколько благотворительных обществ. В конце XIX в. были созданы Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Темир-Хан-Шуринского реального училища[4] и Общество вспомоществования нуждающимся ученикам города Дербента[5].

---

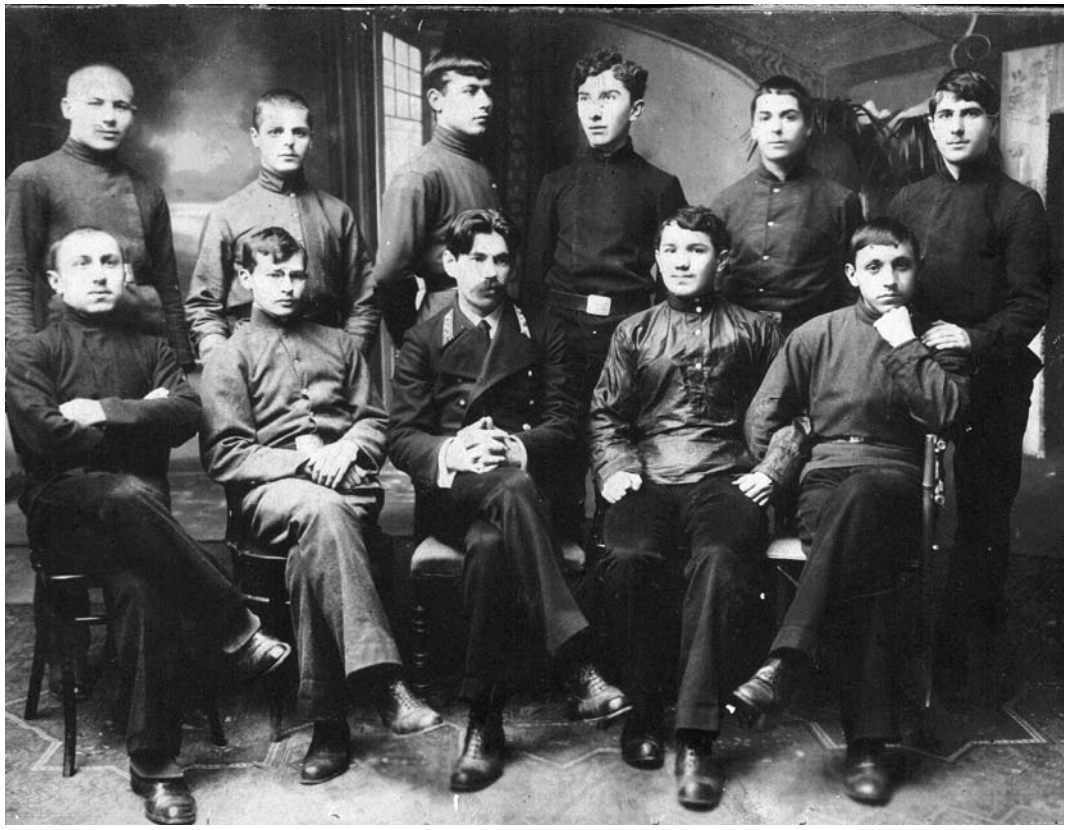
1. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX века. М., 2005. С. 9.

2. Устав Темир-Хан-Шуринского Общества для вспоможения бедным, утвержденный 19 мая 1871 г. Его Императорским Высочеством Великим князем Михаилом Николаевичем. Без места и года издания.

3. Там же.

4. Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Темир-Хан-Шуринского реального училища за 1897 г. Без места и года издания.

5. Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам города Дербента. Дербент, 1899.



Литературный кружок Петровской мужской гимназии. 1914-1916 гг. ДГОИАМ

В 1900 г. в городах области возникли попечительства для сбора пожертвований для оказания помощи нуждающимся и постоянного наблюдения за ними[1].

Председателями попечительств были городские старосты. Для удобства работы попечительств города разделялись на несколько участков, во главе которых стояли участковые попечители. Лица, оказавшие делу благотворительности особые услуги или сделавшие крупные пожертвования, избирались почетными членами попечительств.

Статья в «Бакинских известиях» в общих чертах дает представление о деятельности благотворительных обществ в начале XX в. В Темир-Хан-Шуре существовало благотворительное общество, состоявшее из 35 действительных членов, одного почетного члена и двух учредителей.

1. Правила Попечительства, учреждаемого в городе Петровске, Дагестанской области, для сбора пожертвований для оказания помощи нуждающимся и постоянного наблюдения за ним. Без места и года издания; Правила Дербентского городского попечительства для сбора пожертвований, оказания помощи нуждающимся и постоянного наблюдения за ними. Без места и года издания.

Доходы общества складывались из членских взносов — 117 руб., доход от основного капитала — 460 руб., поступило от спектакля, данного в пользу общества драматическим кружком любителей, — 150 руб., основного капитала числилось — 7104 руб. 50 коп.

Расходы общества: содержание амбулатории — 640 руб., вместе с другими расходами — 819 руб. 61 коп.[1]

Темир-Хан-Шуринское «Общество вспомоществования нуждающимся ученикам реального училища», о котором говорилось выше, состояло из 62 членов. В 1902 г. доходы общества составляли 553 руб. 15 коп., а расход — 523 руб. 25 коп. Из этих денег была внесена плата за учебу 35 учеников из малоимущих семей, а также куплена одежда для 5 учеников.

Такое же Общество вспомоществования нуждающимся ученикам существовало в Дербенте. Оно насчитывало 94 члена. В 1902 г. доходы общества составляли 1216 руб. 35 коп., а расходы 1007 руб. 43 коп. Обществом внесена плата за обучение 21 ученика.

Другим благотворительным заведением был Попечительский совет темир-хан-шуринской женской гимназии. Его доходы в 1902 г. составляли 4544 руб. 92 коп., а расходы — 3771 руб. 21 коп.

При Дербентской женской прогимназии тоже был свой Попечительский совет. Его доходы составляли 13770 руб. 88 коп., а расходы — 4713 руб. 52 коп.

Помимо попечительских советов при учебных заведениях в городах Дербенте и Петровске были попечительства о бедных, о которых говорилось выше.

Дербентское городское попечительство о бедных состояло из 275 членов. Его доходы составляли 3533 руб., а расходы — 2008 руб. 93 коп.

Петровское городское попечительство о бедных состояло из 27 членов. Приход его составлял 1439 руб., а расход — 716 руб. 45 коп.[2] В 1902 г. в Петровске был открыт ночлежный дом на 110 человек и сдан в аренду частному лицу. Такса ночлежного дома составляла: ночлег 3 коп., за 0,5 порционного обеда — 4 коп., 1 фунт хлеба 3 коп. В течение года в ночлежке ночевало 15120 человек. Расход на ночлежный дом выразился в сумме 7781 руб. 32 коп.[3]

В областном центре Темир-Хан-Шуре обсуждался вопрос об оказании помощи неимущим лицам вне благотворительных учреждений. Для того чтобы поставить это дело на должную высоту, было предложено учредить особую комиссию под председательством помощника военного губернатора. В ее состав предполагалось включить следующих членов: дагестанского

1. Бакинские известия. 25 июня. 1902.
2. Там же.
3. Там же.

областного врача, темир-хан-шуринского полицмейстера и городского старосту. Эта комиссия должна была принимать прошения от лиц, нуждающихся в пособии, выяснять их имущественное положение и действительно ли они нуждались в пособии, затем комиссия должна была протоколы обследования и свое мнение по данному делу представить в областную канцелярию. Одновременно с учреждением названной комиссии начальником Дагестанской области было возбуждено ходатайство об ассигновании для выдачи пособий бедным кредита на первое время, пока в размере 500 руб.[1]

Для оказания помощи малолетним сиротам городское Общественное собрание Дербента решило создать в городе детский приют. Для него было снято помещение в доме помощника городского старосты Векилова. Помещение обставили детскими кроватями, прочей мебелью, хозяйственным способом заготовили белье, предметы первой необходимости. Был нанят необходимый служебный персонал. Когда все это было сделано и можно было открывать приют, выяснилось, что нет детей, для которых он создавался. Большинство дербентцев — азербайджанцы, евреи и армяне — придерживались патриархального семейного была и ни за что не отдавали детей, даже оставшихся сиротами, в приют. А немногочисленное русское население было сравнительно неплохо обеспечено и не нуждалось в приюте. После нескольких месяцев «бездетного» существования в приют было определено двое детей[2].

В Дербенте была также городская богадельня, в которой коротали свой век 2-3 старухи[3].

Как видно из приведенных примеров, патриархальный уклад жизни, сохранявшийся в Дербенте и в начале XX в., поддержка в замкнутых этноконфессиональных группах горожан своих членов делали невостребованными или слабо востребованными такие заведения общественного призрения, как детские приюты и богадельни для стариков. Тем не менее, городские власти приняли решение о создании приюта, действовала и богадельня, несмотря на незначительное число обитателей. На наш взгляд, это объясняется общей тенденцией к развитию благотворительности, европеизации форм социальной жизни.

Помимо заботы о малолетних сиротах и стариках, в обществе было принято проявлять заботу и тех, кто сидел в тюрьмах. Нами просмотрены дела Темир-Хан-Шуринского комитета попечительного общества о тюрьмах Дагестанской области. Из них следует, что тюрьмы имелись во всех трех городах области. При них создавались «попечительные о тюрьмах комите-

1. Кавказ. 19 августа. 1901.
2. Бакинские известия. 19 мая. 1904.
3. Бакинские известия. 25 июня. 1902.

ты». В их задачу входила благотворительная помощь арестантам. Членами «попечительных о тюрьмах комитетов» были известные и уважаемые в обществе люди, в количестве от 14 человек (в Петровске и Дербенте) до 17 человек (в Темир-Хан-Шуре)[1]. Так, например, в 1906 г. членами Темир-Хан-Шуринского «попечительного о тюрьмах комитета» являлись: военный губернатор Дагестанской области генерал-лейтенант Е.Ф. Тиханов (вице-президент), генерал-майор К.С. Соловьев, коллежский асессор Зубаир Темирханов, лекарь Рувим Янкелевич, инженер И.А. Ваганов, городской староста Н.А. Закутовский, купцы Мала Абдул Рагим Талибов, Даидбеков, А.Я. Авдеев, Ив. Герасимович Какаев, секретарем комитета был Н.С. Загорянский, всего 17 человек[2].

Члены «попечительных о тюрьмах комитетов» платили ежегодные взносы. Обычно это были суммы от 5 рублей и выше. Так, например, начальник Петровского торгового порта отставной генерал-майор Завалишин в 1905 г. заплатил взнос в 15 руб., другие члены комитета по 5 руб.[3] На содержание тюрем деньги поступали из разных источников:

а) казенные суммы;

б) из частных сумм;

в) взносы членов комитетов;

г) кружечный сбор[4].

Кружечный сбор, о котором говорится в источнике, – это сбор добровольных подаяний в пользу арестантов. Так, в Темир-Хан-Шуре в 1909 г. кружки для сбора подаяний выставлялись в общественных местах, где было много народа, а именно: при канцелярии военного губернатора, в темир-хан-шуринском мировом отделе, при храмах: православной церкви, католическом костеле, армянской церкви, татарской и персидской мечетях, синагоге горских евреев и синагоге европейских евреев[5].

Кружечные сборы обычно были небольшими. Так, в Дербенте в 1906 г. он составил всего 1 руб. 72 коп.[6], в то время как взносы членов попечительного комитета составили 25 руб.[7]

На заседаниях «попечительных о тюрьмах комитетов» обсуждали вопросы о налаживании в тюрьмах какого-либо производства, на котором могли бы работать арестанты. Например, на заседаниях Темир-Хан-Шуринского попечительного комитета постановили завести хлебопекарню в тюрьме, на которой будут работать арестанты, а также завод по выработке

1. ЦГА РД. Ф. 8. Оп. 8. Д. 1. Л. 2.
2. Там же.
3. ЦГА РД. Ф. 8. Оп. 9. Д. 1. Л. 12.
4.Там же. Л. 8.
5. Там же. Оп. 11. Д. 3. Л. 15.
6. Там же. Оп. 9. Д. 1. Л. 8.
7. Там же.

*Прибытие наместника Кавказа на сельхозвыставку. Наместник Его Императорского Величества на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков; статс-дама графиня Е.А. Воронцова-Дашкова; сенатор Э.А. Ватаци; военный губернатор Дагестанской области генерал-лейтенант С.В. Вольский.**

саманного кирпича[1]. Но затем решили отложить этот вопрос до более благоприятного времени[2].

Пожертвования в пользу арестантов частные лица делали в виде определенных денежных средств, а также продуктами. Так, например, директор Темир-Хан-Шуринского тюремного комитета Авдеев делал пожертвование продуктами на улучшение пищи заключенных в местную тюрьму. Он отпускал муку, крупу, масло, сыр, яйца, мясо примерно на 150 руб. каждый год (1902–1905 гг.) — арестантам на праздники христианские и Курбан-байрам[3]. За заслуги по тюремному ведомству Яков Авдеев был пожалован 21 января 1906 г. золотой шейной медалью с надписью «За усердие» на Андреевской ленте[4].

В городах области время от времени устраивались различные выставки, которые охотно посещали не только горожане, но и жители селений.

---

1. ЦГА РД. Ф. 8. Оп. 10. Д. 2. Л. 1.
2. Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 2.
3. Там же. Оп. 8. Д. 3. Лл. 10–15.
4. Там же.

* Обзор Первой областной дагестанской сельскохозяйственной выставки. Темир-Хан-Шура, 1913. С. 4.

*Молебен перед открытием Первой областной дагестанской сельскохозяйственной выставки. Темир-Хан-Шура, 1912 г.**

Важным событием культурной жизни области явилось открытие в Темир-Хан-Шуре Первой областной дагестанской сельскохозяйственной выставки. Она работала 15 дней, с 15 апреля по 30 апреля 1912 г. [1]

На торжественном открытии выставки присутствовали наместник граф И.И. Воронцов-Дашков с супругой статс-дамой Елизаветой Андреевной, помощник наместника по гражданской части сенатор Ватаци, свита наместника, представители местной администрации и населения во главе с военным губернатором Дагестанской области Вольским[2].

Особую торжественность и значимость событию придала телеграмма, присланная Николаем II. В ней он пожелал успеха сельскохозяйственной выставке в Дагестане, которая по его мнению должна помочь мирному развитию богатого края[3].

Выставка открылась в здании Народного дома. На выставке внутри помещения находились разделы: кустарный, шелководства, пчеловодства,

1. Обзор Первой областной дагестанской сельскохозяйственной выставки. Темир-Хан-Шура, 1913. С. 1.

2. Там же. С. 5.

3. Там же. С. 2.

* Там же. С. 4.

Изделия дагестанских ремесленников, продававшиеся в городах области. Из личного фонда Э.М. Далгат

садоводства и виноделия, часть молочного отдела. Снаружи дома огорожена была большая площадь, где в стойлах поместились отделы животноводства и птицеводства. Под особым навесом были размещены сельскохозяйственные орудия и инструменты. В отдельных палатках были представлены изделия кубачинских и унцукульских мастеров. Ко дню открытия все сооружения выставки были украшены флагами и гирляндами зелени.

Выставка вызвала большой интерес жителей Темир-Хан-Шуры, а также всего сельского населения области. За две недели работы выставку посетило более 30000 человек[1].

Особый интерес горожан вызвал отдел старины. В нем их внимание привлекли старинные шашки и сабли, древняя бронзовая чаша, две старинные древнеримские плиты с изображением свиней и римских воинов, старинный Коран из Кумухской мечети с замечательным переплетом и рисунками, фарфоровая и фаянсовая посуда, которой несколько веков, и много других предметов[2].

1. Обзор Первой областной дагестанской сельскохозяйственной выставки. Темир-Хан-Шура, 1913. С. 5.
2. Там же. С. 19.

*Открытие сельхозвыставки в Темир-Хан-Шуре.**

*Чиновники кавказской администрации на сельхозвыставке в Темир-Хан-Шуре. 1912 г.**

*Экспонаты винодельческих фирм на сельхозвыставке 1912 г.**

По итогам выставки экспертная комиссия присудила за лучшие экспонаты: большие и малые серебряные, а также бронзовые медали, похвальные листы, почетные отзывы и денежные награды.

Были награждены не только отдельные мастера за высококачественную работу, но и учебные заведения. Так, Темир-Хан-Шуринская ремесленная школа была награждена бронзовой медалью за изделия учеников по столярному и слесарному делу. Похвальных листов

* Обзор Первой областной дагестанской сельскохозяйственной выставки. Темир-Хан-Шура, 1913. С. 2, 3, 12.

удостоились ремесленное отделение Темир-Хан-Шуринского городского училища и ремесленное отделение Петровского Николаевского училища за деревянные и металлические изделия[1].

25 апреля темир-хан-шуринцы посетили скачки, устроенные в рамках Первой дагестанской сельскохозяйственной выставки. Это было яркое зрелище. В скачках принимало участие 76 лошадей из шести округов области. Призы получили 34 лошади от 5 до 50 руб.[2] Владельцам лошадей, взявшим 1-й приз, были выданы похвальные листы от комитета выставки[3].

Об этой выставке еще долго вспоминали темир-хан-шуринцы. Цель выставки была достигнута, население области познакомилось с усовершенствованными приемами сельскохозяйственного труда, убедилось в их эффективности.

Жители Темир-Хан-Шуры с 6 мая 1913 г. могли посещать Дагестанский кустарный музей имени И.С. Костемеревского[4], много сделавшего для изучения Дагестана. Приветственную телеграмму по случаю открытия музея прислал наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков.

Горожане старались сделать более привлекательной городскую жизнь. Так, в 1909 г. был создан Петровский музыкально-драматический кружок любителей[5], ставивший спектакли.

Петровский общественный клуб на свои деньги выстроил в городском саду ротонду для танцевальных вечеров и прочих общественных увеселений[6].

В начале XX в. в Петровске существовал электробиограф (кино. – *Э.М.*), хозяевами которого были А.И. и М.И. Мариамули. В теплое время года картины демонстрировались на открытом воздухе[7].

Временами в города заезжали артисты — фокусники и акробаты.

В городах имелись различные аттракционы. Так, в Петровске на Инженерной площади в 1912 г. имелся тир, а на пасху предпринимателю Лясовому разрешили поставить рулетку. На второй день пасхи проигравшая публика хотела устроить скандал, и лишь благодаря энергичному вмешательству пристава Грицаенко конфликт был улажен[8].

Другой предприниматель Т. Власов просил у военного губернатора разрешения поставить в Петровске свои аттракционы — китайский бильярд,

---

1. Обзор Первой областной дагестанской сельскохозяйственной выставки. Темир-Хан-Шура, 1913. С. 19.
2. Там же.
3. Там же.
4. Дагестанские областные ведомости. № 20, 13 мая 1913.
5. Там же. № 5, март 1909 г.
6. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 3. Д. 84. Л. 1.
7. Там же. Ф. 30. Оп. 4. Д. 26. Л. 42.
8. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 168. Л. 10.

греческую пирамиду и посудный круг[1]. Петровский полицмейстер охарактеризовал Трофима Власова как человека «хорошего поведения и нравственных качеств», ходатайство которого можно удовлетворить. Но Петровское городское общественное управление не дало места для устройства аттракционов Т. Власову, поскольку поддерживало Лессового, имевшего аттракционы не только в Петровске, но и в Дербенте[2].

В городских трактирах и духанах частыми были пьянки, азартные игры, драки, воровство. Немалое беспокойство жителям Темир-Хан-Шуры доставляли военные, которые, придя в город с арены военных действий Кавказской войны, отводили в духанах душу.

У военных в Темир-Хан-Шуре были свои праздники. Так, например, 26 ноября Дагестанский конный полк праздновал день полка. Полк всегда торжественно справлял свой праздник участием в общем параде частей гарнизона Темир-Хан-Шуры, устройством обедов для сотен, выдвигаемых в город. Георгиевские кавалеры и другие заслуженные люди приглашались в клуб на банкет. На эти банкеты Дагестанский конный полк тратил большие суммы: в 1898 г. — 132 руб., в 1906 г. уже 456 руб.[3]

Большой популярностью среди горожан пользовались скачки, в которых участвовали нижние чины Дагестанского конного полка[4]. В военном гарнизоне Темир-Хан-Шуры были свои развлечения, призванные скрасить тяготы военной службы. По воспоминаниям А.Л. Зиссермана бригадный генерал Волков, командующий войсками в Дагестане в начале 50-х годов XIX в., был «большим любителем всяких удовольствий, кавалькад, вокально-инструментальных вечеров и особенно любительских спектаклей»[5]. Главным режиссером этих спектаклей был капитан Апшеронского полка князь Иван Багратион. Он был музыкантом, певцом и танцором. И. Багратион писал музыку для спектаклей, обучал оркестр, следил за изготовлением декораций, распределял роли и т.д. По мнению А.Л. Зиссермана, «группа составилась такая, что можно бы с большим успехом выступить на любом провинциальном театре; особенно женский персонал был хорош, благодаря супруге одного артиллерийского офицера, бывшей до замужества актрисой»[6].

Самодеятельные актеры ставили водевили, как, например, «Нет действия без причины», и тому подобные легкие пьесы, имевшие неизменный

---

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 168. Л. 8.
2. Там же. Л. 10.
3. *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909.
4. *Абдулаева М.И., Мансурова А.Г.* Мирные будни военного сословия в Дагестане с точки зрения «обыденного историзма» // Современные проблемы науки и образования. № 6, 2014. С. 1504.
5. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1867). СПб, 1879. Ч. II. С. 213, 214.
6. Там же. С. 213, 214.

успех у публики, не избалованной зрелищами. Общество военных развлекалось, устраивая обеды, балы в клубе, вечера в частных домах[1].

Офицеры развлекались чтением романов, переведенных с французского: Эжен Сю, Александр Дюма, Феваль и т.д.[2] Единственную газету «Русский инвалид» получали через 25–30 дней после выхода, да и ту редко читали[3].

Культурная инфракструктура дополнялась городскими парками. Они выполняли не только экологическую функцию, но и были местами проведения досуга, чему способствовали аттракционы, кафе-шантаны[4] и прочие заведения.

Любимым местом отдыха дербентцев был городской сад, заложенный за южной стеной. Он был в запущенном состоянии. В 1848 году по предложению наместника Воронцова садом занялся князь А.И. Гагарин, крымский помещик, садовод-любитель. За короткое время он привел городской сад в порядок. Было насажено несколько сот чинар, много виноградных лоз европейских сортов, выписанных из Крыма. Площадь сада достигла 5 десятин. В саду был выстроен дом в стиле швейцарской архитектуры на высоких столбах для садовника и хранения земледельческих орудий.

Он стал любимым местом, где собиралась публика. Перед домом был устроен фонтан, водой из него поливали сад. С одной стороны дома построили помост для кеглей, с другой — тир для стрельбы в цель. Здесь была также кондитерская, в которой продавали кофе, чай, вино, конфеты, трубки. Этот сад стал местом, где любила гулять дербентская публика. По четвергам и воскресеньям здесь играла музыка и пели военные[5].

До 1857 г. сад был собственностью казны, затем для того, чтобы сократить расходы, сад был передан в пользование главного лекаря Дербентского госпиталя Л.М. Лобачевского. С 1872 г. сад перешел в хозяйственное управление ст. советнику Кочергину, а в 1900 г. сад в аренду взял Г. Шахиджанов[6].

Почти одновременно с образцовым садом у южной стены князь А.И. Гагарин устроил городской общественный сад под северной стеной. Этот сад показан на двух рисунках середины XIX в., сделанных с одной и той же точки. В саду был выстроен деревянный двухэтажный парковый павильон, устроен фонтан, распланированы дорожки со скамейками, высажены

1. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1867). СПб, 1879. Ч. II. С. С. 215.
2. *Там же*. С. 216.
3. Там же. С. 215.
4. Кафе-шантаны — кафе с эстрадой.
5. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура 1906. С. 22.
6. Там же. С. 222.

Уголок Петровска. МИМ

деревья[1]. В саду гуляла «чистая» публика — офицеры российского гарнизона, местная знать.

В начале XX в. Дагестанское областное по городским делам присутствие выделило 800 руб. на строительство фонтана в дербентском городском саду. В саду был садовник, была также должность помощника садовника, которые ухаживали за зелеными насаждениями. Парки имелись и в других городах области. О городском парке Петровска мы говорили выше.

Определенное оживление в монотонную жизнь дагестанских городов вносило посещение именитых гостей. Спешно приводились в порядок улицы. Жены офицеров и чиновников шили у модисток платья для торжественного обеда в доме губернатора.

Во второй половине XIX — начале XX в. представители дома Романовых неоднократно посещали Дагестана и в первую очередь его города. Так, в 1871 г. в Дагестане побывал Александр II.

Визиту предшествовала большая подготовительная работа. В Петербурге были закуплены сервизы, вина, закуски, драпировки, вплоть до кухонных ножей. Все это было распределено между пунктами завтраков, обедов и ночлегов между Темир-Хан-Шурой и военным укреплением Ботлих, т.е. на протяжении всего маршрута. Был составлен путеводитель по Дагестану.

1. *Хан-Магомедов С.О.* Дербентская крепость и Даг-Бары. М., 2002. С. 125.

Собор Александра Невского в Петровске. ДГОИАМ

Из Петербурга по Волге в Петровск было доставлено 20 придворных экипажей. Был выработан общий порядок путешествия высокого гостя.

6 сентября 1871 г. император Александр II на пароходе «Великий князь Константин» прибыл в Петровск. Его встретили орудийным салютом и звоном колоколов. На пристани императора встретили наместник, начальник области и начальник города. В тот же день император заложил первый камень в основание нового каменного собора во имя Св. Александра Невского. Затем ему представились генералы, штаб- и обер-офицеры и гражданские чиновники, находившиеся в городе, была также депутация от города с хлебом-солью. На следующий день император осмотрел Петровское начальное училище и выехал из Петровска в административный центр Дагестанской области город Темир-Хан-Шура. Императора Александра II сопровождали 1-я сотня Дагестанского конно-иррегулярного полка, 3 сотни постоянной милиции и т.д. Во всех селениях, мимо которых проезжал император, жители встречали его хлебом-солью[1].

При приближении царского поезда к Темир-Хан-Шуре его встретили орудийными выстрелами и колокольным звоном. Полицмейстер встретил поезд верхом и подал рапорт. Население города с массой крестьян, прибывших из окрестных сел, встретило императора возгласами «Ура!»

Вечером весь город был иллюминирован, играла музыка. На другой день, 8 сентября, императору были представлены почетные жители Те-

1. *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. С. 512.

мир-Хан-Шуринского округа и Южного Дагестана. Государь Александр II посетил горскую и женскую школы, госпиталь и произвел смотр войск.

Власти города в общественном собрании устроили бал, на котором танцевали император и великие князья. 9 сентября император выехал из Темир-Хан-Шуры в Гуниб.

В разное время Дагестан посещали великие князья.

В конце сентября 1858 г. Дагестан посетили великие князья Николай и Михаил Николаевичи. Они побывали в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Дербент встретил высоких гостей громом пушечных выстрелов, звоном колоколов, разукрашенными домами. Великие князья посетили крепость, заехали в мечеть, где глава шиитов помолился о благоденствии Царственного дома[1]. Затем они со свитой направились к морю и осмотрели место, где во время посещения Дербента расположился Петр I. После этого в доме губернатора был дан обед.

Еще более пышный прием был устроен в Темир-Хан-Шуре, куда царственные особы приехали 28 сентября 1858 г. По приезде в церкви был отслужен краткий молебен. Затем гости с сопровождающими лицами направились к дому командующего войсками. Как сообщает Л. Зиссерман, по обе стороны главной улицы шпалерами стояли войска и толпы горожан[2], с любопытством разглядывавшие столичных гостей, которые шли пешком в окружении офицеров. Праздничность происходившего подчеркивали колокольный звон, бой барабанов, звуки музыки.

Во время обеда у командующего войсками толпа горожан вокруг его дома каждый тост сопровождала криками «ура». Вечером главную улицу Темир-Хан-Шуры, украшенную флагами, осветили тысячи фонарей плошек, а ночное небо освещалось фейерверком и иллюминацией[3]. Люди долго не расходились, любуясь всем этим великолепием.

Неоднократно посещал Дагестан и наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич.

Последним представителем дома Романовых, посетивших Дагестан, был император Николай II. Это произошло в 1914 г., когда шла Первая мировая война. Император, объезжая Кавказ, побывал и в Екатеринодаре. 25 ноября 1914 г. в 4 часа дня императорский поезд, следуя из Екатеринодара, имел остановку на станции Дербент. Император, выйдя из вагона, был встречен военным губернатором Дагестанской области. Представители православного и мусульманского духовенства обратились к императору Николаю II с речью. От Дербента императору были преподнесены хлеб-соль и двадцать тысяч рублей на нужды войны, которые Его Величество повелел передать

1. *Зиссерман Л.* Новости из Дагестана // Кавказ. № 85, 1858.
2. Там же.
3. Там же.

наместнику для раненых из семейств, призванных на войну из Дагестанской области. Император обошел собравшихся на станции учащихся мужских и женских учебных заведений. Оркестр учащихся играл гимн. В 4 часа 30 мин. император отбыл для дальнейшего следования[1].

Но такие праздники для горожан были редкостью. Города Дагестанской области, как и другие провинциальные города России, «были бедны общественными удовольствиями»[2].

Тем не менее, культурная жизнь в городах области получила определенное развитие. Как и в других городах империи, здесь возникли культурно-просветительные общества, способствовавшие приобщению горожан к культурным ценностям, благотворительные общества, помогавшие бедным слоям городского населения.

Разнообразие в культурную жизнь городов вносили различные выставки, полковые праздники, устраиваемые военными в Темир-Хан-Шуре, приезды высоких гостей из Санкт-Петербурга и Тифлиса.

1. Кавказский календарь на 1915 год. Тифлис, 1914. С. 11.
2. Г.С.-въ. Очерк жизни русских чиновников в Закавказском городе // Кавказ. № 87. 1858.

ГЛАВА V
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН

§ 1. Городские дома

Вовлечение Дагестана в общероссийский рынок, проникновение и развитие здесь капиталистических отношений, усиление контактов с другими регионами империи не могли не отразиться на материальной культуре. В городах области шли процессы смешивания традиционной культуры с европейской, их взаимовлияния. Это нашло свое отражение в городских домах, одежде, пище и т.д.

Остановимся на городских домах.

О деталях конструкции домов, об их планировке мы можем судить по домам, которые сохранились и дошли до наших дней. Правда, надо иметь в виду, что, во-первых, за годы своего существования дома могли быть неоднократно перепланированы и утратили свой первоначальный облик. Во-вторых, до наших дней дошли только каменные дома, другие дома, построенные из менее долговечного материала, давно разрушились, и об их внешнем облике мы можем судить по сохранившимся фотографиям и по воспоминаниям современников.

Вот как описывает Е.И. Козубский **Темир-Хан-Шуру** в 1857 г., до того как она стала областным центром Дагестанской области: «Шура в то время занимала площадь параллелограмма, с окружностью в 3 версты и 150 сажень, защищенную с двух сторон высоким земляным валом и глубоким рвом, а с 2-х сторон оборонительными казармами и каменными стенами. В город вели трое ворот с каменными арками: Дербентские, Аварские и Эрпелинские, кроме того, двое ворот на спусках к Шура-озени.

Улиц в укреплении считалось 23; они образовывали более 70 кварталов; из числа улиц 3 имели мостовую. Площадей было 6 (Церковная, Армянская, Аварская, Апшеронская, Плац-народная и Базарная), из коих две первые выстланы каменной мостовою. Строений в Шуре считалось 686,

Улица в Темир-Хан-Шуре. ДГОИАМ

из них казенных или общественных 152, частных 534, домов офицерских — 72, солдатских — 345, торгового сословия — 117 (в том числе домов каменных — 5), лавок — 108 (из них каменных 13). Кроме этого имелось: трактиров — 2, кондитерских — 1, духанов — 40, пивной завод – 1, булочных — 2, цирюльня — 1, мельниц водяных — 1, кирпичных заводов — 12, персидских бань — 2, русских торговых — 3, частных до 25, прачечных — 1»[1]. Наличие в городе 12 кирпичных заводов позволяет предположить, что многие дома в Темир-Хан-Шуре были построены из кирпича. Обращает на себя внимание наличие 40 духанов в небольшом городке.

Из общественных зданий из жженого кирпича и камня было построено 2-этажное здание женской гимназии. Оно появилось в начале XX в., на ее постройку было израсходовано 40 тыс. рублей из попечительских денег. План женской гимназии безвозмездно был составлен дагестанским областным инженером Темирхановым, а затем он три с лишним года ежегодно руководил и наблюдал за работами по постройке гимназии, следя, чтобы она вышла дешевле и лучше. В благодарность за это попечительский совет Темир-Хан-Шуринской женской гимназии просил наградить инженера Темирханова орденом Св. Анны 2 степени.

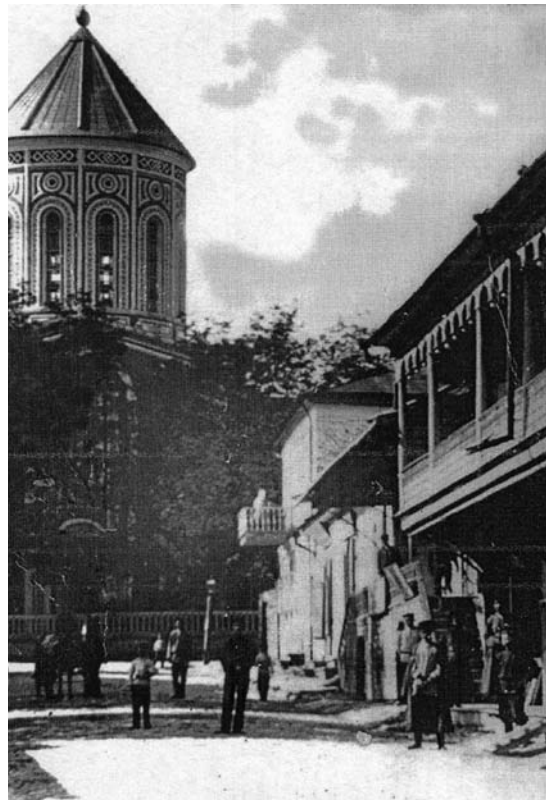
Помимо общественных зданий и частных домов, построенных из жженого кирпича, в Темир-Хан-Шуре было много зданий, построенных из камня. Другим строительным материалом, который использовался менее

1. *Козубский Е.И.* Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // СМОМПК. Вып. 19. Тифлис, 1894. С. 41.

Дом военного губернатора в Темир-Хан-Шуре. Из личного фонда Э.М. Далгат

Улица в Темир-Хан-Шуре. ДГОИАМ

состоятельными горожанами для строительства домов, был саманный кирпич. Для того, чтобы сделать саман, некоторые «предприимчивые» горожане брали глину из ям, вырытых прямо на городских улицах. Во время дождя эти ямы наполнялись водой и экипажи, ездившие по улицам, попадая в ямы, ломались, страдали также пешеходы. В ответ на жалобы горожан собрание уполномоченных Темир-Хан-Шуринского собрания приняло решение о запрете делать саман из глины, взятой на городских улицах.



Уголок Темир-Хан-Шуры. МИМ

Для изготовления саманного кирпича был отведен специальный участок земли к востоку от города. Это следует из прошения городского мещанина Имана Гусейн Акай оглы, поданного городскому управлению[1]. Из этого же документа узнаем, что в Темир-Хан-Шуре имелась еврейская слобода[2], т.е. здесь, как и в других дагестанских городах, евреи селились компактно.

Недалеко от города находилась городская каменоломня, камень которой использовали для строительства домов горожане. Город разрастался, домов строилось все больше и, поскольку каменоломня была единственной, она давала городу большой доход[3].

На центральных улицах Темир-Хан-Шуры находились одно- и двухэтажные каменные дома дагестанской знати. Они были построены в европейском вкусе с красивым фасадом и высоким крыльцом. И.Н. Березин еще в 1850 г. отмечал, что шамхал Абу Муслим построил дом в европейском вкусе даже в селении Казанище[4]. На окраинах Темир-Хан-Шуры в саманных домиках ютились малоимущие горожане и солдаты.

Усиление экономических связей с российскими губерниями привело к появлению в области европейских товаров. В домах дагестанских аристо-

1. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 198. Л. 99.
2. Там же.
3. ЦГА РД. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.
4. *Березин И.Н.* Путешествия по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. С. 83.

Дом в готическом стиле в Темир-Хан-Шуре. ДГОИАМ

кратов, предпринимателей стояла европейская мебель — комоды, шифоньеры, диваны, столы и стулья, привезенные из России. Дорогая посуда обычно привозилась с Нижегородской ярмарки[1]. Вместе с тем в интерьерах сохранились дагестанские, азербайджанские и персидские ковры — традиционные для жилищ состоятельных дагестанцев. Почетное место в интерьере занимало дорогое оружие работы дагестанских мастеров, всегда ценившееся в Дагестане и в России в целом.

Отапливались дома состоятельных горожан при помощи голландских печей, привозимых из России. Топили дровами и углем. В городах области, и в Темир-Хан-Шуре и в Петровске были специальные дровяные базары. Там можно было купить дрова и на телеге привезти домой. Там же на базаре можно было нанять рубщика дров, ими, как правило, были русские. Кроме того, рубщики дров ходили по улицам городов, в частности, Петровска, и кричали «рублю дро-о-ва», предлагая свои услуги горожанам[2].

1. Полевой материал (Р.А. Губаханова).
2. Полевой материал (У.Б. Далгат).

И.С. Костемеревский писал в 1858 г., что «солдатские дома в Шуре, как и везде на Кавказе, строятся по одному и известному плану, напоминающему собой русские избы с сенями, чуланом и горницей. Дома эти кроются, в избежание пожаров, легкими плетенками из хвороста, тщательно смазанными смесью глины с саманом. Стены домов выштукатуриваются и выбеливаются мергелевою глиной. Вообще дома содержатся в опрятности и имеют веселую наружность. Один общий недостаток в Шуре, как и во всех передовых укреплениях на Кавказе, это теснота дворов. Дворы в 6 квадратных сажень в пролете в Шуре весьма нередки»[1].

На внешнем облике областного центра сказывалось отсутствие городского архитектора. Это, по мнению автора заметки в газете «Казбек», объяснялось скудостью городских финансов и безучастностью городских заправил[2].

«Горожане строились, – пишет он, – и продолжают строиться, как хотят, не признавая никаких строительных правил, ни прав собственности. Последствием явились невозможно неправильные улицы; большинство зданий построено или без утвержденных планов или с грубыми отступлениями от утвержденных на них планов. Отсутствие городского архитектора вызвало значительные неурядицы в деле постройки городских скотобоен, зданий полиции и городской управы»[3].

* * *

В Петровске, получившем статус города несколько раньше, чем Темир-Хан-Шура, первым сооружением была крепость. Ее построили из тесаного камня. Затем за пределами крепости были построены казармы для солдат, госпиталь, другие здания. «Постройка домов в Петровском идет скоро, – писал И.С. Костемеревский в газете «Кавказ» за 1856 год. – Рабочих рук много. Строительные материалы под руками. Обыкновенно стены домов кладутся из массивных необожженных кирпичей. Лес для крупных поделок и доски покупаются в Петровском же, куда лесного товара доставляется морем из Астрахани в большом количестве; для мелких же домашних поделок и дров имеются большие дачи леса, в 5-ти верстах от Петровского. С постройкою первых 30-ти домов и дворов, сформировались девять небольших кварталов, четыре улицы, пять переулков и две площади, из коих одна торговая, а другая для военных парадов»[4].

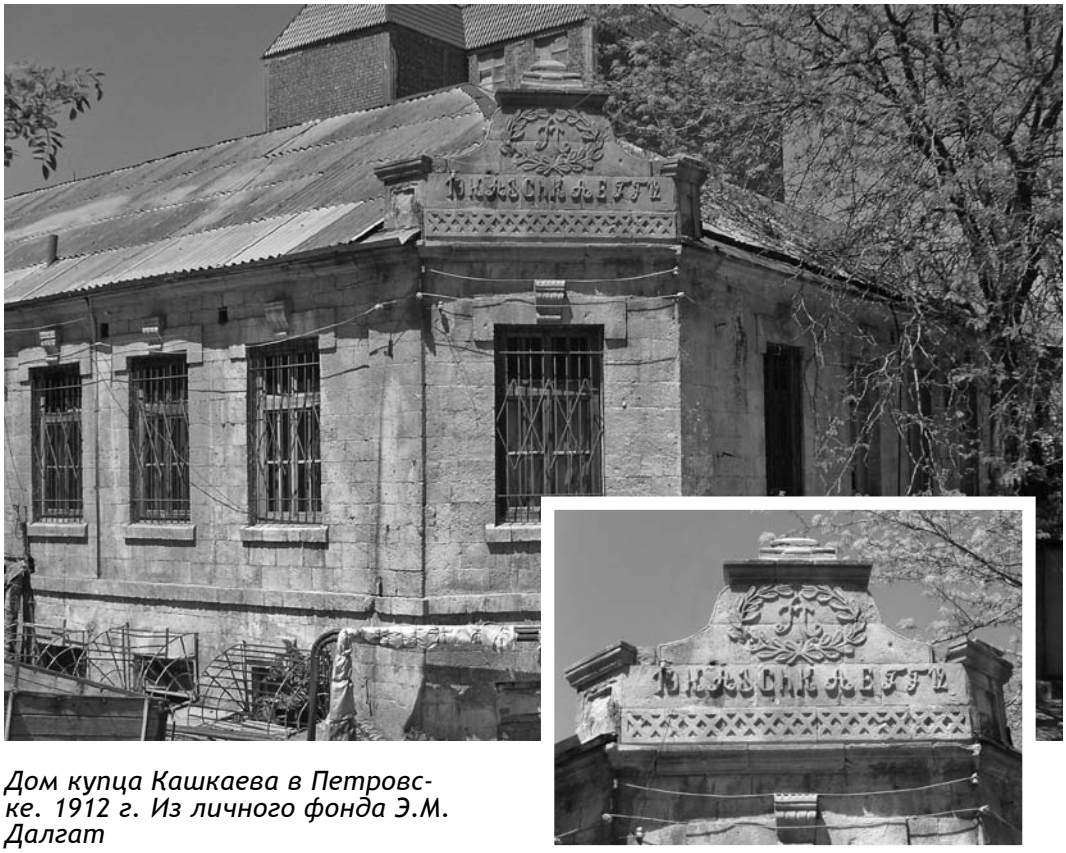
Вскоре появились магазины, построенные коммерческими домами из Саратова и Астрахани, для того чтобы торговать с военным укреплением Петровское.

---

1. *Костемеревский И.С.* Темир-Хан-Шура // Кавказ. № 5. 1858.
2. Из Темир-Хан-Шуры // Казбек. 23 марта 1904.
3. Там же.
4. *Костемеревский И.С.* Петровское // Кавказ. 15 сентября 1856.

Дом состоятельного жителя Петровска. Из личного фонда Э.М. Далгат

Богатый дом с атлантами в Петровске. Из личного фонда Э.М. Далгат



Дом купца Кашкаева в Петровске. 1912 г. Из личного фонда Э.М. Далгат

В первые годы существования внешний облик Петровска определялся его военно-стратегическим значением. Основными зданиями были солдатские казармы — двухэтажные капитальные строения из хорошего камня, дома для офицерских семей и много складских помещений для хранения продовольствия для войск и военного снаряжения.

Город постепенно разрастался. Появлялись новые дома из камня, кирпича, но большинство домов было из дешевого самана. По сведениям Е.И. Козубского, в 1904 г. в Петровске было 1206 жилых строений, из них каменных — 172, кирпичных — 12, саманных — 421, деревянных, крытых железом — 246, черепицей — 10, землей — 45, камышом — 78, деревом — 227[1], т.е. каменные и кирпичные дома составляли 15% жилого фонда города. С вновь построенных домов «в доход города взималось 9% сбора»[2]. Подавляющее большинство домов были одноэтажными и двухэтажными. Дома состоятельных горожан — купцов, рыбопромышленников и т.д. находились в районе, примыкавшем к железной дороге и морскому порту.

1. *Козубский Е.И.* Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 53.
2. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.

Как правило, это были двухэтажные каменные или кирпичные дома. Полы в них были деревянными, жилые помещения обогревались голландскими печами. Состоятельные семьи имели повара, кухарку, горничную и няню для детей.

Малосостоятельные горожане жили в одноэтажных домах из саманного кирпича. Комнаты были небольшими. Из 15 улиц и 17 переулков города только 35% были мощеными. Некоторые из них были обсажены деревьями: Садовая, Соборная, Инженерная, Базарная, Почтовая, Нагорная[1].

В Петровске более или менее благоустроенной была его центральная часть. Это улицы Барятинского (ныне Буйнакского), Соборная (Оскара), Инженерная (Ленина, Гамзатова), Садовая (Маркова, Даниялова). Они частично были замощены булыжником и освещались керосиновыми фонарями. По сведениям Е.И. Козубского, в начале XX в. их было 172[2]. Для обслуживания освещения города намечался «один электротехник в городском управлении города, который имеет скоро осуществиться»[3]. Электричеством освещалась только территория вокзала и северного мола[4].

* * *

Третий самый большой и древний город Дагестанской области — **Дербент** отличался от Петровска и Темир-Хан-Шуры. Он формировался как типичный восточный город и был похож на другие средневековые города мусульманского Востока. Отличительной чертой сложения планировочной структуры Дербента является то, что начиная с VI в. и по середину XIX в. город развивался на территории, ограниченной северной и южной крепостными стенами, т.е. в межстенном пространстве.

Представляют интерес планы А.П. Ермолова по расселению в городе представителей разных этносов из разных социальных слоев. «На верхней, в поперечной главной улице и той, которая в середине города проходить будет к стороне моря от Нарын-кале, стараться располагать людей зажиточнейших. На главной улице быть городовому суду вместе с казначейством и караульнею; там же приличествует предпочтительно раздавать места для лавок. Сим последним доставлю я фасады различных видов и несколько таковых для частных строений. Жидовскому и армянскому кварталам быть особенно»[5].

Как видим, А.П. Ермолов подробно вникал в самые разные вопросы городского устройства. Исполняющий дела коменданта майор фон Ашеберг

---

1. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.
2. *Козубский Е.И.* История Петровска // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. 1904.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.

предложил выселить из перенаселенного города некоторые категории горожан, на что А.П. Ермолов дал свое согласие. Было решено перевести в предместье к югу от города жителей, занимающихся извозом и промышленностью, имеющих сады и земли, но ветхие, негодные дома. Более зажиточным из них разрешили построить дома в ненаселенных Дубарах. Выселить из города в казенные деревни решили жителей, не имеющих в городе недвижимости или имеющих ветхие дома и не занимающихся никаким ремеслом. Тех, кто не имел в городе ни ремесла, ни недвижимости, решено было отправить по месту их прежнего жительства[1], пишет Е.И. Козубский.

А.П. Ермолов дал разрешение на то, чтобы в Дубарах в особых кварталах поселились 100 семей женатых солдат.

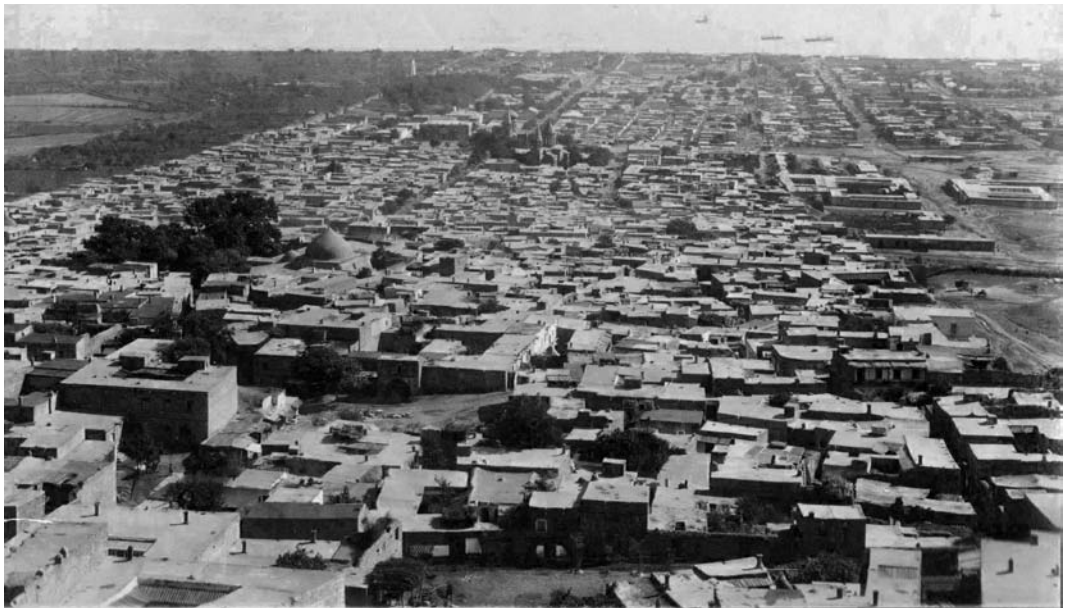
При создании новых городских кварталов он требовал, чтобы вначале обязательно составляли чертежи местности, а затем уже проектировали кварталы и улицы, а также удобные въезды на возвышения[2]. Так постепенно формировалась европейская часть Дербента.

К 1824 г. в юго-восточной части Дубаров вдоль южной городской стены уже вырос новый жилой район, состоящий из пятнадцати кварталов, разделенных двумя поперечными и четырьмя продольными улицами. В этих новых районах жили евреи (еврейский магал)[3].

Евреи еще в ханские времена, стараясь поселиться в местах более безопасных, основали свое поселение у самой южной стены, близ стены, отделявшей город от Дубаров, со сломом которой они начали продвигаться далее к морю. В 1843 г. к еврейской слободке примкнула новая обширная слободка — солдатская, продолжившая город к морю вдоль южной стены. Она была построена в короткие сроки. В 1842 г. была выделена свободная городская земля между еврейской слободкой и батальонными казармами, на которой за год было построено 85 домиков из сырцового кирпича для женатых нижних чинов батальона.

В 1851 г. было начато строительство еще 40 домиков. В 1858 г. солдатская слобода состояла уже из 140 домиков, разделялась на два квартала. Эти дома не были собственностью солдатских семей, в них живших. При выбытии из батальона, они обязаны были продать их нижним чинам того же батальона. Но позже эти дома стали продавать и в посторонние руки под духаны, лавки и т. д.[4] В 1869 г. из 140 домов в руках нижних чинов оставалась только 18 домов. Эти дома были построены, как сказано выше, из самана, они были трехоконными. Территория, на которой были постро-

1. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 168.
2. Там же.
3. *Хан-Магомедов С.* Дербентская крепость и Даг-Бары. М., 2002. С. 121.
4. *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 209.



Дербентские магалы. Вид из крепости Нарын-кала. ДГОИАМ

ены дома, была небольшой, в длину 8 2/5 саженей, а в ширину — 6 саженей. Во дворах были многочисленные камышовые постройки, что делало воздух в домах спертым. Поскольку санитарное состояние солдатской слободки оставляло желать лучшего, градоначальник в 1862 г. дал указание полиции запретить капитальную перестройку старых и строительство новых домов без особого разрешения.

В 60-е годы XIX в. было решено по новому распланировать еврейскую и солдатскую слободки, для чего был создан специальный комитет. По собранным им сведениям, в 1866 г. еврейская слободка занимала площадь около 4,3 десятины, она имела 194 дома, где жило 955 человек. Большая часть усадеб не имела дворов. Солдатская слободка занимала площадь в 538 кв. саж. В ней было 107 жилых домов, проживало 754 человека. В солдатской слободке имелись две большие каменные лавки, работала баня, «был, как сказано у Е.И. Козубского, подвал»[1] (может быть, имелся в виду винный подвал? – Э.Д.).

Комитет предложил увеличить размеры усадеб в еврейской слободке. Для этого предлагалось закрыть четыре продольные улицы и за счет этого расширить кварталы. Кроме того, в слободке хотели оставить всего 44 усадьбы по 140 кв. саженей в среднем, а 150 усадеб переселить на новое место, выше мусульманского города[2].

1. *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 209.
2. Там же.

Через солдатскую слободку проложить улицу, под которую должны были отойти 22 усадьбы, 73 усадьбы объединить попарно, чтобы расширить площадь усадеб.

Знаменитый французский писатель А. Дюма, побывавший в Дербенте в конце 50-х годов XIX в., писал: «С берега очень хорошо просматривается весь город. Он похож, так сказать, на каскад из домов, спадающий с верхней цепи холмов до плоского берега, и чем дома ближе к берегу, тем они становятся более европейскими. Верхняя часть города похожа на татарский аул, нижняя – на русские казармы. С берега город представляется в виде длинного квадрата (видимо, неправильный перевод, надо «длинного прямоугольника». — *Э.Д.*), подобно развернутому ковру, сгибающемуся посередине. С южной стороны стена становится как бы выпуклой, как будто она уступает сопротивлению города»[1].

Со временем северная и южная стены разрушались, на их месте горожане возводили дома с использованием камня крепостных стен. Так, в 1916 г. псаломщик Дербентского Георгиевского собора Павел Соловьев сообщал военному губернатору, что «9 апреля 1914 г. Дербентская крепостная стена обрушилась и все прилегающие к ней постройки опечатаны. Он писал, что предыдущий военный губернатор пообещал, что все убытки, понесенные горожанами, будут оплачены городом. Но прошло 2 года, помощь горожанам так и не оказана»[2].

На протяжении всего исследуемого нами периода в Дербенте сосуществовали восточная и русская (европейская) градостроительные культуры. Старая часть города представляла собой сеть улиц с глухими фасадами домов, высокими заборами, плоскими крышами домов. Улицы были извилистыми, много тупиков вело во внутренние дворы. В каждом из 9 кварталов, магалов была своя мечеть, своя баня, родник. Планировка старой части Дербента объясняется оборонительными функциями. Обороняться мог каждый дом, представляющий собой крепость в миниатюре, каждый квартал, магал и весь старый город в целом. Такая планировка неоднократно выручала жителей Дербента, которые на протяжении своей богатой истории постоянно защищали свои дома, свой город от очередных завоевателей.

От верхнего «азиатского» города резко отличалась его нижняя «европейская» часть. Здесь были дома европейского типа. Дома состоятельных горожан были одно- и двухэтажные, построены из камня. На фасадах домов, обращенных на улицу, часто указывали год постройки дома, иногда фамилию хозяина. Дома строились по проекту архитекторов, фасады надо было согласовывать с городским начальством. У некоторых домов име-

1. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 98.
2. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 18. Л. 55.

Дом богатого жителя Дербента. Из личного фонда Э.М. Далгат

лось высокое крыльцо, к которому подъезжали экипажи. Для украшения фасадов своих домов состоятельные горожане заказывали мастерам стилизованные фигуры драконов, львов, вырезанные из камня.

Дома некоторых горожан внешне походили на европейские, но внутренняя планировка была азиатской. Таким был большой двухэтажный дом с внутренним квадратным двором, принадлежащий купцу и предпринимателю Абраму Дадашеву, построенный в конце XIX в.

Дома менее состоятельных горожан были попроще, небольшие по размеру, состоящие из одного или двух помещений. Выше мы говорили, что дворы домов в солдатской слободе были загромождены различными хозяйственными постройками из камыша, что делало воздух спертым и нездоровым.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в Дербенте было построено несколько казенных зданий. Среди них выделялось красивое двухэтажное здание реального училища имени императора Николая II с цокольным этажом и высоким крыльцом, на которое вели полукруглые ступени.

В приморской части города в конце XIX в. появилось здание вокзала. Это было длинное одноэтажное типовое здание с металлической крышей, подобное здание еще раньше было построено в Петровске, через который железная дорога прошла раньше, еще в 1892 г.

Дом в Дербенте в европейском стиле. Из личного фонда Э.М. Далгат

К казенным зданиям относилось и двухэтажное здание больницы в «европейской» части города, построенное в конце XIX в. при поддержке главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя Голицына[1].

Из общественных зданий надо сказать и о крытом рынке. В июле 1913 г. Дербентское городское общественное управление объявило «торги на отдачу подряда по постройке в Дербенте крытого рынка»[2]. Это было дорогое сооружение, что видно из суммы, с которой начались торги — 44 633 рубля[3]. Крытый рынок-пассаж был построен позже.

В Дербенте активно шло строительство как казенных, так и частных домов.

В 1898 г. из Дербентского городского управления сообщали в строительное отделение при канцелярии военного губернатора Дагестанской области, что в 1897 г. в Дербенте были сооружены следующие здания: казенные — 2 обозных одноэтажных каменных сарая стоимостью 15000 руб. каждый, 2-этажный каменный цейхгауз — 30000 руб. и каменный ледник — 4000 руб.[4] В те же годы было построено частных зданий: два одноэтажных каменных здания стоимостью по 9000 руб. каждое, три таких же здания по 6000 руб.,

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
2. Дагестанские областные ведомости. № 28. 8 июля 1913 г.
3. Там же.
4. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 29.

Дома в Дербенте конца XIX — начала XX в., украшенные фигурами, вырезанными из камня. Из личного фонда Э.М. Далгат

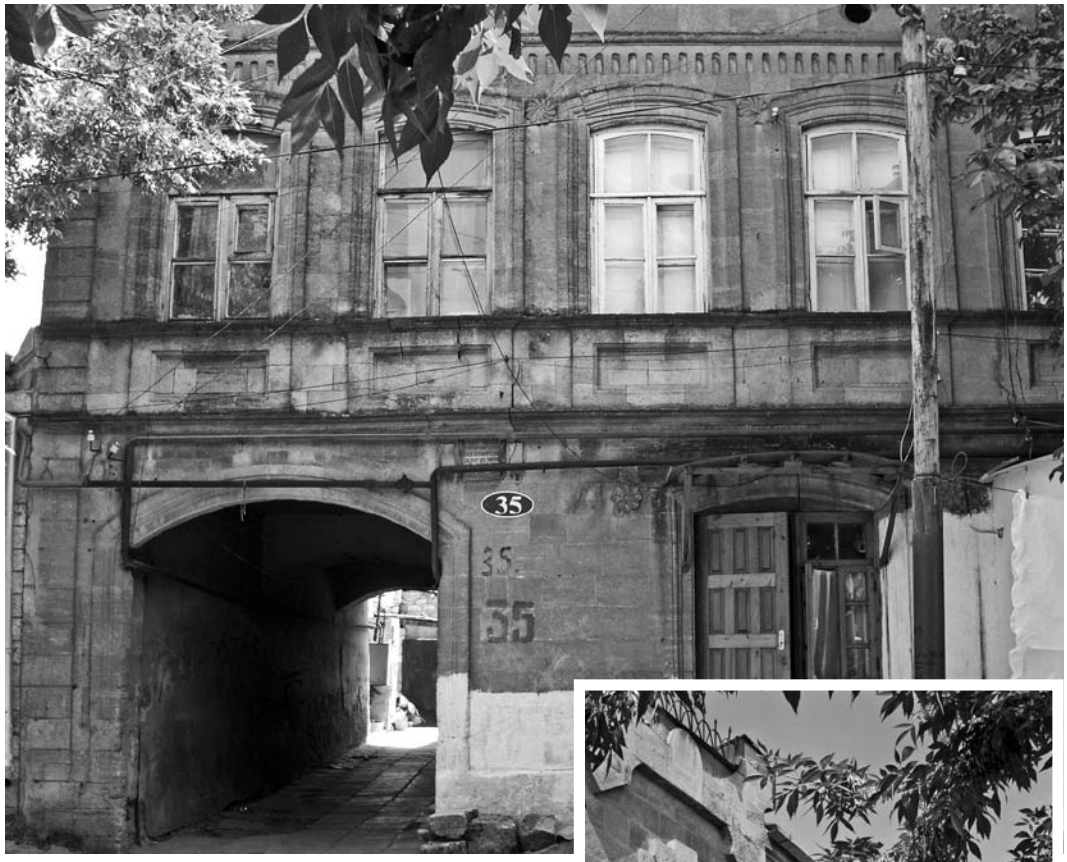
два одноэтажных здания по 3000 руб. каждое. Итого за 1897 г. всех зданий было построено на сумму 104 000 руб.[1]

В 1898 г. городское общественное управление сообщало дербентскому полицмейстеру, что в Дербенте было всех зданий 2788, в том числе молитвенных зданий 27, и из них 22 — мечети и 4 еврейских молитвенных здания[2]. Это помимо Джума-мечети, православного собора и армянской церкви.

В начале XX в. в Дербенте наблюдался «усиленный захват городских свободных земель», о чем городской архитектор А. Зульпукаров сообщал в 1915 г. в Дербентское общественное управление. Он писал, что «ввиду отсутствия плана городских земель, я не могу определиться точно, где имеет место захват, где его нет»[3]. Он просил назначить комиссию из компетентных горожан Дербента с участием городского юрисконсульта для определения захвата и указания границ городских земель в указанной местности[4].

В архиве отложилось много актов о захватах городских земель, составленных приставом с уполномоченными Дербентского городского

1. Там же.
2. Там же. ЛЛ. 30, 32.
3. Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 13. Л. 30.
4. Там же.



Дома в Дербенте конца XIX — начала XX в. Из личного фонда Э.М. Далгат

общественного управления. Горожане захватывали дороги, проходившие рядом с их садами[1], места для стоянки арб[2], городские канавы и т.д. Город развивался, на протяжении исследуемого периода в его облике произошли большие изменения. Из чисто азиатского города он постепенно приобретал некоторые черты европейского и в начале XX в. имел полувосточный, полуевропейский вид.

1. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 13. Л. 36, 40, 41, 43, 44, 45.
2. Там же. Л. 42.

instituteofhistory.ru

§ 2. Одежда

Важным компонентом повседневной жизни горожан является **одежда**. Одежда городских жителей Дагестана отличалась разнообразием и на протяжении исследуемого времени менялась, города становились все более полиэтническими. Если в начале XIX в. подавляющее большинство жителей Дербента составляли азербайджанцы, затем по численности шли армяне, евреи, а после присоединения к России здесь появились русские — военные и гражданские, то к концу XIX — в начале XX в. здесь поселились и дагестанцы, в основном лезгины.

Население Петровска и Темир-Хан-Шуры по мере развития тоже становилось полиэтническим. Возникнув как русские военные укрепления и получив статус городов, они стали притягивать торговый и промышленный люд разных национальностей — русских, армян, евреев, персов. К концу XIX — в начале XX в. здесь стали покупать недвижимость и заселяться дагестанцы, в основном, кумыки, на землях которых находились оба города.

Многонациональность городов имела следствием многообразие видов одежды, которую носили горожане. В начале исследуемого периода горожане ходили в национальной одежде. Рассмотрим, какой она была во второй половине XIX — начале XX в. *Дербентские азербайджанки* носили платья разных видов. Это были распашные платья и полуши. Распашные платья для азербайджанок были неотъемлемым элементом национального традиционного костюма, как и для кумычек, горских евреек, лезгинок[1]. Этим платьем пользовались и дома, и на улице. У платья имелся вертикальный сверху донизу разрез, оно было отрезным по талии, с лифом, плотно облегающим фигуру, с глубоким овальным или треугольным вырезом на груди и длинной юбкой. Рукава были вшивными, узкими. До локтя они были сшитыми, а ниже локтя — откидными в виде лопастей.

Дербентские азербайджанки носили также платья-полуши, закрытые от талии до подола, с отрезным приталенным лифом, плотно облегающим фигуру, с прямым грудным вырезом, с широкой длинной юбкой, заложенной в бантовые или односторонние складки.

Широко распространенной одеждой дербентских азербайджанок был минтэнэ — кафтанчик, имевший разрезные рукава, которые откидывались назад[2].

В Дербенте принадлежностью уличного костюма азербайджанки была чадра — большое покрывало размером 2,5х1,6 м, носимое поверх полного

1. *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана. Пущино, 2001. С. 20.
2. Там же. С. 24.

*Городская азербайджанка в шелковом покрывале.**

костюма. Ее носили только в Дербенте, в азербайджанских селениях, расположенных около города, чадру не носили. Накинув чадру на голову при выходе из дома, женщина окутывала ею всю фигуру с головы до ног.

Шили чадру из гладких и клетчатых тканей, шелковых и хлопчатобумажных. Женщины старшего возраста носили чадру темных тонов, а молодые — посветлее. Чадра имела в средней части вырез в виде полукруга, который обрамлял лицо, когда ее набрасывали на голову.

Чадра была двух видов, отмечают авторы работы об одежде народов Дагестана. Один вид чадры шили сами из покупных тканей, она была большого размера. Другой вид чадры из нарядного шелка с золотой каймой поступал в Дербент в готовом виде из Ирана в специальных, красочно оформленных коробках. Такая чадра стоила очень дорого и была доступна лишь женщинам из богатых семей. Ее размеры составляли 1,5х1,5 м.[1]

Летом носили шелковую чадру, а зимой — из шерстяной ткани.

Одежда русского населения, проживающего в городах области, носила на себе отпечаток социальной и профессиональной принадлежности человека.

Работающие горожанки носили костюмы с юбками, мягко облегающими фигуру и расклешенными внизу. Они дополнялись жакетами, блузами. Работницы носили также ситцевые платья с прилегающим лифом и сборенной юбкой.

Обувью мещанок, работниц, простых горожанок во второй половине XIX в. были тупоносые лодочки с красной оторочкой — коты. Повседневно они носили черные башмаки из козлиной кожи.

---

1. *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана. Пущино, 2001. С. 59, 60.

* Женщины Кавказа. М., 2008.

Вся модная женская обувь делалась на каблуках, с течением времени менялись лишь его высота и форма.

Одежда фабричных работниц, в том числе «Каспийской мануфактуры», состояла из юбки, сосборенной на талии, и свободной кофты с баской. Многие носили платья свободного покроя. Рабочую одежду дополняли фартук и накинутый на голову платочек, завязанный под подбородком. Одежду шили из ситца, сатина, бумазеи, миткаля. Обувь — кожаные ботинки с резинками по бокам, реже — грубоватые туфли на небольшом каблуке.

Поскольку значительную часть русского населения Петровска и Темир-Хан-Шуры составляли крестьяне, приехавшие из разных губерний России, то и одевались они по-крестьянски, в сарафаны с кофтами или платья-рубахи.

Мужской костюм рабочего состоял из ситцевой рубахи-косоворотки, надеваемой поверх брюк и подпоясанной ремнем или кушаком, темных брюк, заправляемых в сапоги, жилета, пиджака или сюртука. Все это шилось из покупных тканей фабричного производства.

Повседневный *купеческий костюм* был в основном такой же, как у крестьян и мещан, только побогаче и сшит из ткани лучшего качества. Характерными для купцов были сюртуки, модные в 70–80-е гг. XIX в.

Купеческие сюртуки шили из черного или синего *крепа* или *кастора*. Под сюртуком носили жилеты однобортные или двубортные из того же материала, что и сюртук.

В качестве зимней одежды использовали сюртуки из толстого сукна, подбитые мехом или ватой. Под сюртук купцы надевали белую или цветную косоворотку. Рубашку носили навыпуск. Брюки были широкими, их заправляли в сапоги с высоким голенищем. На голову надевали картуз.

Основная масса купечества, как и большинство горожан, пальто и обувь заказывали у местных мастеров.

Во всех городах области были мастера по пошиву одежды, головных уборов, обуви. Потребности дам темир-хан-шуринского высшего света в модных туалетах в 70-е годы XIX в. обслуживала модистка[1].

К концу XIX в. в моду вошли пиджаки. Купцы носили пиджаки, преимущественно двубортные. Пиджаки были из черного или темно-синего драпа, сукна или диагонали. Брюки из того же материала. Пальто из драпа, или шубы, крытые сукнами на лисьем или хорьковом меху.

Купчихи и их дочери носили юбки и кофты, а на головах платки — парчовые, тканные с золотой каймой, шитые золотом.

---

1. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 93. Л. 201.

*Жена шамхала Тарковского. 1870-е гг.**

*Жена хана Казикумухского. 1870-е гг.***

Зимой носили сапоги, шубы и шубки на заячьем, лисьем, куньем меху. Они могли быть крыты сукном, штофом, бархатом, широкими рукавами и длинными пелеринами.

Примерно так же, как и купцы, одевались мещане побогаче, мелкие лавочники и ремесленники, но их костюмы были менее разнообразны, проще и шились из более дешевых материалов.

Одежда состоятельных горожанок состояла из платья с сильно приталенным на корсете верхом и пышной сосборенной на талии юбки. Платья шили из бархата, плюша, тяжелых шелков.

Выходя на улицу, дама надевала поверх платья короткую пелерину, шарф с подобранной в тон шляпой. Кроме того, была разнообразная верхняя одежда – пальто, манто, куртки-казакины.

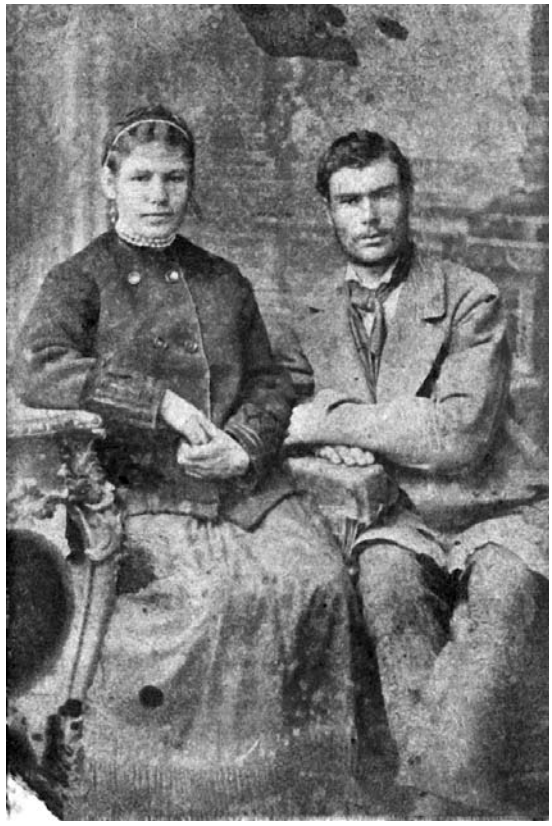
Модной обувью в начале XX в. считались лакированные или шнурованные ботинки со светлым верхом и черными лакированными носами и каблуками, а также лодочки с перепонкой.

В городах наиболее распространенными аксессуарами модной женской одежды второй половины XIX — начала XX в. были перчатки и зонтики. Разнообразными были головные уборы — чепцы, капоры, береты, тюрбаны.

Чиновники, которых было много в Темир-Хан-Шуре, в администра-

* Женщины Кавказа. М., 2008.
** Там же.

ции вначале начальника, а затем военного губернатора области, были одеты в мундиры, фасон и цвет которых на протяжении второй половины XIX — в начале XX в. много раз менялись. Интересно, что русские императоры принимали участие в разработке новых мундиров. У каждого ведомства была своя униформа, свой цвет мундира. Так, у чиновников министерства финансов были мундиры темно-зеленого цвета или черные с зеленым отливом. Чиновники имели: полукафтан, мундирный фрак, сюртук, жилет, брюки, погоны и петлицы.



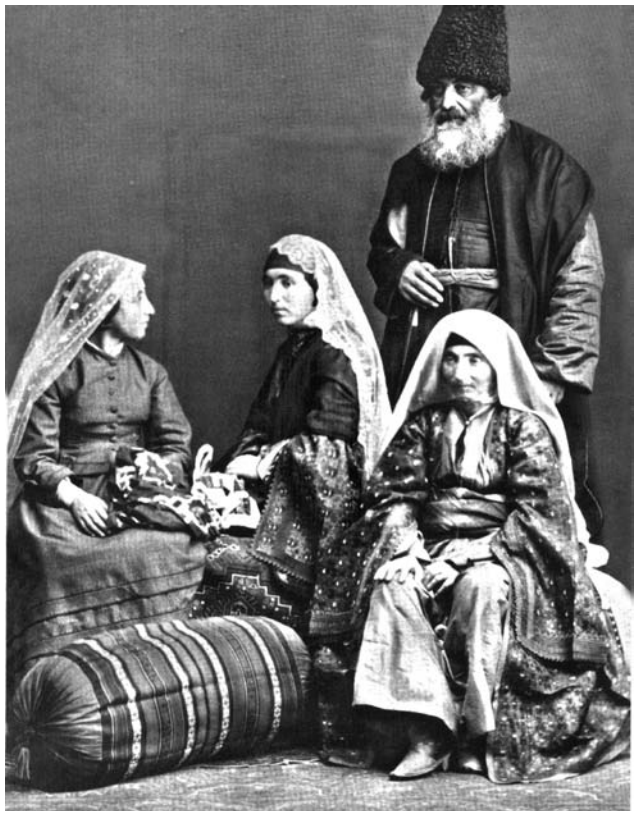
Русская семья из Петровска. Из личного фонда Э.М. Далгат

В конце XIX в. для чиновников было установлено семь форм одежды: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая, дорожная и летняя. Обычную одежду чиновник мог носить только вне службы. Головным убором была фуражка с кокардой в форме двуглавого орла. Вся форма чиновник была выдержана в европейском стиле.

Во всех городах области были расквартированы русские военные. На протяжении исследуемого периода их военная форма изменялась, приобретая единообразный, дешевый и удобный в носке вид. Она состояла из мундира со стоячим воротником, широких, заправленных в высокие сапоги шаровар, в пехоте того же цвета, что и мундир, серые шинели, головные уборы в виде невысокой, круглой барашковой шапки с суконным дном, а также кепи с околышком. В летнее время мундиры разрешалось заменять кителями.

В начале XX в. для войск южных округов империи, в том числе и в Дагестане, парадный головной убор был признан слишком тяжелым и заменен обыкновенной фуражкой, к которой прикреплялся маленький металлический герб.

Цвет мундиров в разных родах войск различался: пехота имела мундиры темно-зеленого цвета, казаки и жандармы носили синие мундиры.



*Городские евреи. Фотограф Д.А. Никитин. 1870-е гг.**

Вот как описывает Абдурагим Далгат мир гражданских чиновников и военных Темир-Хан-Шуры в начале XX в.: «Обтянутые в голубые военные и темно-синие гражданские мундиры с аксельбантами, эполетами, орденами, форменными блестящими пуговицами, кокардами, шпорами с малиновым звоном, саблями в блестящей оправе, черными шпагами, испанскими плащ-накидками с медными застежками и цепочкой на груди, черными фраками, лакированными штиблетами, высокими голенищами блестящих сапог, алыми лампасами узких брюк, лихо закрученными усами, холеными бородками, круглыми брюшками, золотыми цепочками на жилетах, крахмальными воротничками — весь этот мир военных и гражданских чиновников, аристократов-помещиков, отставных, специалистов, купцов областного центра Дагестана с его военно-народным управлением представлял собой тот же петербургский столичный мир в уменьшенном масштабе»[1].

Горские евреи жили во всех городах Дагестанской области. Тип одежды был ими заимствован у окружающих горцев. М.М. Ихилов, изучивший горских евреев, отмечал, что в их костюме очень трудно выделить элементы, характерные только для горских евреев[2]. Более подробно о дагестанском комплексе одежды скажем позже, когда будем говорить об одежде горожан-дагестанцев.

Армяне, проживавшие в городах Дагестанской области, носили традиционную одежду. У мужчин это туникообразная рубаха-шапик и нательные штаны-вартик. Поверх надевали шаровары из домотканой грубошерстной

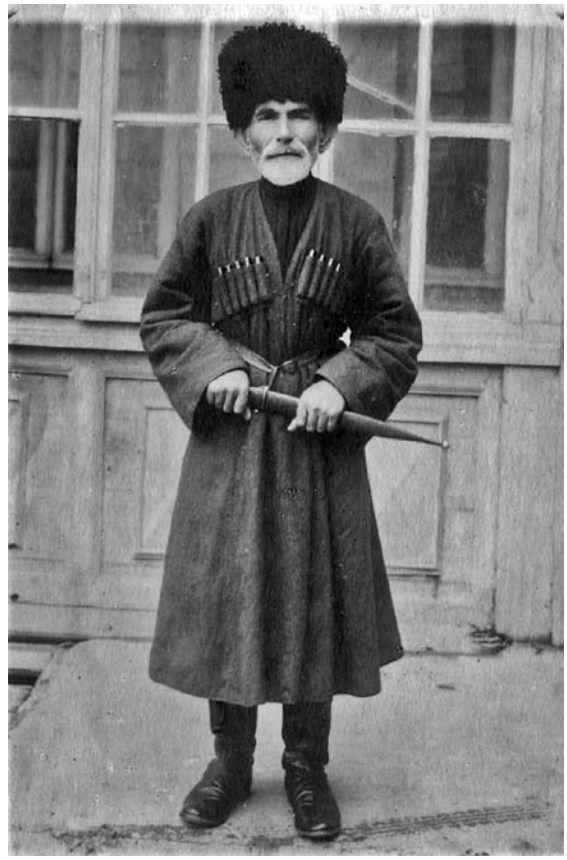
1. *Далгат А.М.* В огне революции. Махачкала, 1960. С. 92.
2. *Ихилов М.М.* Горские евреи // Народы Дагестана. М., 1955. С. 231.

* Женщины Кавказа. М., 2008.

ткани, окрашенной в черный, темно-синий или коричневый цвета.

В начале XX в. на смену им стали входить в употребление брюки с застежкой на пуговицах, а также брюки европейского образца (прямые и брюки-галифе), носимые вместе с кожаным ремнем[1].

Верхнюю одежду составляли архалуг и чуха. Архалуг шили из покупных тканей (сатин, ситец) черного, синего, коричневого цвета, на подкладке. От воротника до талии он застегивался встык на ряд крючков. Украшением служила тесьма — галун в тон основной материи. В состоятельных семьях, например, в купеческих, использовали шелковый пурпур[2]. Архалуг обычно опоясывали серебряным поясом, реже ремнем или же кожаным поясом с накладными серебряными пуговицам.



Алибек Далгат.
Из личного фонда Э.М. Далгат

Поверх архалуга надевалась чуха. Она служила не только верхней одеждой (пальто в современном его понимании), но и являлась одеждой на выход.

В конце XIX в. чуху шили из домотканой грубой шерсти, окрашенной в черный, коричневый или темно-синий цвет, длиной до колен, с зашитыми по всей длине рукавами, либо с небольшим разрезом у запястья. С распространением фабричных тканей чуху начали шить из более дорогостоящего сукна, несколько короче, чем домотканую. Нередко с обоих сторон на груди нашивали *декоративные газырницы*. Чуха была плотно подогнана по фигуре[3].

Состоятельные лица в городской купеческой и торгово-ремесленной среде носили чуху с прорезями по всей длине рукава. Ее шили из дорогого

1. Армяне. М.: Наука, 2012. С. 247.
2. Там же.
3. *Авакян Н.Х.* Армянская народная одежда (XIX — начало XX в.). Ереван, 1983. С. 61.

сукна, с шелковой контрастной прокладкой (зеленого, синего, голубого тонов), вырезы обшивали тесьмой, богатые — бархатной каймой.

Обычным головным убором армян была меховая шапка — папах, сшитая из овечьих шкур. Наиболее дорогой и престижной считалась каракулевая бухари из шерсти овец бухарской породы, которую носили представители состоятельных слоев, особенно в городах. В городах в комплекте с чухой с откидными рукавами носили очень высокие, близкие к цилиндрической форме шапки[1].

Традиционной обувью мужского и женского населения были поршни. В городах мужчины носили сапоги на каблуках, с толстой подошвой. Состоятельные носили высокие сапоги из мягкой тонкой кожи (хрома или шевро) с чухой. Женщины носили остроносые туфли без задника с сильно загнутым кверху носом — чмушк. В конце XIX в. — закрытые глубокие туфли (фабр), стянутые шнурком или застежкой на 3 пуговицы[2].

Покрой белья и одежды у армянок был прямой. Нательная длинная рубаха красного цвета шилась из ситца, сатина и шелка. Разрез на груди с двух сторон обшивается вышитой каймой черного бархата. Панталоны из красной шелковой ткани доходили до щиколотки и внизу закреплялись вышитым или тканым кольцом шириной в 6–10 см.

Верхняя одежда — архалуг, длинное распашное платье - имело с двух сторон разрезы от подола до пояса, к этим разрезам с внутренней стороны пришивались карманы. Шили архалуг из ситца, сатина или шелка синего, зеленого или фиолетового цвета. Прямые длинные рукава заканчивались треугольной формой, до 20 см закрывающей руку. Подол, разрезы одежды обшивались тканью в 2–3 см шириной, другого цвета, чем одежда, которая декоративно оттеняла форму архалуга, сочетали с красным — синий, с коричневым — синий или зеленый цвет.

Разрез на груди архалуга и концы рукавов обшивались серебряными полыми узорными линейными бусами, а разрез рукава от запястья до локтя — висячими, соединенными между собой цепочками. Женщины часто носила два пояса: серебряный и матерчатый. Серебряные узорные пластины, пуговицы накладывались, вдевались в кожаный пояс. Крупная пряжка с растительным, геометрическим и иными узорами и весь пояс выполнялись в технике гравировки, чеканки, чернения, иногда эмали. У богатых пояса и все украшения изготовлялись из золота, у других — из серебра и простых металлов. Второй красный матерчатый пояс длиной в 2–3 метра обвязывался вокруг талии. Обувь, часто украшенная золотым шитьем, носила название «чмушк». Вязанные сложной

1. Армяне. М.: Наука, 2012. С. 250.
2. *Авакян Н.Х.* Указ. соч. С. 63.

вязкой короткие носки украшались изображением древа жизни и порой птиц с птенцами. Теплая одежда – распашная шуба муштак шилась из сукна, бархата с подкладкой, обшивалась мехом.

В торгово-ремесленной среде в городах распространенной была следующая одежда. Верхняя одежда «храха» с прямыми линиями шилась из толстой ткани: сукна, бархата, тяжелого шелка. Разрез на груди, края рукавов, весь подол платья украшались рельефным золотым шитьем в 5–7 см шириной с растительным рисунком. С этой одеждой носился передник из красного сукна, обшитый также золотым шитьем.

Большинство армянских костюмов было украшено различными вышивками и орнаментами, корнями уходящими в дохристианскую культуру. Среди прочего на костюмах часто встречались сакральные знаки и разного рода обереги, защищавшие носителя одежды и даровавшие удачу.

В исследуемый нами период в городах Дагестанской области проживало незначительное количество дагестанцев. Они стали появляться в городах в конце XIX — начале XX в. В Дербенте это были лезгины. В Темир-Хан-Шуре коренное население было представлено в следующем порядке: кумыки, лакцы, аварцы, даргинцы[1].

Одежда, которую носили дагестанцы, жившие в городах, была традиционной. У мужчин-лезгин это нижняя рубаха, штаны, бешмет, черкеска, шуба, бурка, папаха и разнообразная обувь[2].

Бешмет — по-лезгински «велчаг», называли еще по-тюркски «архалуком». Он имел много общего с бешметом других народов Дагестана.

Черкеску — «чухва» носили поверх бешмета. Ее шили из сукон местного производства, особенно ценилось тонкое акушинское сукно. Нарядные черкески делали также из добротных фабричных сукон, особенно из гвардейского сукна, называемого «магьут»[3]. Черкеску надевали лишь в торжественных случаях: во время свадьбы, приема гостей, в пути и т.д. В обычные дни носили бешмет.

Обязательной принадлежностью черкески для лезгин и дагестанцев вообще был узкий пояс с накладными чеканными медными или серебряными пластинами и подвесками. К такому поясу обязательно подвешивался кинжал. Надо отметить, что ни у азербайджанцев, ни у армян, живших в Дербенте, не было принято, в отличие от дагестанцев, надевать пояс.

---

1. *Далгат А.М.* В огне революции. Махачкала, 1960. С. 91.
2. *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX — начало XX в. М., 1978. С. 207.
3. Там же. С. 208.

Богатые лезгины надевали поверх черкески узкие кубачинские серебряные или позолоченные пояса[1]. Среди них получили распространение привозные каракулевые папахи, которые стоили 10–12 руб., в то время как основное население носило папахи из овчины.

Традиционный костюм лезгинки в исследуемый нами период состоял из рубахи, штанов, платья, валчага, шубы, головных уборов, платков, обуви. К концу XIX в. появилось множество самых разнообразных платков: шерстяных, шелковых, парчовых с шелковой бахромой, произведенных в Гяндже, Персии, России. Как отмечает С.С. Агаширинова, такие платки могли носить только состоятельные лезгинки[2].

Лезгинские женщины очень любили украшения. Их носили и с повседневной, и с нарядной одеждой. Это были височные, ушные, шейные, нагрудные, поясные, украшения для рук и т.д.

В исследуемый нами период, особенно с конца XIX в., в одежде лезгин, в первую очередь, живущих в Дербенте, прослеживается русское влияние. Среди них получают распространение платки, пальто и другие элементы русской национальной одежды, которую лезгины заимствовали у русских вместе с названиями (шиблетар, палту, кулушар и т.д.). Некоторые лезгинки стали носить ботинки «чекмеяр» на высоком каблуке и со шнурками[3].

В конце XIX — начале XX в. традиционную одежду состоятельные лезгины, в том числе жившие в Дербенте, шили из тканей русского, европейского и ближневосточного производства.

Менее состоятельные горожане шили одежду из тканей домашнего производства.

Кумыки, жившие в Темир-Хан-Шуре и Петровске, тоже носили традиционную одежду, которая мало чем отличалась от общедагестанской.

Поверх рубахи кумыки надевали бешмет (къантал). Постепенно бешмет заменила «кавказская рубаха». Ее отличительной особенностью были нагрудные карманы. На бешмет или кавказскую рубаху надевали черкеску — «чепкен». Его шили из сукна разных цветов. Для нарядных черкесок изготовляли сукно из белой верблюжьей шерсти, но его приобретала только богатая верхушка кумыкского общества[4].

Зимой поверх бешмета кумыки надевали овчинную шубу. Кумыкская знать и буржуазия носили дорогие собольи, бобровые, хорьковые, горностаевые шубы, которые шили из привозных русских мехов. У кумыков эти шубы назывались «хаз-тон» (хаз — мех, тон — шуба).

---

1. Там же. С. 210.
2. *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX — начало XX в. М., 1978. С. 234.
3. Там же. С. 235.
4. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М., 1961. С. 225.

Непременной принадлежностью дагестанского традиционного мужского костюма было оружие. Это были, как правило, кинжалы, шашки работы дагестанских мастеров. Иметь хорошее дорогое оружие мечтал каждый горец, но дорогое оружие было доступно не всем. В городах области его носила феодальная знать, переселившаяся сюда, а также офицеры Дагестанских конных полков, расквартированных в Темир-Хан-Шуре. «Молодые офицеры, — пишет Абдурагим Далгат, — щеголяли в шитых специальными мастерами светлых черкесках, золотом оружия, саблями дагестанской стали»[1].

Одежду военным шили темир-хан-шуринские портные. Самым известным в начале XX в. был Рубштейн, к которому присылали заказы даже из гвардейских полков Петербурга[2].

В годы Первой мировой войны обязательным постановлением военного губернатора области были приняты ограничения в ношении горцами оружия. Запрещалось носить всякого рода оружие в городах, кроме должностных лиц и беков, при наличии у них удостоверения о бекском происхождении[3]. Так, житель селения Марага Кайтаго-Табасаранского округа Сейдий Лачин-оглы был оштрафован в Дербенте на 3 рубля за ношение кинжала без разрешения[4]. И таких случаев было много.

Представители феодальной верхушки, а также зарождавшейся буржуазии носили в нагрудном кармане бешмета часы с цепочкой, конец которой с брелком закреплялся на груди. Они же носили перстни с печатками на безымянном пальце. Судя по рисункам художников первой половины XIX в., бешмет и черкеску вплоть до 80-х годов XIX в. украшали блестящей тесьмой, шнуром из золотой или серебряной канители, причем в более раннее время украшения использовались в большем количестве. В конце XIX — начале XX в. одежду обшивали шнуром в тон ткани бешмета или черкески. Дорогой серебряный, со сплошным набором металлических пластинок и пряжкой пояс также являлись украшением одежды[5].

После присоединения Дагестана к России в кумыкскую среду, в первую очередь к проживавшим в городах, стала проникать и привозная городская одежда (пальто, сапоги, шапки, плащи и т.д.). Она была доступна только верхушке общества[6].

Кумыкские женщины носили традиционную одежду, к которой относились: нижняя рубаха, верхнее платье — араср, полуша, о котором

---

1. *Далгат А.* В огне революции. Махачкала, 1960. С. 93.
2. Там же. С. 91.
3. Дагестанские областные ведомости. № 32. 1914. 10 августа.
4. Дагестанские областные ведомости. № 9. 1916. 28 февраля.
5. *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана. Пущино, 2001. С. 88.
6. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М., 1961. С. 229.

мы уже говорили, и распашное платье «къабалай». На голове носили «чутку», поверх него надевали большой платок. Платки были шелковые, шерстяные, тюлевые или ситцевые, в зависимости от состояния владелицы. Шелковые и вязаные платки проникали на Кумыкскую плоскость ... из Осетии. Эти платки-тастар отличались высоким качеством и поэтому ценились дорого[1].

Большое внимание уделяли кумычки, в особенности жены кумыкских феодалов и представителей буржуазии, косметике. Они пользовались привозной косметикой, а женщины из бедных сословий использовали местные средства. Во второй половине XIX в. в города, а затем в округа стали чаще проникать привозные духи, пудра, помада и т.д.

Как свидетельствуют фотографии, в конце XIX — начале XX в. дагестанки, в первую очередь богатые горожанки, стали пользоваться зонтиками, дамскими сумочками, часами с цепочкой и другими аксессуарами.

Судя по фотографиям, в семьях городских дагестанцев дети часто были одеты в европейскую одежду, а взрослые — в традиционное платье, сшитое из привозных фабричных тканей. У бедных это были ситец, бязь, у богатых — бархат, шелк, парча.

Среди нерусского населения городов Дагестанской области хотя и медленно, но шел процесс европеизации одежды.

1. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М., 1961. С. 237.

§ 3. Пища

Видным компонентом повседневной жизни горожан была пища. Она сохраняла свою этническую специфику, вместе с тем в городах происходило обогащение традиционной кухни того или иного этноса блюдами кухонь других национальностей.

В Дербенте, самом старом из городов области, закавказские тюрки или азербайджанцы сохраняли национальную кухню. Ее отличало большое разнообразие. В повседневной пище большое место занимали хлебопекарные изделия и разнообразные густые супы, такие как пити, бозбаш. Любимыми блюдами дербентских азербайджанцев были разные долма: рубленое мясо заворачивали в виноградные листья или формировали ими баклажаны. Рис для плова, выращенный в соседнем Теркеме, покупали на дербентском базаре, в городских лавках. Из мяса готовили шашлыки, люля-кебаб, пельмени-дюшпере, бастырма. Популярными были пироги — чуду с разной начинкой.

Азербайджанская кухня богата разными сладостями. По праздникам дербентские азербайджанцы готовили разнообразную халву, пахлаву. Из напитков популярными были шербет, использовали также разные душабы (сиропы).

В окрестностях Дербента было много садов и огородов, где местные жители выращивали овощи и фрукты. В Дербенте появились ранняя капуста и картофель, ягоды. Их продавали на городских рынках, вывозили в города группы Минеральных Вод, в Кубанскую область, Ростов, Харьков, Москву[1]. Овощи и фрукты занимали большое место в питании дербентских азербайджанцев.

В пище русских, составлявших основное население Петровска и Темир-Хан-Шуры, большое место занимали хлебопекарные изделия из пшеничной и ржаной муки. Это были коврижки, коржи, булки, пампушки и пр. Широко распространены были блины из ржаной и пшеничной муки, которые ели с маслом, с кислым молоком, сметаной, с арбузным медом и др.[2]

В семьях русских горожан часто пекли пирожки с разнообразной начинкой, варили вареники. Начинкой в богатых семьях служил мясной фарш, в семьях победнее — картошка, яйца, вишня, ежевика.

Широкое распространение получило жидкое блюдо — борщ с мясом в состоятельных семьях, без мяса — в семьях победнее.

---

1. Бакинские известия. № 137. 18 июня 1904.
2. *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские. XIX — начало XX в. Махачкала, 2001. С. 77.

В семьях состоятельных русских горожан приготовлением еды занимался повар, которому помогала кухарка. Кроме того, в доме работала горничная, а за садом ухаживал садовник.

В русских семьях, наряду с говядиной и бараниной, употребляли свиное мясо. В отличие от горцев, русские семьи мясо впрок не заготавливали, не сушили.

Повседневной пищей были молоко и молочные продукты — кефир, сметана, творог, масло. Как отмечает М.Ш. Ризаханова, у русских, как и у горцев, особой популярностью стал пользоваться соленый овечий и козий сыр, который они стали изготавливать по горскому способу[1]. По ее наблюдениям, традиционная народная кухня русских обогатилась блюдами национальной кухни дагестанских народов. В рацион блюд русских, в том числе городских, прочно вошли курзе, плов, шашлык, хинкал (как здесь его называли — финкал), жареная баранина с подливой[2].

По сведениям информаторов, в семьях городских русских, в отличие от горцев, ели много рыбы. Ее варили (уха), жарили, запекали, сушили, солили. Делали пирожки с рисом и визигой (хрящ из позвоночника красной рыбы), фаршировали судака и т.д.[3]

Ритуальной едой русских семейств были куличи, кутья (рисовая или пшеничная каша с медом), пышки, которые смазывали медом и маслом[4]. В рационе русских было много фруктов и овощей.

Армяне, проживавшие в городах Дагестанской области, сохраняли традиционную кухню. В ней сочетаются растительные и животные (мясомолочные) продукты. Поэтому первенство принадлежало зерновым продуктам, составлявшим основу питания армян.

Главный из зерновых продуктов хлеб-лаваш. Его выпекали в печах–тонирах. Особо ценились блюда из риса. Праздничным блюдом были разнообразные пловы с куриным филе, рыбой, бараниной, сухофруктами (рис был, как правило, покупным), в Дербент привозили рис из Теркеме.

Важное место в питании армян занимали кисломолочные продукты — мацун, который хранили в глиняных кувшинах. Распространен в пище армян был сыр-панир разных видов.

Менее употребляемыми были мясные продукты. Праздничным блюдом из мяса был шашлык.

Армяне широко использовали пряную зелень, овощи и фрукты. Из овощей готовили различные блюда, например, баклажаны фаршировали, делали из них икру и т.д. Фрукты ели свежими, сушили на зиму.

---

1. *Ризаханова М.Ш.* Указ. раб. С. 78.
2. Там же. С. 79.
3. Информатор — Далгат Уздият Башировна.
4. *Ризаханова М.Ш.* Указ. раб. С. 79.

У армян много блюд из рубленого мяса. Оно шло как начинка в голубцы (талма), им фаршировали яблоки, айву, баклажаны и т.д. Любимым блюдом из баранины или говядины была кюфта. Это было праздничное блюдо.

Дагестанцы, переселившись в города области, сохранили традиционную пищу. Это были продукты земледелия и животноводства. Самым популярным и любимым блюдом дагестанцев был хинкал, имевший много видов. В основном это было жидкое блюдо с мясом, когда в бульоне варили кусочки теста и подавали с толченым чесноком. Широкое распространение среди дагестанцев, в том числе городских, имели пироги — чуду с начинкой из мяса, творога, тыквы, различных трав, а также пельмени — курзе, начинка которых тоже была разнообразной.

Повседневной пищей дагестанцев были хлеб из пшеницы, кукурузы, риса, а также сыр, в том числе овечий.

Дагестанцы, проживавшие в городах, относились к разным социальным слоям городского населения. Здесь жили семьи бывшей феодальной знати Тарковских, Казаналиповых, табасаранских беков, а также кустари, прислуга, перебравшиеся в города в поисках заработка. Естественно, что их питание различалось.

Так, в заметке в газете «Баку» за 1903 г. указывалось, что «преобладающее в Темир-Хан-Шуре бедное население, для которого мясо доступно лишь в праздничные дни, а в будни оно питается только хлебом и картофелем»[1].

Богатым семьям были доступны продукты, приобретаемые в дорогих магазинах — конфеты, чай, сахар, европейские вина и т.д. В магазинах продавались красивые коробки с сухофруктами хорошего качества, производимые на фабрике Абдулаева[2].

Достоянием питания более состоятельных дагестанцев, живших в городах, были шашлыки и плов. Из сладких блюд наиболее любимым в Дагестане была халва разных видов и пахлава[3].

Напитками, употребляемыми дагестанцами, были айран, буза (брага). Живя в городах, горцы, несмотря на запреты, на свадьбах и других торжествах употребляли сухое вино «чагъыир»[4].

В питании дагестанцев, в первую очередь живших в городах, появляются новые продукты — картофель, капуста и т.д., что объяснялось культурным влиянием русского населения городов. Горцы рыбу и фрукты ели меньше, чем русские. Пища горских евреев, живших в городах,

1. Баку. № 216, 9 октября 1903.
2. Информатор — Далгат Уздият Башировна.
3. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Махачкала, 2005. С. 102.
4. Там же. С. 103.

Чайная в Темир-Хан-Шуре. ДГОИАМ

была такой же, как у дагестанцев, своих особенностей не имела[1].

Продукты питания горожане покупали на базарах, в магазинах, лавках. На базары продукты привозились из окрестных селений. Дорогие фрукты, овощи и зелень покупали у персов, которые привозили их с юга[2]. По пятницам торговые заведения, владельцами которых были мусульмане, не работали.

В городах Дагестанской области широко была развита система общественного питания. В нее входили рестораны при гостиницах, буфеты при городских общественных собраниях, духаны и кебавные, где готовили блюда кавказской кухни, чайные, трактиры и харчевни. В конце 70-х годов XIX в. в Петровске, по сведениям Бакинской казенной палаты, работали: 31 духан, 5 кебавных, 6 трактиров, 1 харчевня[3].

В эти же годы в Темир-Хан-Шуре работали 36 духанов, 6 харчевен, 3 трактира, 3 чайные[4].

Хозяевами этих заведений общественного питания были в основном жители Закавказья. Хлеб горожане могли покупать в булочных и в пурнях[5], где пекли лаваши. Так, в Петровске в 70-е годы XIX в. было 5 пурен и 1 булочная[6]. Существовали магазины для продажи кондитерских изделий.

---

1. *Ихилов* М.М. Горские евреи // Народы Дагестана. М., 1955. С. 232.
2. Информатор — Далгат Уздият Башировна.
3. ЦГИА Азербайджанской республики (далее ЦГИА АР). Ф. 43. Оп. 1. Д. 177. Лл. 1-111.
4. Там же. Д. 93. Лл. 116-290.
5. *Пурне* — по-грузински хлеб.
6. ЦГИА АР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 177. Л. 1-111.

В городах было много пивных, ренсковых и винных погребов.

В Центральном госархиве Республики Дагестан нами выявлен документ 1900 г. о хозяевах питейных заведений в Петровске. В этом списке 55 фамилий[1]. Семнадцать человек из списка были уроженцами Грузии, 25 — русскими, в том числе 8 человек были мещанами города Петровска. Среди владельцев питейных заведений были жители Астрахани, Владикавказа, Полтавской губернии. Одни из них были крестьянами, другие — отставными офицерами, солдатами и т.д. Помимо русских и грузин питейными заведениями в Петровске владели армяне, был также гражданин Швейцарии — Маркс Куприян Петрович. На улице Барятинского у него был собственный дом, в котором находилась гостиница «Маркс»[2].

Питание горожан, покупавших продукты на рынках и в лавках, зависело от их стоимости. Цены на продукты первой необходимости постоянно росли. Так, 5 октября 1896 г. жители Темир-Хан-Шуры остались без хлеба, поскольку поднялась цена на муку и хлебопеки хотели повысить стоимость хлеба. Власти запретили это делать, и булочники устроили стачку, перестав печь хлеб[3].

В начале XX в. темир-хан-шуринские мясники обратились к городским властям с ходатайством позволить им прибавить одну копейку на говядину и две копейки на баранину[4]. Городские власти склонны были поддержать мясников, мотивируя это тем, что сено подорожало и поэтому подорожал скот. Автор газетной заметки сетует на то, что «бедный человек, зарабатывающий 40–45 коп. в день, не будет иметь возможности даже в праздничный день приобрести кусок мяса»[5].

Особенно быстро цены на продукты первой необходимости стали расти в годы Первой мировой войны. В Политическом обзоре Дагестанской области за 1915 –1916 годы военный губернатор князь Дадешкелиани писал о том, что «раньше Дагестан снабжал себя сельскохозяйственными продуктами (и села и города). Привозили лишь некоторое количество пшеничной муки, крупы, чай, сахар, но в годы войны из-за расстройства железнодорожного транспорта в Баку обострился продовольственный вопрос и многие сельскохозяйственные продукты, нужные для Дагестана, минуя железную дорогу, — морем стали вывозиться в Баку, где цены были высокими — это вызывало рост цен на продукты в самом Дагестане, в том числе и в городах»[6]. Положение еще больше

1. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 8. Лл. 139-141.
2. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 139.
3. Кавказ. № 241. 13 октября 1896.
4. Новое обозрение. № 5932. 12 января 1902.
5. Там же.
6. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 33-а. Л. 7, 8.

обострилось в период гражданской войны, но это выходит за хронологические рамки нашего исследования.

Города были центрами межэтнического общения, здесь происходило взаимовлияние культур, в том числе в такой сфере жизнеобеспечения, как питание. Сохраняя свою традиционную культуру питания, разные этнические группы горожан заимствовали некоторые элементы питания у других этнических групп. Так, у русских появились блюда, заимствованные у кавказцев, а горцы постепенно приобщались к некоторым блюдам русской кухни.

§ 4. Социальные аномалии в городах

Главным источником, дающим представление о социальных аномалиях в городах Дагестанской области исследуемого периода, являются заметки, опубликованные в газетах. Судя по этим заметкам, жизнь городского населения в исследуемое время была неспокойной.

Немалое беспокойство горожанам причиняли шайки разбойников, орудовавшие в окрестностях городов. Особенно много их было около Дербента. С наступлением рыболовного сезона в лесах к югу от Дербента появлялись многочисленные шайки разбойников. Их целью были рыбные промыслы, располагавшиеся вдоль каспийского побережья к югу и северу от Дербента. Разбойники облагали хозяев промыслов данью. Рыбопромышленники привыкли к этому из года в год повторяющемуся явлению и аккуратно платили дань разбойникам. Сфера разбойничьих посещений ограничивалась ватагами, близкими к лесу, и дальше реки Рубас они не заходили. Главарь шайки беглый каторжник Гаджи-Нейман облагал рыболовецкую ватагу данью соответственно количеству чанов пойманной рыбы и больше не творил никаких насилий. В 1904 г. положение изменилось. Как сообщалось в заметке, опубликованной в газете «Казбек», появилось сразу несколько шаек разбойников, которые держали и рыбопромышленников и все население в осадном положении[1]. Эти шайки посетили все рыболовецкие ватаги около Дербента и, взыскав с них дань в увеличенном размере, сильно побили дербентского рыбопромышленника С-ва, который хотел было торговаться с ними. Затем шайка разбойников перешла реку Рубас, обошла все ватаги вблизи города Дербента и здесь сильно избила промышленника М-на за неверные сведения о количестве пойманной рыбы. С маленькой ватаги разбойники брали 600 руб., с большой они требовали свыше 1000 руб. Получив деньги, разбойники везде предупреждали рыбопромышленников, что если они будут жаловаться и расскажут о посещении ими их промыслов, то по окончании лова, когда каждый промысел охраняется одним сторожем, они сожгут промыслы и постараются убить их хозяев. Рыбопромышленники считали борьбу с разбойниками невозможной и, опасаясь их мести, действительно скрывали от администрации разбойничьи набеги. Видя полную безнаказанность, разбойники появились в самом городе Дербенте и в версте от него напали на городскую бойню и ограбили ее. Затем 20 мая 1904 г. они напали на селение Аглаби, населенное евреями. Лишенные оружия, жители не могли оказать шайке разбойников из 15 человек сопротивления, и все население оказалось ограбленным. Переходя из дома в дом, шайка отбирала все сколько-нибудь

1. Казбек. 2 июня 1904.

ценные вещи у жителей, угрожая берданкой при малейшем сопротивлении.

Перепуганные жители, собрав оставшиеся пожитки, переселились в город Дербент и очутились здесь под открытым небом.

Многие жители соседнего селения Хошманзиль, опасаясь нашествия разбойников, также оставили свои дома и перекочевали в город. Среди горожан прошел слух, что шайка разбойников проживает в дербентских садах, и поэтому многие садовладельцы боялись ездить в свои сады. Кроме того, в городе говорили, что у разбойников, орудовавших в окрестностях Дербента и в Кубинском уезде, есть сообщники в городе. Эти слухи подтвердились после ареста шайки близ станции Худат. По дороге главарь шайки показал, что всевозможную помощь и оружие разбойники получали от некоторых жителей города Дербента[1].

Горожане оживленно обсуждали подробности ареста в Дербенте главаря одной из шаек разбойников — Малла-Омара. Его шайка наводила на окрестности Дербента панических страх. Множество семейств садовладельцев, выехавших, как обычно, на лето в сады, услышав о бесчинствах разбойников, бросив свое имущество на произвол судьбы, спешно возвращались в город.

Полиция выяснила, что Малла-Омар по ночам является в Дербент в дом своей жены. За домом установили слежку, и Малла-Омар был схвачен приставом Пахомовым и городовым Мамед-Кули[2]. Шайка Малла-Омара, скрывавшаяся в дербентских садах, узнав об аресте своего атамана, скрылась.

Летом 1904 г. среди дербентцев распространился слух о новой операции, проведенной городской полицией. По слухам, 2 июня городская полиция узнала, что в 10–11 верстах от города, недалеко от соленого озера, расположилась шайка из 4-х вооруженных людей. На следующее утро пристав I части Дербента Гриценко, его помощник Маркович и городовые отправились к озеру и стали искать разбойников. Обнаружив их, полицейские обезоружили и арестовали двух участников шайки. Задержанные оказались жителями селения Чулат Кюринского округа Гамид-Валибек оглы и Абакар-Мардон Али оглы. В тот же день был задержан подозреваемый в соучастии в этой шайке житель селения Татар-Хан-кент Кюринского округа Омар Исмаил оглы, обвинявшийся ранее в кражах со взломом и скрывавшийся от преследования полиции[3].

Несколько ранее дербентским полицмейстером был оцеплен дом, в котором скрывались разбойники. В ходе полицейской операции были убиты атаман по имени Шихи и другой разбойник[4].

---

1. Казбек. 2 июня 1904.
2. Бакинские известия. 17 июня 1904.
3. Бакинские известия. 6 июня 1904.
4. Кавказ. 26 января 1901.

Скрываясь от преследования полиции, разбойники иногда находили убежище в Средней Азии. Так, при попытке переправиться через море полицией был арестован атаман шайки Нейман, упоминаемый ранее[1].

Грабили не только рыбные промыслы, но и частные дома, магазины. Газеты тех лет пестрят заметками о таких кражах. «Кражи у нас совершаются систематически», – пишет в 1901 г. корреспондент газеты «Каспий» из Дербента[2]. – «С весны еще в Петровске участились кражи из домов», — сообщает корреспондент газеты «Казбек»[3].

Грабители проявляли находчивость. Так, магазины, принадлежавшие евреям, они грабили по субботам, когда они были закрыты[4].

В городах орудовали карманники, причинявшие горожанам массу неудобств.

Автор заметки, писавший под псевдонимом «Маленький воробей», сообщал, что в Темир-Хан-Шуре в начале XX в. развилось конокрадство. «Так, – пишет он, – 27 февраля ночью у одного извозчика была похищена пара лошадей из двора, причем одна лошадь, худая, сейчас же прибежала, а другая, хорошая, стоимостью в 80 рублей, пропала»[5].

Причиной увеличения воровства в городах Дагестанской области корреспондент газеты «Каспий» в Дербенте считает, с одной стороны, проведение железной дороги и наплыв рабочих, с другой стороны, незначительный штат городской полиции, которая не справлялась с возросшим объемом работы[6].

Кроме того, по мнению горожан, «самый состав низших чинов полиции далеко неудовлетворителен»[7], что объясняется низкой зарплатой. «Полицейские чины, – сказано в заметке, – набираются поэтому без всякого разбора из первых попавших, лишь бы штат был пополнен»[8].

Помимо воровства в городах Дагестанской области имели место такие социальные аномалии, как проституция и нищенство.

Дома терпимости имелись во всех городах области. Так, в Дербенте был известен публичный дом Четвериковой[9]. Несколько публичных домов было в Темир-Хан-Шуре, где были расквартированы воинские части. Корреспондент газеты «Каспий», подписавшийся буквой «В», писал из Темир-Хан-Шуры: «Развитие проституции в Дагестане принимает большие размеры. Проституток здесь можно разделить на две категории —

1. Кавказ. 4 августа 1898.
2. Каспий. № 8, 11 января 1901.
3. Казбек. № 1357, 28 июня 1902.
4. Казбек. № 994, 11 марта 1901.
5. Казбек. № 988, 4 марта 1901.
6. Каспий. № 8, 11 января 1901.
7. Казбек. № 1357, 28 июня 1902.
8. Там же.
9. Голос Кавказа. 6 февраля 1906.

проституция постоянная и проституция временная. Первая из них находится в домах терпимости, вторая же проживает в городе в самостоятельных квартирах и тайно занимается своей профессией»[1]. И далее он пишет, что «в Шуре проживает до 160 тайных проституток и некоторые из них опасно больны венерическими болезнями»[2]. По мнению автора, большинство проституток составляют женщины, попавшие в сложные жизненные обстоятельства, например, потерявшие кормильца и оставшиеся без средств к существованию[3].

В городах области было много нищих. «Обыкновенно они ходят целыми толпами со двора на двор, – пишет корреспондент газеты «Каспий» из Темир-Хан-Шуры, – прося, часто со слезами о помощи». И далее он пишет: «Мне приходилось видеть глухонемых, валявшихся под заборами, в лохмотьях, полуголодных или бродивших по базару и собиравших остатки фруктов для утоления голода»[4]. Но эта проблема «не замечается городскими воротилами». Автор заметки сетует на то, что «в Шуре, равно как в Петровске и Дербенте, не существует ни одного заведения, где могли бы призреваться бедные, лишенные способности к труду»[5]. «Купечество наше, – пишет он, – не только не участвует в помощи бедным, но и называет нищенство «большим пороком»[6].

Интересный источник пополнения нищенствующих в городах Дагестана приведен в газете «Баку». Переселенцы из разных концов России, наслышавшись о привольном житье-бытье в Дагестане, посылали сюда своих «ходоков» с целью приискать хорошее место. У «ходоков» было мало денег, и они прибегали к нищенству. Чаще они ютились подле казарм, где солдаты из жалости кормили их[7].

Представляют интерес наблюдение автора и заметки о том, что «мусульманское население области относится к переселенцам с полным радушием»[8].

Спокойное течение жизни провинциальных городов области время от времени нарушалось каким-нибудь происшествием, которое обсуждалось городскими обывателями.

Весной 1900 года Темир-Хан-Шура была взбудоражена убийством широко известного в городе фельдшера Бакаева. Его тело было найдено в канаве около дома Дмитриева. Следственные органы, осмотрев место,

1. Каспий. № 63, 19 марта 1902.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Баку. № 13, 2 ноября 1902.
8. Там же.

где лежало тело, пришли к выводу, что преступление было совершено в другом месте, а убитый был перенесен сюда для отвода глаз. На суд над подозреваемым в убийстве явилось много людей, преимущественно из местной интеллигенции. В зале суда не хватало места для всех желающих, и на крыльце, и даже на улице стояла большая толпа народа[1]. Внимание людей к этому делу объяснялось, видимо, тем, что в его основе лежала любовная история, любовный треугольник.

Надо отметить, что преступления «на романтической подкладке» всегда вызывали особый интерес городских обывателей. Летом 1899 г. дербентцы обсуждали драму, разыгравшуюся в городе. Как сообщал корреспондент газеты «Кавказ», в приехавшую из Баку молодую барышню влюбились двое молодых людей, из них один был приказчиком, а другой — человеком с высшим образованием. Ему и было отдано предпочтение. Оскорбленный приказчик явился к отцу соперника и потребовал, чтобы он расстроил женитьбу, и, когда тот отказался, выстрелил в него из пистолета. Племянник пострадавшего выхватил у него пистолет и пустился догонять его. У самого дома приказчика племянник застрелил его. Тем временем, раненый отец жениха скончался дома от сквозной раны в живот. Горе его семьи не поддается описанию, писал корреспондент[2].

В том же Дербенте летом 1904 г. публика, гулявшая в городском саду в 10 часов вечера, была напугана выстрелами, прозвучавшими на главной аллее. Поскольку по городу распространились слухи о шайках разбойников, укрывавшихся в дербентских садах, публика решила, что стреляли разбойники, и стала спешно покидать городской сад. Но позже выяснилось, что была убита девушка, близкая родственница дербентского купца, и у этой истории тоже «романтическая подкладка». В городе циркулировали слухи о подлинных причинах этого убийства. Среди местного армянского общества осуждали убийцу – родного дядю убитой и жалели покойную, которая, закончив курс заведения св. Нины в Баку, работала учительницей в одной из школ[3].

Эта история, всколыхнувшая дербентское общество, имела продолжение. Сбежавший после убийства Н.И. Мартиросян, явился с повинной во Владикавказское городское полицейское управление, где сознался в убийстве из револьвера дербентской жительницы С.Н. Погосовой. Полиция арестовала его[4].

В городах частым явлением были драки на почве пьянства, нередко заканчивавшиеся ранением или убийством участников.

---

1. Казбек. 20 апреля 1901.
2. Кавказ. 28 августа 1899.
3. Бакинские известия. 27 июня 1904.
4. Казбек. 4 мая 1904.

Корреспондент «Бакинских известий» сообщал, что в июне 1904 г. произошла поножовщина между жителем Дербента Хачатуром Богдановым и жителем селения Эрпели Алиджанбеком Алипкач-оглы. Они выпивали в доме у Богданова, затем поссорились, и началась драка, в результате которой Богданов был смертельно ранен и на другой день скончался [1].

Пьяный дебош устроили трое жителей Дербента Юсуф-оглы, Асаф Ината-оглы и Даниил Шельми-оглы в пивной лавке Марии Скибы. Она вызвала городового, который предложил буянам вести себя прилично, но они не послушались и вступили с городовым в драку. Во время драки Юсуф Шамиль-оглы выхватил у городового из кобуры револьвер, но городовой обнажил саблю и нанес Асафу рану в левое плечо. Рана была опасной. Все дебоширы были задержаны[2].

Пьянство, распространенное в городах области, беспокоило власти. На собрании уполномоченных Дербента в 1897 г. выступавшими отмечалось, что на некоторых многолюдных улицах Дербента очень много питейных заведений и около них часто происходят безобразия. Уполномоченные просили военного губернатора разрешить составить обязательное постановление о числе питейных заведений и о местах, где они могут быть открыты[3].

Распространенной причиной убийства как в округах, так и в городах области было убийство из мести. О таком убийстве сообщал корреспондент газеты «Баку» из Петровска. По распоряжению дорожного мастера сторож рассчитал двух дагестанцев (в документе — татар. – *Э.Д.*), работавших чернорабочими на железной дороге, за плохую работу. В тот же день вечером, когда сторож спал в своей будке, кто-то постучал в окно. Зная, что дорожный мастер часто посылает ночью необходимые распоряжения, сторож, ничего не подозревая, вышел из будки. Оказалось, что это уволенные дагестанцы. Они сказали, что принесли записку от мастера, а когда сторож стал зажигать спичку, чтобы прочитать записку, его ударили кинжалом и перерубили ему позвоночный столб. На крики сторожа прибежали рабочие и отнесли его в железнодорожный приемный покой. Через два дня его отправили в дербентскую больницу, поскольку в Петровске больницы не было. В Дербенте сторож скончался[4].

Гораздо реже убийств в городах происходили случаи самоубийств. Об одном из таких случаев сообщили в газету «Баку». 11 июня 1903 г. в общественном собрании города Темир-Хан-Шуры обедала веселая компания и один из компании – чиновник канцелярии губернатора Горийский

1. Бакинские известия. 23 июня 1904.
2. Баку. 22 октября 1910.
3. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 201. Л. 2.
4. Баку. 17 октября 1903.

с репутацией скандалиста сказал оскорбительную фразу в адрес сидевшего рядом чиновника Покровского. Тот потребовал повторить оскорбительную фразу, в ответ на это Горийский выстрелил в него из револьвера и слегка ранил Покровского в руку. Присутствующие старались как-нибудь их помирить, но это им не удалось. Горийский пошел искать утешения в трактир, откуда один из товарищей доставил его домой. Через несколько минут Горийский выстрелил в себя из револьвера. В страшных мучениях он скончался на следующий день в 12 часов дня, оставив после себя жену и ребенка[1].

Осенью того же 1903 г. темир-хан-шуринское общество было взбудоражено вестью о самоубийстве сына купца Измайлова. Молодой человек застрелился после ссоры с отцом, который оскорбил его. На взгляд корреспондента, в основе случившегося лежит конфликт отцов и детей. Молодой человек получил образование за пределами Дагестана. Вернувшись домой, он не смог приспособиться к жизни в среде мещан маленького провинциального города. Он возмущался ее «дикими», по его мнению, взглядами, устаревшими предрассудками. Его признали «испорченным». Начались конфликты с близкими, с отцом, и все закончилось трагедией[2].

По мнению автора заметки, «рознь между отцами и детьми принимает все более острый характер и в большинстве случаев кончается тяжелой драмой»[3]. «Путь прогресса, – пишет он, – у нас обильно обагрен человеческой кровью. Через трупы людей проникает свет культуры в темные ущелья Кавказа»[4].

Как видно из приведенной заметки, желание дагестанской молодежи учиться, европейское образование, получаемое некоторыми из состоятельных слоев населения, имело и оборотную сторону — возникал конфликт поколений. Молодые люди начинали критически оценивать среду, из которой вышли, ее косность, предрассудки, некультурность. Это вызывало отторжение их средой, признание «чужаками», и это, как в данном случае, могло стать причиной драмы.

Непростыми были взаимоотношения внутри этноконфессиональных групп в городах. Так, например, в Дербенте в начале XX в. среди азербайджанцев, населявших магалы, существовало, как сказано в источнике, две партии, издавна враждовавшие между собой — «Нагиевская» и «Набиевская», названные по именам их родоначальников. И так как «злейшие враги — былые друзья и родичи», то междоусобная война была более ожесточенной, чем если бы велась между членами разных партий. 17 марта

1. Баку. 17 июня 1903.
2. Казбек. 27 октября 1903.
3. Там же.
4. Там же.

1901 г. четыре человека из одной фракции дали «генеральное сражение» своим двоюродным братьям — пяти членам противной группы. В 10 часов вечера в магалах в узком переулке, между домов обеих групп завязался бой, сначала залповой стрельбой, а когда закончились патроны, началась схватка на кинжалах, такая жаркая, что ни собравшейся толпе, ни подоспевшей полиции не удавалось разнять озлобленных бойцов, пока они сами не остановились, обессиленные от потери крови. В результате сражения 2 человека было убито, 6 — ранено и 1 человек пропал без вести[1].

В городах случались убийства и между представителями разных этноконфессиональных групп. Так, в газете «Новое время» за сентябрь 1903 года была опубликована заметка о том, что в Темир-Хан-Шуре произошли два убийства русских кумыками или «татарами», как их называют шуринцы. Был убит и ограблен русский извозчик, а затем смертельно ранен молодой пластун[2]. Эти убийства породили сильную панику среди русского населения. «Шуринцы, – сказано в заметке, – толпились на улицах, ожидая с часу на час нападения кумыков. Многие боялись даже ходить за водой. К счастью все обошлось благополучно, хотя поводы к беспокойству все еще есть. Войска в Темир-Хан-Шуре в настоящее время очень немного»[3].

Происшествия такого рода в городах были нечастыми, столкновения на межнациональной почве в городах области не были характерным явлением.

Таким образом, для городов Дагестанской области были присущи такие же социальные аномалии, как и для других городов Российской империи.

1. Казбек. 2 июня 1901.
2. Новое время. 2 сентября 1903.
3. Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами рассмотрены возникновение городов Дагестанской области и их развитие во второй половине XIX — начале XX века. История их возникновения различна. Дербент, присоединенный к Российской империи в начале XIX в., возник в древности. Петровск и Темир-Хан-Шура из русских военных укреплений, созданных в годы Кавказской войны, в 50–60-е годы XIX в. были преобразованы в города.

Особенностью городов Дагестанской области было то, что они были иноэтническими образованиями на территории расселения дагестанцев.

В отличие от моноэтнических округов области города были полиэтническими. Вместе с тем, в населении Дербента преобладали закавказские тюрки (азербайджанцы. — *Э.Д.*), в Петровске и Темир-Хан-Шуре большинство горожан составляли русские.

Особенностью социальной структуры городов Дагестанской области была значительная доля милитаризованных сословий в начале исследуемого периода и ее уменьшение в последующем.

Как и в других провинциальных городах Российской империи, во вновь образованных городах Петровске и Темир-Хан-Шуре значительную прослойку городского населения составляли русские крестьяне, поскольку молодым городам предоставлялись налоговые льготы, привлекательные для жителей других регионов империи. В городах жили армяне, евреи, персы. В конце XIX в. в городах области проживало небольшое количество дагестанцев.

Города Дагестанской области были многофункциональными. Они играли важную административно-политическую, экономическую и культурную роль. По мере развития функции молодых городов менялись. Возникнув как военные укрепления, они постепенно превратились в торгово-промышленные центры. В городах зарождались и развивались важнейшие промышленные отрасли экономики: крапповая фабрика в Дербенте, текстильная фабрика «Каспийская мануфактура» в Петровске, рыбная промышленность и т.д.

Города области были центрами внутридагестанской и транзитной международной торговли. Они оказывали большое влияние не только на ближайшую сельскую округу, но и на более отдаленные селения.

Города выполняли торгово-распределительные функции. Товары, поступавшие по железной дороге в города, извозчиками развозились по разным округам области.

Помимо промышленности и торговли важными хозяйственными занятиями горожан были ремесла, сельскохозяйственные занятия, извоз.

Города Дагестана были центрами генерации культурных ценностей. Во второй половине XIX — начале XX в. в городах происходили серьезные изменения: создавалась система начального и среднего светского образования, получило развитие библиотечное дело, любительское театральное искусство.

В этот период в городах наладилась система обеспечения водоснабжения, велись работы по благоустройству: мощению и освещению улиц, приводились в порядок парки. Определенные успехи были достигнуты в развитии профессиональной медицины. Она стала неотъемлемым компонентом городского образа жизни.

Развивались городская культура. Были созданы культурно-просветительские и благотворительные общества, свидетельствовавшие об европеизации городской жизни.

На протяжении второй половины XIX — начала XX в. важные изменения происходили в повседневной жизни горожан, обусловленные экономическими, политическими, социально-культурными факторами.

Изменения происходили в сфере материальной культуры, в частности, жилище, одежде, пище. Особенностью развития Дербента было сосуществование в нем восточной и русской (европейской) градостроительных культур. В молодых городах строили дома европейского типа.

Полиэтничность городов имела следствием многообразие видов одежды горожан, носившей на себе отпечаток социальной и профессиональной принадлежности человека.

Дагестанцы, жившие в городах, носили традиционную одежду, но в конце XIX — начале XX в. богатые горожанки стали пользоваться европейскими аксессуарами. Среди городских дагестанцев, хотя и медленно, но пошел процесс европеизации одежды. Пища горожан сохраняла свою специфику, однако и здесь шло заимствование блюд из кухонь других национальностей.

Города Дагестанской области были зоной этноконтактов, где происходило взаимовлияние и взаимообогащение культур. В городах дагестанцы приобщались к русской, а через нее к европейской культуре. Здесь они получали светское образование, сюда они приходили в поисках работы.

Составляя незначительную часть населения области во второй половине XIX — начале XX в., города играли все большую роль в социально-экономическом, политическом и культурном развитии Дагестана.

Словарь терминов

Выкресты — представители других религий, принявшие христианство.

Духан (кавк.) — небольшой трактир или лавочка на Кавказе и Ближнем Востоке.

Каботаж — морское прибрежное судоходство.

Капан – хлебная мера веса на Кавказе. 30 капанов = 23 1/8 четвертей.

Карета — повозка с крытым кузовом на пружинах.

Кебавная — заведение, где готовили кебабы — блюда из мясного фарша.

Колониальный товар — товары, привозимые из Западной Индии: пряности, сахар, кофе, чай и пр.

Ландо — четырехместная раскидная коляска, образующая при подъеме верха карету.

Почетные граждане — особая группа городского населения — буржуазия, торговцы, дети священников, внесшие особый вклад в жизнь города.

Пурня — пекарня (груз. пурне — хлеб).

Ренсковый погреб — заведение для продажи виноградных вин (рейнские вина).

Трактир — гостиница, постоялый двор с рестораном, харчевней.

Фаэтон — небольшая легкая коляска, иногда двуколая.

Фрахт — перевозка товаров большой водой.

Харчевня — простое заведение, где едят за деньги.

Список сокращений

ДГОИАМ — Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей. Отдел «Фото и документы».

ЗКОИРГО — Записки Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества.

ИГЭД — История, география, этнография Дагестана.

МИМ — Музей истории Махачкалы.

НА Грузии. FPA. PA 2. P № — Национальный архив Грузии. Центральный архив кино-, фото-, фонодокументов Грузии. Альбом 2. Позитив №.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан.

ЦГИА АР — Центральный государственный исторический архив Азербайджанской республики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архивы

Российский государственный военно-исторический архив

1.1. *Главное инженерное управление* — Ф. 349. Оп. 12. Д. 2143, 2146 — Генеральный план части Дербента с показанием расположения госпитальных и воинских строений.

Оп. 39. Д. 832. Генеральный план укрепления Темир-Хан-Шура с показанием места, на коем возводятся новые госпитальные здания.

Оп. 39. Д. 853. План укрепления Темир-Хан-Шуры 1850 г. 21 декабря.

Оп. 39. Д. 855. Генеральный план Темир-Хан-Шуры с показанием расположения воинских строений в 1893 г.

1.2. *Военно-ученый архив* — Ф. 846. Оп. 16. Д. 21888. План Дербента с предположением его обороны и проектом усиления.

1.3. *Военно-походная канцелярия е.и.в. при императорской главной квартире* — Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 169. Рапорт военного губернатора Дагестанской области С. Вольского — Николаю II.

Центральный государственный архив Республики Дагестан

1.4. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области — Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-10. Отчет дербентского полицмейстера о состоянии города за 1891 г.

Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 13-22. Распределение населения Дербента по сословиям, вероисповедованиям, о числе ремесленников, фабрик и заводов в Дербенте.

Ф. 2. Оп. 2. Д. 5а. Из актов особых комиссий, созданных для осмотра хозяйств Аргутинского-Долгорукова и отставного майора М. Егорова в Темир-Хан-Шуринском округе.

Ф. 2. Оп. 1. Д. 21 б. Л. 7, 8. Отчет военного губернатора Дагестанской области за 1913 год.

Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 15-19. Расходы и доходы Темир-Хан-Шуры за 1891–1895 гг.

Ф. 2. Оп. 1. Д. 85. Л. 8-12. Расходы на благоустройство Дербента в 1902 году.

Ф. 2. Оп. 3. Д. 5 а. Акт комиссии, созданной для осмотра хозяйства отставного майора М.Егорова в Темир-Хан-Шуринском округе.

1.5. Дагестанское областное по городским делам присутствие. — Ф. 6. Оп. 2. Д. 7. Л. 16, 22, 23, 119. Журналы городского общественного управления Петровска.

1.6. Архив газеты «Дагестанские областные ведомости» — Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 8, 18. Доклад ветеринарного инспектора К. Макарова на Закавказском обществе ветеринаров.

1.7. Общественное управление Дербента — Ф. 14. Оп. 1. Д. 7. Л. 72-77. Обязательное постановление об извозном промысле в городе Дербенте.

Ф. 14. Оп. 1. Д. 17. Л. 16. Прошение писца Дербентского городского общественного управления А.А. Андреева — дербентскому городскому старосте.

Ф. 14. Оп. 1. Д. 18. Л. 1. Названия улиц в Дербенте.

Ф. 14. Оп. 2. Д. 2. Л. 2, 3, 20, 32. Кондиции на отдачу в подряд освещения уличных и садовых фонарей в гор. Дербенте.

Ф. 14. Оп. 2. Д. 4. Л. 1, 4. Ведомость работ по очистке городских оросительных канав в Дербенте.

Ф. 14. Оп. 3. Д. 3. Л. 12, 15, 24, 30. О ценах в Дербенте.

Ф. 14. Оп. 3. Д. 28. Л. 42. Список арендаторов рыболовных вод г. Дербента.

Ф. 14. Оп. 3. Д. 44. Сведения о числе лиц, состоящих в русском подданстве, владеющих недвижимыми имуществами в г. Дербенте с подразделением этих владельцев сообразно стоимости принадлежащих им недвижимых имуществ ... с указанием национальности, рода занятий и образования сих владельцев.

1.8. Дагестанский областной статистический комитет — Ф. 21. Оп. 3. Д. 1, 13, 41, 54, 65, 69, 80, 115. Годовые отчеты городских общественных управлений Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры за 1899, 1904, 1906, 1909 годы.

1.9. Общественное управление г. Петровска — Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1. Сведения о деятельности городского общественного управления за 1896–1897 гг.

Ф. 23. Оп. 2. Д. 9. Письмо командира Бакинского порта — городскому старосте г. Петровска.

Ф. 23. Оп. 2. Д. 7. Л. 1. Прошение петровского мещанина П.П. Матушкина.

Ф. 23. Оп. 2. Д. 4 «а» Л. 6. Прошение жителя Петровска дворянина С.Д. Казбека.

1.10. Земский агроном Дагестанской области. Ф. 35. Оп. 2. Д. 7. Л. 9. Расписка жителя сел. Преображенка Темир-Хан-Шуринского округа И. Рынза о получении сельскохозяйственных орудий и машин.

Центральный государственный архив Грузии

1.11. Канцелярия начальника Главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе — Ф. 5. Оп. 1. Д. 1823. Об учреждении в Петровск персидского вице-консула и о назначении к этой должности Мирза Али Бека.

1.12. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе — Ф. 12. Оп. 6. Д. 972. Прошение темир-хан-шуринских купцов Караогланова и Асадова.

Центральный государственный исторический архив Азербайджанской республики

1.13. Бакинская казенная палата — Ф. 43. Оп.1. Д. 93. Лл. 116-128. — Журналы генеральных проверок торговых и промышленных заведений в городах Дагестанской области.

Бакинская казенная палата — Ф. 43. Оп. 2. Т. III. Д. 7283. Книга о переменах податных сословий по гг. Петровску, Темир-Хан-Шуре, Дербенту, год 1878.

Ф. 43. Оп. 2. Д. 7759. О причислении в купцы по Дагестанской области. 1901.

1.14. Управление земледелия и государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области. — Ф. 22. Оп. 1. Д. 211. Обзор о состоянии сельского хозяйства Бакинской губернии и Дагестанской области.

2. Опубликованные источники

2.1. Всеподданнейшая записка об управлении Кавказом кн. И.И. Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

2.2. Дагестанская область: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1890.

2.3. Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1895.

2.4. Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904.

2.5. Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914.

2.6. Нагиева М.К. Посемейные списки населения Дагестанской области 1886 года и переписи населения 1897 и 1926 годов. Статистический справочник. Махачкала, 2005.

2.7. Обзор Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893.

2.8. Обзор Дагестанской области за 1895 год. Темир-Хан-Шура, 1896.

2.9. Обзор Дагестанской области за 1897 год. Темир-Хан-Шура, 1898.

2.10. Обзор Дагестанской области за 1900 год. Темир-Хан-Шура, 1901.

2.11. Обзор Дагестанской области за 1903 год. Темир-Хан-Шура, 1904.

2.12. Обзор Дагестанской области за 1905 год. Темир-Хан-Шура, 1906.

2.13. Обзор Дагестанской области за 1908 год. Темир-Хан-Шура, 1909.

2.14. Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура, 1915.

2.15. Обзор Первой областной дагестанской сельско-хозяйственной выставки. Темир-Хан-Шура, 1913.

2.16. Обзоры Дагестанской области за 1911 год. Темир-Хан-Шура, 1912.

2.17. Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Темир-хан-шуринского реального училища за 1897 г. Без места и года издания.

2.18. Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области. Тифлис, 1895.

2.19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. LXII. Дагестанская область. 1905.

2.20. Правила дербентского городского попечительства для сбора пожертвований, оказания помощи нуждающимся и постоянного наблюдения за ними. Без места и года издания.

2.21. Правила Попечительства, учреждаемого в городе Петровске Дагестанской области, для сбора пожертвований для оказания помощи нуждающимся и постоянного наблюдения за ним. Без места и года издания.

2.22. Пространство, население и заселенность Кавказского края. (По официальным сведениям 1873–1876 гг.) // Сборник сведений о Кавказе. Т. Тифлис, 1878.

2.23. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. Тифлис, 1915.

2.24. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868.

2.25. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Дагестана. Тифлис, 1890.

2.26. Сельскохозяйственный обзор по Закавказью. 1912. Год пятый. Тифлис, 1913.

2.27. Состав населения Дагестанской области // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VIII. Тифлис, 1875.

2.28. Список населенным местам Кавказского края, имеющим более 1000 душ обоего пола жителей // Сборник сведений о Кавказе. Т. IV. Тифлис, 1878.

2.29. Темир-Хан-Шуринское общество детских развлечений. Темир-Хан-Шура, 1910.

2.30. Устав о деятельности Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1907.

2.31. Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам города Дербента. Дербент, 1899.

2.32. Устав Общества по устройству народных чтений в городе Темир-Хан-Шуре и Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1903.

2.33. Устав темир-хан-шуринского музыкально-драматического кружка любителей. Темир-Хан-Шура, 1900.

2.34. Устав темир-хан-шуринского Общества «Алексеевская детская площадка». Темир-Хан-Шура, 1915.

2.35. Устав темир-хан-шуринского Общества для вспоможения бедным, утвержденный 19 мая 1871 г. Его Императорским Величеством Великим князем Михаилом Николаевичем. Без места и года издания.

2.36. Устав темир-хан-шуринского общественного собрания. Темир-Хан-Шура, 1880.

2.37. Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. М., 1969.

3. Монографии

3.1. Авакян Н.Х. Армянская народная одежда. (XIX — начало XX в.). Ереван, 1983.

3.2. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX — начало XX в. М., 1978.

3.3. Азимов М.М., Вагабов М.М., Мирзабеков М.Я. Транспорт и связь Дагестана. (20–80-е годы). Махачкала, 1992.

3.4. Алиева В.Ф. Русское население Дагестана. Махачкала, 2001.

3.5. Алимова Б.М. Кайтаги. XIX — нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998.

3.6. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Т. Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX в. М.: Наука, 1990.

3.7. Аргутинский-Долгоруков А. История сооружения и эксплуатации Закавказской железной дороги за 25 лет ее существования. 1871–1896 гг. Тифлис, 1898.

3.8. Армяне. М., 2012.

3.9. Ахмедов Д.Н. Повесть о двух братьях. Махачкала, 2003.

3.10. Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927.

3.11. Бартольд В.В. К истории Дербента. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.

3.12. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.

3.13. Бартольд В.В. Новое известие о стенах Дербента. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.

3.14. Беспитных Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб., 1991.

3.15. Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана. Пущино, 2001.

3.16. Бутаев М.Д. Дореволюционная печать как источник по истории и культуре народов Дагестана. Махачкала, 2004.

3.17. Был такой город Махачкала. Махачкала, 2013.

3.18. Вагабов М.М. Железнодорожный и морской транспорт Дагестана. История становления и развития (конец XIX — 90-е годы XX в.). Махачкала, 1997.

3.19. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.

3.20. Водарский Я.В., Истомина Э.Т. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004.

3.21. Гаджиев А.С. Миллионер Тагиев Гаджи Зайналабдин. Махачкала, 2000.

3.22. Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964.

3.23. Гаджиев Б.И. Буйнакск в истории и легендах. Махачкала, 1961.

3.24. Гаджиев Б.И. Ворота в горы. Махачкала, 1966.

3.25. Гаджиев Б.И. Дорога на Гуниб. Махачкала, 1968.

3.26. Гаджиев Б.И. Темир-Хан-Шура. Махачкала, 1992.

3.27. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

3.28. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV века. Махачкала, 1996.

3.29. Гаджиев М.С. Древние города Дагестана: опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002.

3.30. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Т. 2. М., 1961.

3.31. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Махачкала, 2005.

3.32. Гасанов М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX в.). Махачкала, 1999.

3.33. Гимельштейн А.В. Сибирское общество в условиях становления и развития системы региональной власти: На материалах Восточной Сибири 2-й пол. XIX в. Улан-Удэ, 2004.

3.34. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — нач. XX в.). Новосибирск, 2004.

3.35. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 1–4.

3.36. Город в формационном развитии стран Востока. М., 1990.

3.37. Город. Проблемы социального развития. Л., 1982.

3.38. Города на Востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990.

3.39. Города Поволжья в средние века. М., 1974.

3.40. Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978.

3.41. Города феодальной России. М., 1966.

3.42. Городское самоуправление 2-й пол. XIX — нач. XX в. (по материалам Вятки). Елабуга, 2006.

3.43. Губаханова Р.А. Из истории становления буржуазии в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. (Торгово-промышленный капитал). Махачкала, 2003.

3.44. Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860–1917). Торговый капитал. Махачкала, 2006.

3.45. Гурлев И., Хан-Магомедов С., Малкин Т. Дербент. Путеводитель по городу и окрестностям. Махачкала, 1976.
3.46. Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов Дагестана и России. Махачкала, 1990.
3.47. Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX–XX в. Махачкала, 2000.
3.48. Далгат Э.М. Помещичье хозяйство Дагестана во 2-й пол. XIX в. Махачкала, 2006.
3.49. Дворянская и купеческая усадьба в России XVI–XX вв. Исторический очерк. М., 2001.
3.50. Дзалаева К.Р. Осетинское городское население в условиях пореформенной модернизации 2 пол. XIX — нач. XX в. Владикавказ, 2005.
3.51. Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988.
3.52. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
3.53. Заикин Г.М. Населенные места Дагестана. Темир-Хан-Шура, 1917.
3.54. Засоев Д., Пызин В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2003.
3.55. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1867). Ч. 1-2. СПб., 1879.
3.56. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал А.И. Барятинский. М., 1888–1890. Т. 2–3.
3.57. Зойончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
3.58. Иванов Н.А. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX в. М., 2004.
3.59. Иванова А.Н. Социокультурные процессы в деревне Центрально-промышленного района в конце XIX — нач. XX в. М., 2003.
3.60. Идрисова Р.Р. По старым улицам казанским. Казань в фотографиях XIX — нач. XX в.: путеводитель — фотоальбом. Казань, 2005.
3.61. История Азербайджана. Т. 1. Баку, 1958.
3.62. История Дагестана. Т. 1. М., 2004. Т. 2. Махачкала, 2005.
3.63. История Дагестана. Т. 2. М., 1968.
3.64. История народов Северного Кавказа с конца XVIII в. до 1917 г. М., 1988.
3.65. Кабытов П.С., Козлова В.А., Литвак Б.Т. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988.
3.66. Кажлаев А.Н. Возникновение и экономическое развитие Махачкалы. Махачкала, 1967.
3.67. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.
3.68. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX в. Махачкала, 2007.
3.69. Каймаразов Г.Ш. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX — 30-е годы XX в.). Махачкала, 2008.
3.70. Калоев В.В. Язык города. СПб., 2006.
3.71. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнографическое исследование. Владикавказ, 2008.
3.72. Козубский Е.И. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. Порт-Петровск, 1890.

3.73. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
3.74. Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909.
3.75. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX в. М., 2008.
3.76. Кудрявцев А.А. Великий город на Каспии: Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982.
3.77. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982.
3.78. Кудрявцев А.А. Дербенту 5000 лет. М., 1989.
3.79. Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. М., 1993.
3.80. Кудрявцев А.А. Мусульманский город Дагестана: (Сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала, 1994.
3.81. Кудрявцев А.А. Пути развития северокавказского города. Ставрополь, 2003.
3.82. Кудрявцев А.А. Дербент – древнейший город России. Махачкала, 2015.
3.83. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. М., 1981.
3.84. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960.
3.85. Литягина А.В. Города Сибири во 2-й пол. XIX — нач. XX в. Бийск, 2004.
3.86. Магомедов М.Г. Махачкала. История города. Махачкала, 2000.
3.87. Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII — первой пол. XIX вв. Махачкала, 1998.
3.88. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971.
3.89. Мансурова А.Г. Промышленность Дагестана во второй половине XIX— начале XX в. Махачкала, 2006.
3.90. Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969.
3.91. Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. М., 1974.
3.92. Махмудова З.У. Дербент в XIX— начале XX в.: этническая мозаичность города на «вечном перекрестке». М., 2006.
3.93. Месхиа Ш.А. Города и городской строй феодальной Грузии (XVII–XVIII в.). Тбилиси, 1959.
3.94. Милованов Г.И. Орденоносная текстильная. История фабрики III Интернационала. Махачкала, 1961.
3.95. Милованов Г.И. Очерк формирования и развития рабочего класса Дагестана. Махачкала, 1963.
3.96. Милованов Г.И. Рабочий класс Дагестан. Махачкала, 1991.
3.97. Мирзабеков М.Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX — 30-е годы XX в.). Махачкала, 2010.
3.98. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX в.) Т. 1. СПб., 2000.
3.99. Мурадалиева Э.Б. Города Северного Азербайджана во второй половине XIX в. Баку, 1991.
3.100. Мухаммед Аваби Акташи. Дербент-наме. Махачкала, 1992.
3.101. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.
3.102. Некрасов Ю.К. От средневековой к индустриальной цивилизации: позднесредневековый город и ранний капитализм. (По материалам Швабии и Швейцарского союза XIV–XVI вв. Вологда, 2003.

3.103. Ованесов Б.Т. Армянская община города Ставрополя. (1808–1918 гг.) Ставрополь, 2001.
3.104. Оджагова К.Р. Городское самоуправление Баку в конце XIX — начале XX в. Баку, 2003.
3.105. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
3.106. Ольмесов А.Ш. Органы власти в Дагестане и развитие промышленности в Дагестане в начале XX в. Махачкала, 2001.
3.107. Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.
3.108. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.
3.109. Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957.
3.110. Первушин А.В. Население провинциального города 2-й пол. XIX — нач. XX в. (на примере городов Пензенской губернии). Пенза, 2006.
3.111. Раева Т.В. Эволюция южно-уральского города: 1900–1914. Челябинск, 2004.
3.112. Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972.
3.113. Рамазанова О.Е. Деятельность городского самоуправления Поволжья в решении хозяйственных и социальных вопросов. Астрахань, 2003.
3.114. Ратушняк В.Н. Аграрный рынок Северного Кавказа (Конец XIX — начало XX в.). Краснодар, 1983.
3.115. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т. 1. Кн. 2.
3.116. Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX — начало XX в. Махачкала, 2001.
3.117. Риммер Э.П. Город и река. Рыбинск, 2006.
3.118. Робинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002.
3.119. Рогачев А.М. Города Европейского Севера России во 2-й пол. XIX — нач. XX в. Сыктывкар, 2005.
3.120. Романова О.Е. Деятельность городского самоуправления нижнего Поволжья в решении хозяйственных и социальных вопросов в 1870–1914 гг. Астрахань, 2003.
3.121. Руга В.Э. Москва повседневная: очерки городской жизни нач. XX в. М., 2006.
3.122. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983.
3.123. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. М., 1978.
3.124. Салихова Л.Б. Городское самоуправление в Дагестане. Махачкала, 2014.
3.125. Сельскохозяйственный обзор по Закавказью. 1912. Год пятый. Тифлис, 1913.
3.126. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе. XVI–XIX в. М., 1968.
3.127. Собриевский А.С. Задолженность частного землевладения и городских недвижимых имуществ на Северном Кавказе. Материалы по статистике с кратким очерком развития учреждений долгосрочного кредита. Ставрополь, 1906.

3.128. Соза Л.Н. Коломна как тип уездного промышленного города последней трети XIX — нач. XX в. М., 2006.
3.129. Сотавов Н.А. Крах «грозы вселенной». Махачкала, 2000.
3.130. Сумбат-заде А.С. Промышленность Азербайджана в XIX в. Баку, 1964.
3.131. Тахнаева П.И. Махачкала. История другого города (1722–1921). Махачкала, 2007.
3.132. Тимофеев В.И. Виноградарство и виноделие в Дагестанской области. Тифлис, 1895.
3.133. Трунов Д. В горах Дагестана. Махачкала, 1958.
3.134. Трунов Д. По стране гор. Махачкала, 1955.
3.135. Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа: 2-я пол. XIX — нач. XX в. Владикавказ, 2004.
3.136. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в. М., 2005.
3.137. Хан-Магомедов С. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.
3.138. Хачатурян И.В. Ставропольские крестьяне во 2-й пол. XIX — нач. XX в.: опыт социокультурной трансформации. Пятигорск, 2005.
3.139. Шапсович М.С. Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. Баку, 1914.
3.140. Шигабудинов М.Ш. Отходничество. Махачкала, 1990.
3.141. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975.

4. Статьи

4.1. Абдулаева М.И., Далгат Э.М., Мансурова А.Г. Темир-Хан-Шура от военного укрепления до административного центра Дагестанской области // Вестник ДНЦ РАН. №48, 2013.
4.2. Абдулаева М.И., Мансурова А.Г. Мирные будни военного сословия в Дагестане с точки зрения “обыденного историзма” // Современные проблемы науки и образования. №6, 2014.
4.3. Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1832 года // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XX. Вып. 4. СПб., 1884.
4.4. Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. (Тезисы докладов и сообщений XXII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Минск, 11-14 октября, 1939 г.). М., 1989.
4.5. Г.-С.-въ. Очерки жизни русского чиновника в Закавказском городе // Кавказ, № 87. 1858.
4.6. Гаджиев Б.И. Меценаты (Хизри Гаджиев) // Наш Дагестан. 1992. № 162.
4.7. Гриценко Н.П. Роль российского флота и портов Каспия в экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XVIII — начало XIX в.). Грозный, 1983.
4.8. Губаханова Р.А. Кредитно-банковская система в Дагестане и ее влияние на рост предпринимательства (вторая половина XIX — нач. XX в.) // Вестник ДНЦ РАН. 2005. № 20.

4.9. Губаханова Р.А. Эволюция организационных форм предпринимательства в Дагестане во 2-й половине XIX — нач. XX в. // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2005. № 1.

4.10. Губаханова Р.А., Далгат Э.М., Магомедов Н.А., Мансурова А.Г. Проблемы проникновения и развития капиталистических отношений в Дагестане. (Вторая половина XIX — нач. XX в.). Махачкала, 1998.

4.11. Далгат Ф.М. Развитие экономики русских переселенцев в конце XIX — начале XX в. // Кавказ, Балканы, Передняя Азия. Сб. науч. трудов. Вып. 2(9). Махачкала, 2004.

4.12. Далгат Э.М. Вклад Е.И. Козубского в изучение истории дагестанских городов // Материалы научной конференции «Е.И. Козубский как исследователь истории Дагестана в конце XIX — нач. XX в.», посвященной 155-летию со дня рождения известного кавказоведа. Махачкала, 2006.

4.13. Далгат Э.М. Историческая топография Дербента в работе Е.И. Козубского «История Дербента» // Материалы научной сессии, посвященной 100-летию со дня выхода в свет работы Е.И. Козубского «История города Дербента». Дербент, 2006.

4.14. Далгат Э.М. Города Дагестанской области как промышленные и торговые центры второй половины XIX — начала XX в. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2007.

4.15. Далгат Э.М. Роль города в социально-экономическом развитии Дагестана во 2-й пол. XIX — начале XX в. // Материалы международной научно-практической конференции «Провинциальный город в XVIII–XIX в. (История, экономика, культура). Кизляр, 2008.

4.16. Далгат Э.М. Формирование городского населения Дербента и его этнический состав во второй пол. XIX в. // Новый взгляд. Махачкала, 2008.

4.17. Далгат Э.М. Город в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник ДНЦ. № 38, 2010.

4.18. Далгат Э.М. Повседневная жизнь городов Дагестанской области // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2010.

4.19. Далгат Э.М. Экономическое развитие городов Дагестанской области во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник ДНЦ. № 57, 2015.

4.20. Данилов А.Г. Интеллигенция юга России на рубеже XIX–XX в. Штрихи к портрету // Интеллигенция в истории Северного Кавказа. Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 1999). Ставрополь, 2000.

4.21. Егорова В.П. Е.И. Козубский и развитие библиотечного дела в Дагестане // Интеллектуальная история. Сб. научн. статей. Вып. I.

4.22. Журавская Е.Г. Немарксистские концепции урбанизации и особенности социальной эволюции развивающихся стран Востока // Города на Востоке. Хранители традиции и катализаторы перемен. М., 1990. С. 45.

4.23. Зиссерман Л. Новости из Дагестана // Кавказ. № 58. 1858.

4.24. Ибрагимов М.-Р.А. К истории формирования русского населения Дагестана // Советская этнография. № 2. 1978.

4.25. Исаев А.М. Магомед-Мирза Мавраев и другие первопечатники Дагестана // Советский Дагестан. 1989. № 1.

4.26. Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Сб. статей. Махачкала, 2004.

4.27. Ихилов М.М. Горские евреи // Народы Дагестана. М., 1955.

4.28. Козубский Е.И. К истории становления народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие // Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902.

4.29. Козубский Е.И. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Дагестанский сборник. Вып. 11. 1904.

4.30. Козубский Е.И. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // СМОМПК. Вып. 19. Тифлис, 1894.

4.31. Комаров А. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // Записки кавказского отдела императорского русского географического общества. Т. VIII. Тифлис, 1869.

4.32. Комаров А. Списки статистических мест Дагестанской области // Сборник статей статистических сведений о Кавказе, издаваемый Кавказским отделом императорского русского географического общества. Т. 1. Тифлис, 1869.

4.33. Лавров Л.И. Тарки до XVIII в. // Уч. записки ИИЯЛ. Т. IV. Махачкала, 1958.

4.34. Ларина В.И. Социально-экономическое развитие гор. Владикавказа во 2-й пол. XIX в. и его влияние на окружающее горское население // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1958. Вып. I. Т. XXI.

4.35. Малачиханов Б.К. К вопросу о Хазарском Семендере в Дагестане // Уч. записки ИИЯЛ. XIV серия историческая. Махачкала, 1965.

4.36. Мансурова А.Г. Городские рынки Дагестанской области во II пол. XIX — нач. XX в. // Исследования по истории Дагестана. Махачкала, 2004.

4.37. Материалы Республиканской научной конференции студентов и преподавателей. Махачкала, 2005.

4.38. Миронов Б.Н. Социальная структура городского населения России во второй пол. XVIII — пер. пол. XIX в.// Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988.

4.39. Османов М.О. Отходничество — составной элемент этноэкономики Дагестана в XVIII–XIX вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 4(8). С. 79–95.

4.40. Проблемы истории Дагестана второй половины XIX — начала XX в. Книга первая. Махачкала, 1998.

4.41. Рамазанов Х.Х. Из истории строительства порта в Махачкале // Советский Дагестан. 1972. № 1.

4.42. Рамазанов Х.Х. Освоение производственного опыта России в Дагестане // Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1973.

4.43. Рамазанов Х.Х. Развитие промышленности в Дагестане во второй половине XIX в. // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984.

4.44. Рейснер Л.И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада // Города на Востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990.

4.45. Стебницкий И.И. Статистическая таблица Кавказского края с обозначением пространства, числа жителей и плотности населения // Записки Кавказского отдела императорского географического общества. Кн. 5. Тифлис, 1862.
4.46. Суздальцева И.А. Армянская община Дербента в XVIII–XIX в. // Кавказ, Балканы, Передняя Азия. Сб. научн. трудов. Вып. 2(9). Махачкала, 2004.
4.47. Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России // История СССР. 1959. № 6.
4.48. Шигабудинов М.Ш. К вопросу о промышленном отходничестве из Дагестана в начале XX в. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974.
4.49. Шигабудинов М.Ш. Социально-экономические причины отходничества в Дагестане в конце XIX — начале XX в. // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984.
4.50. Эмиров Н.П. Революция 1905–1907 гг. в Дагестане // Революция 1905–1907 гг. в Дагестане. Махачкала, 1976.

5. Газеты

5.1. Бакинские известия. 25 июня, 1902.
5.2. Бакинские известия. 19 мая, 1904.
5.3. Бакинские известия. 18 июня, 1904.
5.4. Бакинские известия. 23 июня, 1904.
5.5. Бакинские известия. 27 июня, 1904.
5.6. Баку. 2 ноября, 1902.
5.7. Баку. 17 июня, 1903.
5.8. Баку. 17 октября, 1903.
5.9. Баку. 22 ноября, 1910.
5.10. Баку. 2 июля, 1915.
5.11. Голос Кавказа. № 9, 1906.
5.12. Голос Кавказа. № 11, 1906.
5.13. Голос Кавказа. № 24, 1906.
5.14. Дагестанские областные ведомости. № 10, 1909.
5.15. Дагестанские областные ведомости. № 11, 1909.
5.16. Дагестанские областные ведомости. № 32, 1910.
5.17. Дагестанские областные ведомости. № 23, 1911.
5.18. Дагестанские областные ведомости. № 25, 1911.
5.19. Дагестанские областные ведомости. № 26, 1911.
5.20. Дагестанские областные ведомости. № 29, 1911.
5.21. Дагестанские областные ведомости. № 38, 1911.
5.22. Дагестанские областные ведомости. № 20, 1913.
5.23. Дагестанские областные ведомости. № 23, 1913.
5.24. Дагестанские областные ведомости. № 28, 1913.
5.25. Дагестанские областные ведомости. № 29, 1913.
5.26. Кавказ. № 6, 1856.
5.27.Кавказ. № 72, 73, 1856.
5.28. Кавказ. № 5, 1858.

5.29. Кавказ. № 35, 1858.
5.30. Кавказ. № 55, 1858.
5.31. Кавказ. № 68, 1858.
5.32. Кавказ. № 87, 1858.
5.33. Кавказ. № 96, 1858.
5.34. Кавказ. № 100, 1858.
5.35. Кавказ. № 67, 1859.
5.36. Кавказ. № 9, 1861.
5.37. Кавказ. № 14, 1861.
5.38. Кавказ. № 64, 1862.
5.39. Кавказ. № 14, 15, 17, 18, 1863.
5.40. Кавказ. № 23, 1863.
5.41. Кавказ. № 77, 1868.
5.42. Кавказ. № 241, 1891.
5.43. Кавказ. № 132, 1901.
5.44. Кавказ. № 145, 1915.
5.45. Казбек. 3 октября, 1900.
5.46. Казбек. 4 марта, 1901.
5.47. Казбек.11 марта, 1901.
5.48. Казбек. 20 апреля, 1901.
5.49. Казбек. 2 июня, 1901.
5.50. Казбек. 28 июня, 1902.
5.51. Казбек. 27 октября, 1903.
5.52. Казбек. 23 марта, 1904.
5.53. Казбек. 4 мая, 1904.
5.54. Казбек. 2 июня, 1904.
5.55. Каспий. 11 января, 1901.
5.56. Каспий. 19 марта, 1902.
5.57. Каспий. 6 октября, 1902.
5.58. Каспий. 21 октября, 1903.
5.59. Новое время. 2 сентября, 1903.
5.60. Новое обозрение. 12 января, 1902.
5.61. Россия. 4 октября, 1900.

instituteofhistory.ru

6. Авторефераты

6.1. Касумов Н.К. Дербент — центр региональной и международной транзитной торговли в XVIII — первой половине XIX в. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2006.

7. Диссертации

7.1. Велиханова Т.Т. Вклад армянской общины в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь Дагестана во второй половине XIX — начале XX в. Рукоп. дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2011.

Далгат Эльмира Муртузалиевна — доктор исторических наук, профессор, зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

Сфера научных интересов: различные аспекты социально-экономического и культурного развития Дагестана в составе Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.

Она является автором монографий «Крестьянство Дагестана на рубеже XIX—XX в. Проблемы социально-экономического развития». — Махачкала, 2000; «Ислам и исламская культура в Дагестане». — М., 2001 (в соавторстве); «Помещичье хозяйство в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в.». — Махачкала, 2006; «История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией». — Махачкала, 2009 (в соавторстве); «Магомед Далгат. Эпоха, жизнь, деятельность». — Махачкала, 2015 (в соавторстве) и т.д.

Научное издание

Э.М. ДАЛГАТ

ГОРОД И ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Редактор — *И.С. Бородина*
Верстка — *С.Ш. Раджабова*

Сдано в набор 18.12.2015. Подписано в печать 30.12.2015.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Trebuchet MS ».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,64.
Тираж 500 экз. Заказ №И-14/15.

Сверстано на издательско-полиграфической базе
ООО НПЦ «ДАРС»
367032, РД, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 94, 1-й эт.

ISBN 978-5-4447-0032-7